

У ПРИРОДЫ МНОГО АДВОКАТОВ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 29 июль 1987

АРКТИЧЕСКИЙ
ВЕНЕЦ

АФГАНИСТАН:
ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ВЕЛИКИЙ
РИСОВАЛЬЩИК
ОБРИ

БЕРДСЛЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 29 (3130)

18—25 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

А. Ю. КОМАРОВ,

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Сколько и каких заступников должно быть
у природы! Об этом — наше интервью «У при-
роды слишком много адвокатов», которое
публикуется на стр. 6.

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИС-
НОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на
полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб.
19 коп.

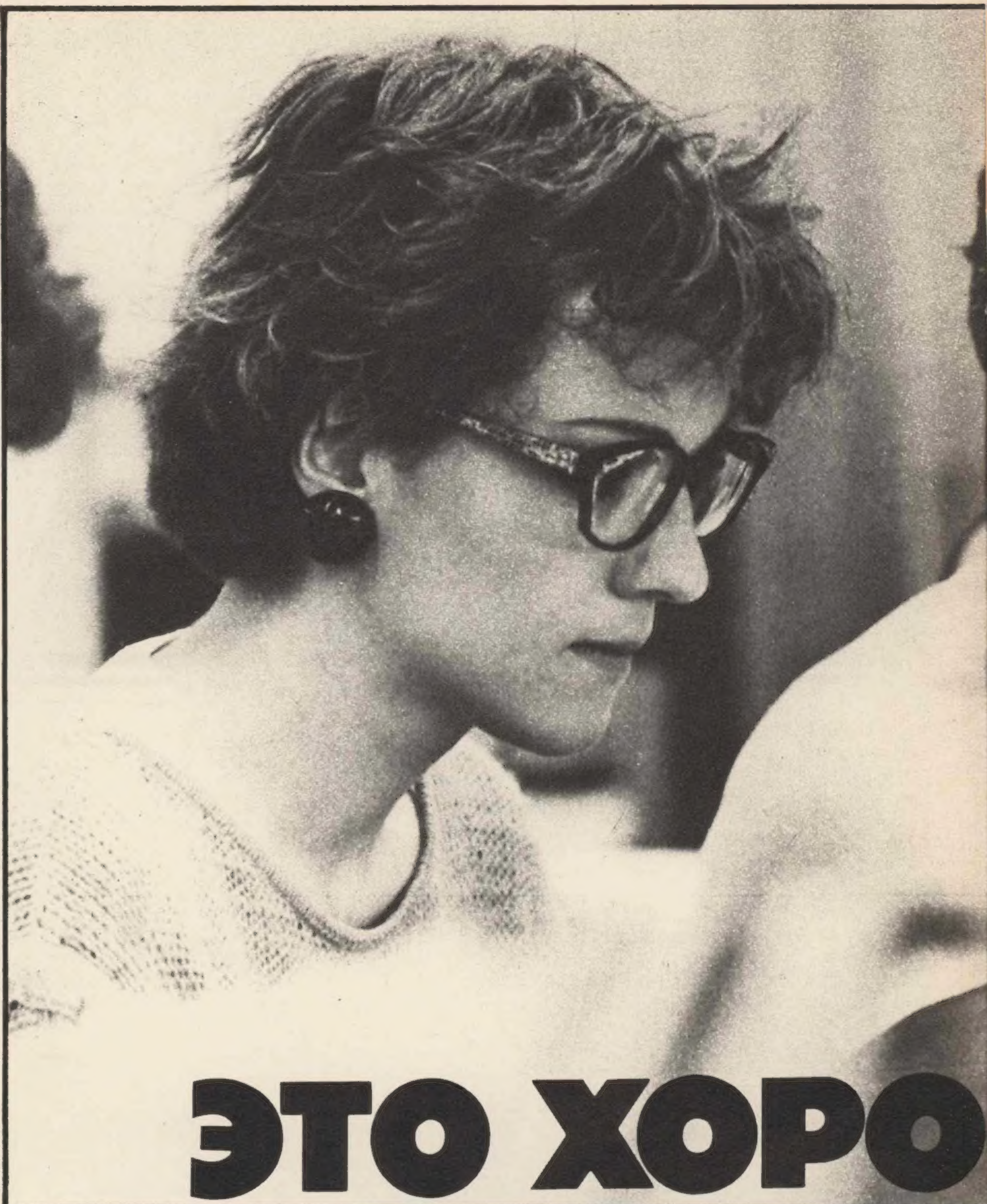
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммуни-
стического воспитания — 250-38-17; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Писем и массовой ра-
боты — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформле-
ния — 212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских ли-
стов не рассматриваются.

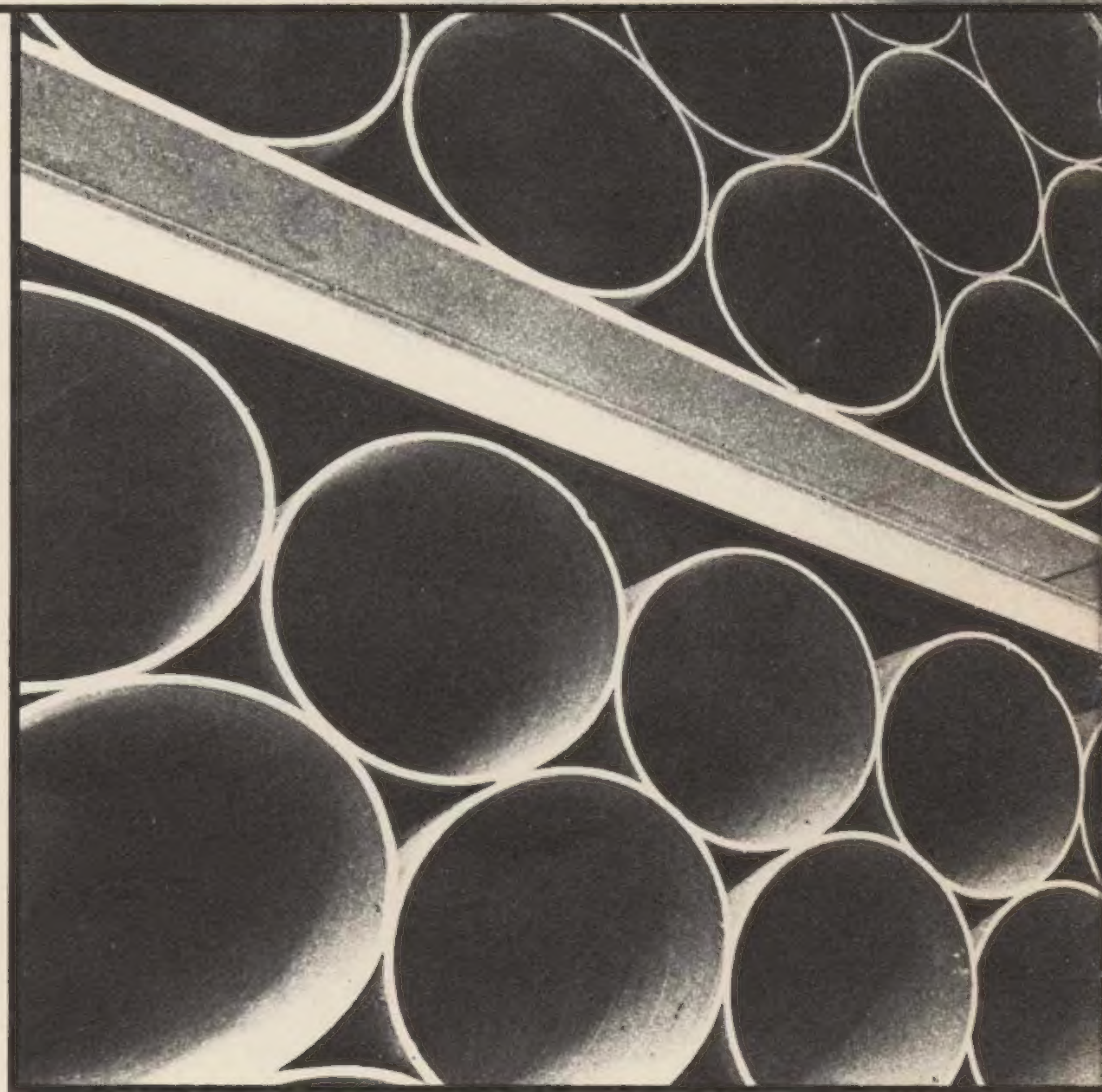
Сдано в набор 26.06.87. Подписано к печати
14.07.87. А 05101. Формат 70×108¹/₈. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд.
№ 1797. Заказ № 877.

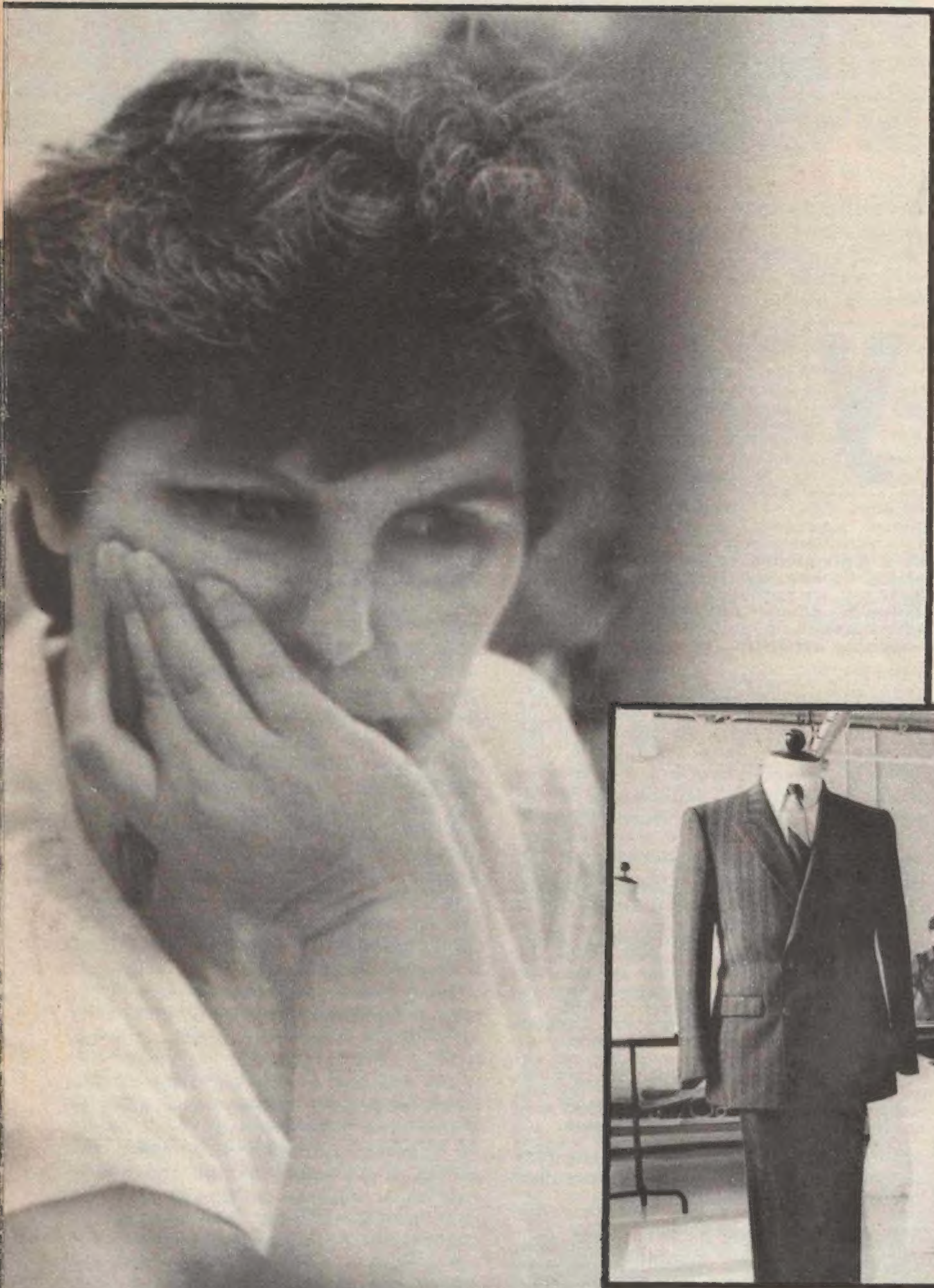
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Револю-
ции типография имени В. И. Ленина издатель-
ства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва,
А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

В КИЕВЕ
ЗА КОРОТКИЙ СРОК
ВЫРОСЛО НОВОЕ
ЗДАНИЕ ШВЕЙНОЙ
ФАБРИКИ
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО.
ВЫСОКУЮ ОРАНЖЕВУЮ
КОРОБКУ ВОЗВОДИЛА
ФИНСКАЯ ФИРМА
«ЛЕМИНКЯЙНЕН»,
А СОБСТВЕННО ФАБРИКУ,
РАЗМЕСТИВШУЮСЯ
В НЕЙ, ПОСТАВИЛА
ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА
«ВЕСТРА ЮННОН».
СПЕЦИАЛИСТЫ
УТВЕРЖДАЮТ,
ЧТО ПО КОМФОРТНОСТИ
УСЛОВИЙ ТРУДА,
ЕГО ВЫСОКОЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ,
А ГЛАВНОЕ,
ПО ГАРАНТИРОВАННОМУ
КАЧЕСТВУ
ВЫПУСКАЕМЫХ
ИЗДЕЛИЙ
БОЛЕЕ
СОВРЕМЕННОГО
ПОДОБНОГО
ПРОИЗВОДСТВА
В ЕВРОПЕ НЕТ.

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр. «Огонька»
Фото
Николая КОЗЛОВСКОГО.

Фабрика будет выпускать... Вот это с достоверностью сказать пока затрудняюсь. В контракте на покупку лицензии и вообще в документах на сделку в целом оговорено, что она рассчитана на выпуск четверти миллиона мужских шерстяных костюмов в год. Но все дело в том, что сторона, отвечающая

— Но если их не вешать, а надеть на себя сначала один и посмотреть в зеркало, потом переодеться в другой и сделать то же самое... Вот тут увидите, как вы сами в одном костюме существенно отличаетесь от себя же в другом.

Далее он пояснил, что особенно заметная разница обнаружится меся-

ШО НА СЕГОДНЯ...

за лицензию, — в Париже, а план фабрики «спускают» вышестоящие начальники в Киеве. Но об этом чуть позже.

Первый вопрос, который прежде всего волновал и меня как потребителя и, надеюсь, интересует читателей, таков: если повесить костюм, сшитый здесь, а рядом такой же по расцветке, качеству ткани, размеру и даже цене, но сшитый на одной из наших фабрик, то в чем будет различие? Об этом я и спросил директора С. М. Власова. Станислав Михайлович, серьезный специалист, работал и в Минлегпроме республики, и немало за рубежом. Ответ его был весьма неожиданным:

— Если повесить, как вы сказали, рядом два подобных костюма — нашей и, допустим, энской фабрики, то они не будут отличаться ничем.

Он выдержал паузу и добавил:

ца через два-три. Если один костюм от постоянного ношения станет терять форму, «посыплется» подкладка, появятся непредвиденные морщины, то другой лишь удобнее сядет на фигуру, скрывая ее мелкие недостатки и подчеркивая достоинства, будет держать предусмотренный модой силуэт, не стесняя вас в движениях.

— В нашей отрасли, — сказал он, — чтобы стать контролером, даже в госприемке, достаточно овладеть ученической линейкой. Ею измеряются в самом прямом смысле почти все параметры качества, как они предусмотрены существующим ГОСТом. К сожалению... Ведь потребитель часто даже при желании не смог бы обнаружить тех линейных дефектов, на которых сосредоточена вся наша служба контроля...

Окончание на стр. 8.

● Специалист французской фирмы «Электра Систем». Коринн Вотякофф (слева) обучает операторов фабрики работе с электронной аппаратурой.

● Портная-лаборант Алла Пожарницкая: такие костюмы и шить приятно, и носить будет радостно.

● Оператор Вячеслав Иваниченко.

КОМУ ВЫГОДНА УСТАРЕВШАЯ ТЕХНИКА?

ПОЧЕМУ «НЕ РАБОТАЕТ» ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ?

КАК ВЕРНУТЬ КАЧЕСТВО НАШЕЙ ПРОДУКЦИИ?

НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ
СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА»
ЛЕОНИДА ПЛЕШАКОВА
ОТВЕЧАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ
СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ,
АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ
ОТДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ
АН СССР АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ
АГАНБЕГЯН.

— «У

скорение», «перестройка» — сейчас нет других терминов, которые при обсуждении нынешних экономических проблем нашей страны использовались бы так же часто, как эти.

Я понимаю, Абел Гезевич, что за понятиями «ускорение» и «перестройка» стоит целый комплекс экономических задач, которые предстоит решить стране в ближайшие годы. Обсудить все в одной беседе мы с вами не сможем. Поэтому хотелось бы остановиться на каком-то одном конкретном вопросе, являющемся, с вашей точки зрения, наиболее важным...

— Мне кажется, что основная проблема в перестройке — это проблема человека. Поэтому, думаю, и наша беседа должна быть посвящена, как принято сейчас говорить, «человеческому фактору» в экономике, в самом широком смысле этого понятия.

— Я согласен. Но прежде чем перейти непосредственно к этой теме, хотелось бы задать несколько вопросов, если можно так выразиться, общего порядка.

При обсуждении негативных явлений, которые имеют место в нашем народном хозяйстве, чаще других называются старые «болячки»: пресловутый «вал», низкое качество продукции, несовершенная система ценообразования, медленное внедрение новой техники и прогрессивных технологий, слишком высокий по сравнению с развитыми странами расход энергии, сырья, труда на выработку единицы продукции. И так далее.

Самое удивительное, что о нашем неоправданном расточительстве сырьевых ресурсов говорилось с высоких трибун еще в середине двадцатых годов. Всемогущий «вал» критиковался еще в начале тридцатых.

Но вот прошло время, и обнаруживается, что «вал», несмотря на свой преклонный возраст, все так же бодр, что наше производство по-прежнему высокозатратно, что в области компьютеризации народного хозяйства и во внедрении достижений научно-технической революции мы отстаем от требований дня, что у нас низка эффективность, а о качестве выпускаемой продукции просто и говорить не хочется.

Почему это произошло? Как остановить негативные процессы и затем повернуть их вспять?

— Вы верно назвали наиболее видимые болевые точки нашей экономики. Почему так получилось? Причин много. Чтобы не углубляться в рассмотрение всех, остановимся только на наиболее существенных.

Главная наша беда — мы очень долго старались сохранить старый хозяйственный механизм. Он сослужил нам определенную службу в других исторических условиях, когда был только создан. И он оказался совершенно непригодным для новых условий. Этот хозяйственный механизм не только не помогает решать новые задачи, порожденные новыми условиями, он тормозит такое решение. С позиций этого хозяйственного механизма, где на первом плане «вал» (чем дороже, тем лучше), производство не может не носить затратного характера.

— Но ведь разобраться с подобной алогичностью — элементарное дело...

— Согласен, элементарное. Но изменить это непросто, так как в хозяйственном механизме все взаимосвязано. От вала начисляются все виды ресурсов, на нем базируется система снабжения, вокруг него вертится технология планирования и оценка деятельности, даже критерии соревнования. Это положение вполне обоснованно критикуется годами, десятиле-

тиями. Все совершенно справедливо утверждают, что нельзя планировать тонны, штуки, кубометры, тонно-километры, обезличенные рубли продукции, объем строительных работ и так далее. Но ничего не менялось, потому что существующий хозяйственный механизм по-своему логичен. Он основан на административных методах, и этот принцип выдерживается весьма последовательно. Как у нас планируется работа различных хозяйственных организаций? Первое: каждая из них имеет много прямых адресных директивных заданий. Сверху развешиваются задания по выпуску всей номенклатуры продукции. Второе: сверху «спускают» также ресурсы: столько-то станков, столько-то столов, столько-то пишущих машинок и так далее. Все подробно расписано. И заявку на все эти фонды нужно сделать за полтора года до того, как твой заказ начнут «отovarивать». Третье: при такой системе регламентируется каждый шаг. Десятки тысяч нормативов определяют, что кому можно, а что нельзя. Станок, предположим, в другую организацию передать нельзя, но школе можно. Но при определенных условиях, если начальство разрешит (это разрешение нужно «выбить»), то можно станок дать и другой организации.

Такая жесткая бюрократическая система управления логично приводила ко многим негативным последствиям. Чтобы жить спокойнее, «выколачивались» фонды с запасом. Где-то они скапливались в неразумных количествах, зато в другом месте их резко не хватало. Дефицит неминуемо ведет к стремлению создать страховочный запас, причем не всегда того, что нужно. Психология накопительства «на всякий пожарный случай» привела к тому, что суммарные запасы различных видов сырья и материалов достигли у нас колоссальных размеров — по народному хозяйству запасы оцениваются в 460 миллиардов рублей. На их производство были затрачены колоссальные средства. Ожидалось, что они будут приносить доход. На самом же деле запасы сырья и материалов осели мертвым капиталом, приводят к убыткам.

Аналогичная картина — омертвление капитала — у нас создалась и с производственными фондами. Наш станочный парк более чем вдвое превышает станочный парк США. Но что толку в этих станках, если коэффициент сменности у них чуть больше единицы? На наших стройках простаивают подъемные краны и механизмы. Далеко не на полную мощность используется грузовой автотранспорт. Порожние рейсы — обычное дело. Около учреждений по целому дню толпятся без дела «персональные» автомобили. На производство всех этих станков, машин, механизмов, оборудования израсходованы десятки, сотни миллиардов рублей, но ожидаемого эффекта они не дали. Где-то кто-то когда-то подсчитал, какие фонды, в каком количестве, кому выделить. А когда все, что с таким трудом делилось, достигло адресатов, оказалось, что там, на месте, загрузить работой их не могут. Ведь за них платились не свои, не «кровные» деньги.

Но самой большой нашей бедой является диктат производителя над потребителем. Бери, что дают, иначе вообще ничего не получишь — вот философия экономических взаимоотношений, которые складываются порой между предприятиями и хозяйственными организациями. И приходит-

ЖИЗНИ И ЭКОНОМИКА

ся брать то, что не нужно, то, что устарело, то, что имеет низкое качество. Другого-то все равно не дадут. Это разрабатывает производитель, ставит в бесправное положение потребителя, убивает в нем желание проявлять инициативу и приводит в конечном счете к большим материальным потерям, которые несет народное хозяйство в целом.

Приведу пример, на мой взгляд, довольно показательный.

Уже лет двадцать—двадцать пять Горьковский автозавод выпускает модель грузовика с маломощным двигателем, который тем не менее съедает на сто километров пути примерно двадцать литров бензина. Тянуть за собой прицеп этот автомобиль не в силах, что снижает его производительность. Он имеет очень много точек смазки, что требует дополнительного обслуживания. Пробег до капремонта всего 250 тысяч — очень мало по нынешним временам. Теперь, наконец-то, разработан (опытные образцы уже испытаны) новый «газик», с более мощным дизельным двигателем, расходующим на сто километров всего 14 литров дешевого топлива. Этот грузовик способен везти прицеп в 4,5 тонны. Его герметичный кузов, сваренный из стального листа, позволяет перевозить без потерь сыпучие грузы. До капитального ремонта он пробегает 350 тысяч километров. Расход на его обслуживание в полтора раза меньше, чем у предыдущей модели. Все это, вместе взятое, повышает производительность труда на дизельном грузовике в 1,7 раза по сравнению с его предшественником. По подсчету государственной комиссии, первая очередь по производству новой автомашины дает экономический эффект около 400 миллионов рублей в год. Понятно, что еще больше будет получено, когда новые дизели заменят сотни тысяч бензиновых «газиков», пока работающих в народном хозяйстве. Естественно, на обновление грузового автопарка потребуется время, и мы будем по-прежнему терять многие сотни миллионов рублей из-за того, что слишком долго выпускали морально устаревшую модель, слишком долго не запускали в массовое производство новую.

Стало притчей во языцех, что наша промышленность зачастую очень неохотно переходит на производство новой, более эффективной, прогрессивной продукции. Причина заключалась в том, что наш хозяйственный механизм долгое время был отлажен таким образом, что отдельным предприятиям и целым отраслям было просто невыгодно и хлопотно осваивать что-то новое, ибо выпуск старого и так гарантировал не только стабильные прибыли, но и спокойную жизнь при отлаженном производстве, тем более что привычный диктат производителя и зависимое положение потребителя допускали подобное ненормальное положение. Конечные выгоды отдельных отраслей оборачивались весомыми рублевыми потерями у потребителей, а значит, в масштабе всего народного хозяйства. Экономический эффект, достигнутый путем усилий в одном месте, походя съедался бесхозяйственностью в другом.

Вернемся к нашему примеру.

Если бы кто-то слил в кювет цистерну бензина, этого человека судили бы или, в лучшем случае, оштрафовали, заставили бы возместить стоимость уничтоженного. В то же самое время по стране бегают тыся-

чи горьковских грузовиков старой модели, сжигающих в год лишние сотни тысяч тонн дорогого топлива, которое можно было бы сберечь, перейди мы раньше на новую дизельную автомашину. Повсеместно мы ведем борьбу за экономию горючего, кое-где немалыми усилиями добиваемся успехов, но в конечном итоге достигнутый результат идет на смарку: огромный парк старых грузовиков способен без толку сжечь сэкономленное горючее в своих расточительных двигателях. Не в коня корм.

Бензиновый «газик» из-за несовершенной конструкции кузова допускает большие потери груза при его транспортировке. Низкая производительность машины требует для выполнения одного и того же объема перевозок дополнительных шоферов. Лишние рабочие руки нужны для ее обслуживания.

В общем, если смотреть в масштабах всей страны, этот автомобиль в конечном счете является высокозатратным, убыточным. И тем не менее он продолжает выпускаться и дает неплохую прибыль. Интересы завода, интересы отрасли благодаря действовавшему хозяйственному механизму оказались выше интересов всего народного хозяйства. Пример вроде бы и незначительный в масштабах экономики государства, но тем не менее довольно показательный. Он иллюстрирует, как и почему у нас бездумно перемалывается сырье, добыча которого год от года становится все труднее и дороже, отчего год от года мы получаем все меньшую прибыль на рубль, вкладываемый в фонды.

— Абел Гезевич, вы говорите: виноват хозяйственный механизм. Но ведь в последние пятилетия принято столько постановлений по его совершенствованию, дабы соответствовал требованиям научно-технической революции, что, по идее, он давно должен был принять надлежащий вид...

— Действительно, постановлений было принято много. Но в прошлом, до происшедшего на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС перелома, они носили характер паллиативов, полумер, которые, улучшая что-то по мелочам, не обеспечивали полного, коренного решения стоящих перед нашим народным хозяйством задач. А экономика — это такая сила, которая может задушить, свести на нет любое дело, если в его основе лежат некомплексные, непоследовательные решения. Не вдаваясь в подробный анализ последних, остановимся, как говорится, лишь на их конечном результате. За годы восьмой пятилетки национальный доход страны вырос на 41 процент. В девятой — на 28. В десятой — на 21. В одиннадцатой — только на 16,5 процента. Иными словами, мы развивались все медленнее и медленнее. Каждый наш шаг вперед становился все короче и короче и давался нам все большим трудом, требовал все больших ресурсов...

— Шестнадцать с половиной процентов за пятилетку — это 3,3 процента в год.

При этом некоторые экономисты утверждают, что очень часто возросшая цена новой продукции не подтверждалась ростом ее качества. Например, возросли цены на благородные металлы, и сразу значительно увеличилась валовая стоимость изделий радио- и электронной промышленности, где широко применяются эти металлы, хотя объем самой продукции или ее качественные показатели выросли незначительно. Или, допустим, автопромышленность стала выпускать но-

вую легковую машину, у которой, по сравнению с предыдущей моделью, не улучшились главные для автомобиля потребительские качества — скорость, мощность и экономичность двигателя, комфорт, а тем не менее цена значительно возросла за счет всяких хромированных финтифлюшек, которыми ее изукрасили, то есть при прежнем потребительском качестве возросла цена изделия, а с ней и валовая стоимость всей продукции предприятия, отрасли. Так как для улучшения общих показателей эту немудреную операцию проделывали многие отрасли, то увеличивалась и стоимость совокупного валового продукта страны. Некоторые считают, что достигнутый этим способом рост составлял примерно четыре процента в год, что практически нейтрализовало увеличение на 3,3 процента национального дохода в последние годы...

— Наши темповые показатели, по моему мнению, преувеличивали успехи из-за недоучета отмеченного вами повышения индекса цен. Но нельзя сказать, что в нашем производстве наблюдался спад, что мы находились в состоянии полного застоя, пятились назад, а не шли вперед. Это не так. Хотя действительно в отдельных сферах нашей экономики появились застойные явления, дело шло к стагнации, возникла предкризисная ситуация в экономике.

Теперь мы хотим старый хозяйственный механизм заменить принципиально иным, где и плановое развитие хозяйства (важнейшая закономерность социалистической экономики) и демократический централизм (основополагающий ленинский принцип управления) реализуются другим путем, в других формах.

Мы настолько привыкли к административным методам руководства хозяйством, что при слове «план» нам мерещатся тома с конкретными жесткими адресными заданиями. А ведь совсем необязательно, чтобы он был только системой директивных показателей. План может быть реализован через экономические нормативы, цены, финансово-кредитные условия, через стимулы, заинтересованность, с использованием рынка, самостоятельности производителей и потребителей.

— Выходит, должны получить большую свободу рыночные, товарные отношения — то, что до последнего времени подавлялось, умышленно тормозилось?..

— Да, товарно-денежные отношения активизируются, социалистический рынок будет развит. На это направлены, в частности, реформы. Именно потому и нужно коренным образом изменить хозяйственный механизм ценообразования, финансово-кредитный механизм замены материально-технического снабжения активной торговлей и многое-многое другое. Предстоит крайне тяжелая работа. Но выполнить ее необходимо.

— Но план все-таки будет?

— План обязательно будет, но его характер и методы его реализации будут иными, чем прежде.

— Поясните, пожалуйста, примером...

— Допустим, исходя из потребностей населения страны, мы подсчитали: наше сельское хозяйство должно производить в год сто миллионов тонн молока. Эту цифру вносим в план. Реализовать его можно разными путями. Первый: даем прямое задание каждой республике — произвести такое количество молока. Республики разверстают его по своим областям, области — по районам, районы — по колхозам и совхозам. Дальше сажаем контрольный аппа-

рат и с его помощью выколачиваем «план».

Это одна форма планирования — адресная.

Но может быть и другая, диаметрально противоположная по сравнению с предыдущей. Мы устанавливаем на молоко определенную закупочную цену и говорим колхозам и совхозам: хотите — производите молоко, не хотите — не производите, это ваш вопрос. Сумеете наладить дело так, что при установленной закупочной цене получите значительный экономический эффект, ваши работники будут получать большую зарплату, большие отчисления пойдут в фонды социального развития и материального развития. Вся хитрость — вычислить такую цену на молоко, чтобы те, кому она будет выгодна, произвели вместе как раз необходимые стране 100 миллионов тонн.

Но могут быть еще и промежуточные формы планирования. Скажем, устанавливаем адресные задания не на все сто, а всего на семьдесят миллионов тонн молока. Колхозы и совхозы, выполнившие план, вправе продать свои излишки государству, потребкооперации, отвезти их на рынок или переработать у себя на масло, творог, сыр и реализовывать эти продукты по своему усмотрению. Но все это должно быть увязано таким образом, чтобы общий объем производства молока составил все-таки те самые сто миллионов тонн, которые, согласно подсчетам, необходимы стране. Именно такая форма планирования и регулирования сельского хозяйства у нас принята в ходе перестройки управления в агропромышленном комплексе.

— Понятно.

Теперь, Абел Гезевич, хотелось бы перейти непосредственно к роли человеческого фактора в ускорении и перестройке, который вы назвали одной из главных проблем современного этапа развития экономики нашей страны. Почему?

— Чтобы ответить на этот вопрос, я должен несколько подробнее остановиться на самих понятиях: «ускорение» и «перестройка».

От реализации научно-экономической стратегии партии, сердцевинной которой является концепция ускорения социально-экономического развития страны, зависит, без преувеличения, судьба нашего государства, его будущее в самом широком смысле слова. Именно ради ускорения и задумана крупномасштабная перестройка всего нашего народного хозяйства.

Концепцию ускорения нельзя понимать механически, лишь в количественном смысле: сначала есть скорость, а потом прибавка к ней в каждую единицу времени. Конечно, количественная сторона дела здесь тоже важна, но не это главное. В одиннадцатой пятилетке, например, наш национальный доход, как уже говорилось, рос чуть больше, чем на три процента в год. В двенадцатой — мы хотим выйти на четыре процента. В девяностые годы — на пять. Как видим, темпы существенно возрастают. Но гораздо важнее все-таки не само возрастание темпов, а новое, качественное содержание роста: что заложено в этих трех, четырех и пяти процентах; какая продукция, какой источник, какая цель? Ибо само ускорение, как стержень нашей научно-экономической стратегии, задумано не для того, чтобы расширить масштабы количественного наращивания производства: добыть больше угля, больше нефти, выплавить боль-

ше металла и так далее. Мы должны вывести народное хозяйство на путь интенсификации. Уже в двенадцатой пятилетке необходимо в полтора раза ускорить рост производительности труда по сравнению с пятилеткой одиннадцатой и намного больше сэкономить топлива и сырья, втрое улучшить динамику фондоотдачи.

Среди стратегических источников, которые надолго определят наше движение и развитие, главное место отводится научно-техническому прогрессу. Причем предпочтение будет отдано не эволюционным его формам, когда совершенствуются действующие машины и технологии, а формам революционным, когда осуществляется переход к новым поколениям техники и принципиально новым технологическим системам, что дает прирост не на проценты, а в разы.

Итак, главная цель ускорения — перевести все наше общество в более высокое качественное состояние. Для этого мы должны создать материально-техническую базу, соответствующую требованиям научно-технической революции, чтобы вступить в XXI век с обновленными производительными силами. Мы должны, как уже говорилось, обновить все наши экономические формы и производственные отношения, всю систему управления, хозяйственный механизм. Понятно, что новым условиям должен соответствовать и работник. Он должен обладать более глубокими профессиональными и общеобразовательными знаниями, внутренним чувством дисциплины в широком смысле, умением коллективно работать. Он должен быть активным в социальном и трудовом плане, иметь более высокий уровень культуры. Короче, это должен быть новый человек — главная наша производительная сила.

На новый уровень мы должны вывести все наше благосостояние, углубив именно социалистические завоевания.

Однако жизнь не сводится к одной лишь экономике. Мы должны обновить все наши общественные институты: последовательно и глубоко решать проблемы гласности, демократизма, самоуправления и многое-многое другое, что тоже входит в понятие «ускорение».

— Абел Гезевич, до сих пор мы говорили в основном о том, как в результате перестройки и ускорения должны подняться на новый уровень наша экономика, наше общество в целом. А что получит в результате осуществления всех этих мероприятий конкретный человек? Какие цели мы ставим перед собой в этом плане? Насколько реально их осуществление? Ведь в конечном счете человек не только субъект, творец перестройки и ускорения, но, если так можно выразиться, и их объект. Ради него, ради его интересов они задуманы. И наш лозунг «Все — для человека» будет оставаться только лозунгом до тех пор, пока мы не подкрепим его конкретными делами и содержанием. Какие цели мы ставим перед собой в этом плане, какие задачи нам предстоит решить в ближайшем и отдаленном будущем?

— Перелом, который нам предстоит совершить в социальной сфере, по своим масштабам не уступает качественному скачку, намеченному в экономике. Строго говоря, нельзя отделять одно от другого. Ведь и экономикой страны мы хотим вывести на новый, более высокий, уровень не ради самой экономики, а для того, чтобы удовлетворять растущие потребности людей на более высоком уровне. Чтобы росло их благосостояние, возможности для всестороннего развития, чтобы был поднят на более высокий уровень и социалистический образ жизни. Эффективность народного хозяйства, которой мы хотим достичь, должна в конечном итоге обратиться на пользу человеку и привести к высшему в мире уровню жизни. Причем не такому, который есть в других странах, а качественно но-

вому, с учетом наших социалистических преимуществ. Собственно, и сейчас отдельными примерами, отдельными сторонами жизни мы можем показать и доказать свои завоевания: полная занятость населения, отсутствие безработицы, дискриминации, эксплуатации человека человеком, регулируемый и довольно короткий рабочий день (и это при относительно низком пока уровне производительности труда по сравнению с другими развитыми странами), общественные фонды потребления, достижения в области социальных льгот и приоритетов. Однако есть сферы, где мы серьезно отстаем от развитых стран: по уровню реальных доходов, обеспеченности и комфортности жилья, средней продолжительности жизни, среднему уровню образования и некоторым другим аспектам, где нам предстоит еще много поработать...

— Другими словами, нам предстоит совершить перестройку и ускорение в области благосостояния людей?..

— Да. Хотя необходимо сразу оговориться. У нас под понятием «благосостояние» обычно подразумевают уровень материального достатка. Нашей же главной целью является: сделать жизнь человека лучше, включив в эту задачу самые разные аспекты, и материальный достаток в том числе.

Помните знаменитое уточнение Владимира Ильича Ленина к проекту программы партии, предложенному Плехановым? У Плеханова было сказано, что целью общества будущего является достижение благосостояния всех его членов. Ленин с такой формулировкой не согласился и уточнил, что конечной целью общества должно стать достижение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Улавливаете разницу?

В своих работах Карл Маркс и Фридрих Энгельс придавали большое значение такому элементу социалистического образа жизни, как расширение свободного времени, считая, что люди будут использовать его для своего духовного развития и самосовершенствования.

— Не секрет, что проблем, связанных с ростом благосостояния и всестороннего развития всех членов нашего общества, немало. Какие из них, Абел Гезевич, на ваш взгляд, наиболее важные, требующие первоочередного решения?

— Это сложный вопрос, так как все, что касается человека, нужно рассматривать в комплексе и очень трудно из всего круга проблем выделить одну или несколько, сказав: это главное. Поэтому те проблемы, о которых сейчас пойдет речь, я буду ранжировать по их остроте.

Нерешенной является проблема продовольствия. Для развитой страны, какой мы являемся, для времени последней четверти двадцатого века, когда живем, мы питаемся плохо, прежде всего с качественной стороны. В первую очередь у нас не удовлетворена потребность населения в продукции животноводства. Хронически не хватает животных белков и жиров. Дело даже не в количестве, не в том, что мы хотим иметь на душу населения 80 килограммов мяса, а съедаем пока только 61 килограмм. Дело не в этом. Ибо в питании важны качество и структура потребляемых продуктов. Мы едим в основном мороженое мясо, которое утерло половину своих питательных веществ. Мы едим перемороженную рыбу, в которой тоже осталось мало проку.

Вторая задача из области продовольствия — фрукты и овощи. Тут у нас наибольшее отставание, так как по потреблению фруктов и теплолюбивых овощей мы втрое отстаем от нормы. Речь идет не о глобальных,

обобщенных цифрах, а о равномерном обеспечении в течение всего года. Все наши обобщенные показатели смазывают, искажают истинное положение дел, ничего не говорят о сезонности снабжения этими продуктами.

Мы живем в год семидесятилетия Октябрьской революции, сорок два года прошло после победного завершения Великой Отечественной войны, а зайдешь в магазин...

Нельзя больше мириться с таким положением. Задача, которая стоит перед нами в этой области, на самом деле гораздо сложнее, чем это многим представляется. Наши достижения в области продовольствия в последний период совершенно неудовлетворительны. В одиннадцатой пятилетке, например, производство сельхозпродукции выросло, по сравнению с предыдущей, всего на шесть процентов, а наше население за то же время увеличилось на четыре с половиной процента. Другими словами, в расчете на душу производство продовольствия топталось на месте, тогда как денежные доходы населения поднялись за это время на двадцать процентов. Чтобы как-то сгладить острую ситуацию, мы вынуждены были ежегодно закупать за границей десятки миллионов тонн зерна, до миллиона тонн мяса и много-много другого продовольствия.

Мало того, что этот факт нетерпим для великой державы, имеющей все условия для полного удовлетворения своих насущных потребностей в продовольствии, он вносит в нашу экономику определенный дестабилизирующий момент. Мы поедаем средства, которые могли бы использовать на мировом рынке более рационально. Предположим, для приобретения товаров, необходимых для ускоренного развития народного хозяйства.

Решение продовольственной проблемы — одна из ключевых наших задач на оставшиеся годы двадцатого века. Большие планы предстоит осуществить в этой области уже в XII пятилетке, когда темпы производства сельскохозяйственной продукции должны почти в два с половиной раза превзойти темпы, достигнутые в предыдущем пятилетии: не 6, как тогда, а 14,4 процента. Это позволит нам во многом отказаться от импорта тех видов продовольствия, которые мы можем (и должны!) производить сами при улучшении снабжения населения: зерно, мясо, масло.

— Согласитесь, Абел Гезевич, что сначок от 6 к 14,4 процента — довольно непростое дело. Тем более что прежний наш опыт показывает: планировать высокие показатели легче, чем их достигать. Ведь и в прошлую пятилетку наши задумки были куда как дерзновенны и значительны. А подсчитали итоговый результат — всего 6 процентов... Теперь говорим: пора помешала выполнить намеченное...

— Отрицательный результат прежних лет убедил, что без принятия революционных мер в области сельского хозяйства все наши смелые планы окажутся не более чем благими пожеланиями.

Мы приняли экстренные меры по коренной реорганизации аграрного комплекса, ликвидировав ряд министерств, установив новую систему управления на селе, ввели принципиально новый хозяйственный механизм, сделали ставку на коллективный подряд, семейный подряд. Создаем агропромышленные объединения.

Мы резко расширили (во всяком случае, пытаемся расширить) самостоятельность низовых звеньев, сделали ставку на интенсивные технологии, которые позволяют стабильно получать высокие урожаи независимо от капризов природы. Мы резко увеличили капвложения во все звенья, связанные с сохранностью и доведением продукции до потреби-

теля: в систему заготовок, хранения и переработки урожая...

— И все-таки, судя по нашим магазинам, нельзя сказать, что в данной области достигнут перелом. Может быть, это происходит потому, что, по старой своей привычке, мы не доводим дело до конца?

— Говорить о коренном переломе действительно пока рано. В самом этом слове «перелом» содержится смысл необратимости процесса, когда возврата к прежнему нет. Сейчас трудно говорить об этом с полной уверенностью. Тем не менее существенный сдвиг в этой области налицо.

В 1986 году мы увеличили производство сельскохозяйственной продукции на 5,1 процента. Это, грубо говоря, почти столько же, сколько за всю одиннадцатую пятилетку. Причем наибольший прирост достигнут в самой трудной отрасли — животноводстве, которое раньше топталось на месте. Тут пошли по пути интенсификации: выбраковав малопродуктивных коров, сумели увеличить рацион стада, дававшего хорошие привесы и надой. И получили результат, хотя по погодным условиям год не был легким. Еще большие приросты здесь достигнуты за истекшие месяцы этого года.

Так что перестройка в нашем агропромышленном комплексе уже дает определенные плоды. Хотя многое еще не доделано, не доведено до логического конца. Еще не все получилось, как хотелось. Много извращений, неразберихи. По-прежнему преобладают администрирование, на деле урезаны права колхозов и совхозов. Перестройка — процесс болезненный, а перестановка кадров всегда ведет к частичной потере управления. Но в целом о происходящем процессе нужно судить не по словам, а по результатам. Сдвиг к лучшему уже есть. К концу нынешней пятилетки мы должны добиться коренного перелома.

— Абел Гезевич, если взглянуть на этот перелом глазами обычного покупателя, что они увидят в продовольственных магазинах?

— Прежде всего нормальный выбор. Для мясного магазина — несколько десятков видов продуктов: различные сорта колбасы, сосиски, окороков, ветчины, широкий ассортимент мяса, птицы, субпродуктов.

— Что-то даже не верится...

— Это должно быть обязательно. Но проблему эту нельзя решить только путем роста производства, изменением ассортимента, улучшением хранения, перестройки и так далее. Мы не добьемся полного удовлетворения платежеспособного спроса, не решив проблему цен. Сейчас государственная розничная цена на мясо в два раза ниже его себестоимости. За каждый проданный в госсети килограмм мяса государство фактически доплачивает покупателю три рубля, а за литр молока — 20—30 копеек. Все животноводческие продукты находятся у нас на государственной дотации, достигающей почти пятидесяти миллиардов рублей в год. Такое положение ставит в совершенно неравные условия разные районы страны. Высокооплачиваемые категории граждан, покупающие больше мяса, имеют втрое больше дотаций от государства, чем малообеспеченные, а это социально несправедливо. Дотации берутся из общего кармана, а продовольственные фонды распределяются далеко не на равных. Это приводит к их нерациональному использованию, ибо всякая цена, не отражающая истинную эффективность продукта, приводит к его нерациональному использованию.

Другими словами, перед нами стоит сложная, комплексная, социальная

проблема, от решения которой нам все равно куда не уйти. И понятно, что вопрос о реформе розничных цен включен в систему мероприятий по перестройке управления, рассматривавшихся на июньском Пленуме ЦК КПСС.

Вторая, не менее, а может быть, даже более трудная задача — удовлетворить потребности людей в промышленных товарах широкого потребления и в услугах. В прошлой пятилетке производство промтоваров выросло на 20 процентов, услуг — на 25. В нынешней, согласно имеющимся планам, мы постараемся поднять их еще соответственно на 31 и 50 процентов.

Однако, как и во всех сферах, количественные показатели здесь не самое главное. Качество ширпотреба и услуг — это проблема проблем. Не будем далеко ходить, обратимся к простейшему примеру.

В 1985 году мы выпустили 788 миллионов пар кожаной обуви, США — только 300 миллионов. Если поделить на душу населения, у нас пришлось по 2,8 пары на человека, у американцев — всего 1,3 пары. У них в магазинах обувь навалом, на любой вкус и относительно недорогой. У нас — формально тоже навалом, полки ломаются. Но купить, грубо говоря, «нечего». Эта обувь лежит потому, что она не очень удобна, не модна, не красива. Если ее и покупают, то только потому, что ничего другого нет. Да и купив, не всегда носят. А когда «для плана» в конце месяца или квартала в магазине «выбрасывают» какой-нибудь импорт — то ведь не доберешься до прилавка. Если говорить откровенно, наша обувная промышленность во многом просто переводит кожу и материалы.

— Опять пресловутый затратный характер производства и диктат производителя над потребителем?..

— Раз такие принципы лежат в основе нашей экономики, перед ними все отрасли равны — и те, что варят металл, и те, что шьют женские сапожки.

Но вернемся к качеству. Оно во многих случаях у нас ужасно. Год от года мы теряем здесь свои былые преимущества и позиции. Вспомним хотя бы пятидесятые годы. Да, наши вещи были не такими красивыми и не такими модными, как зарубежные, но зато любая из наших была более долговечной. Неказистые отечественные радиоприемники работали десятилетиями. Наша машина «Победа» (сейчас увидишь на улице — волнуешься) даже для своего времени была не такой уж модной или быстрой, но отличалась прочностью, надежностью.

В середине пятидесятых годов, сразу после окончания института, я в ГУМе купил маме телевизор. Чернобелый, с небольшим экраном. Он проработал лет двадцать — и ничего в нем не ломалось. А наши первые холодильники «Саратов» и «ЗИЛ»? Ведь раньше мы вообще не знали, что такое мастер по ремонту бытовой техники. Мы их никогда не вызывали, потому что она не ломалась.

А сейчас? Это же страшное дело: более двух тысяч раз в год происходит загорание цветных телевизоров только в Москве. Вместе с ними горят дома. Последний пожар в гостинице «Россия» произошел как раз по этой причине. Разве не преступление — разработать и выпускать такую конструкцию телевизора, что он становится предметом повышенной пожароопасности.

А наши «Волги»? Ведь надо же суметь так модернизировать автомашину, перейти на такую новую модель, что многие страны запретили ввоз ее. Она не соответствует никаким требованиям безопасности, предъявляемым к современному автомобилю. Одновременно не отвечает экологи-

ческим требованиям, которые ныне предъявляются к автотранспорту. Она загрязняет окружающую среду в значительно большей мере, чем допустимо для моделей ее класса. У нашей «Волги» дико высокий расход бензина и масла. Низкий комфорт. По этому показателю она уступает иностранным машинам даже малого класса. Вполне понятно, почему ее не разрешают импортировать многие государства.

Я мог бы понять горьковчан, если бы они разработали и начали пускать эту машину лет двадцать назад, когда требования к автомобилю были иными. Задержалась, мол, старая модель на конвейере. Так ведь нет же! Они модернизировали «Волгу» сейчас, когда уже во всем мире приняты международные стандарты по безопасности, по уровню экологической чистоты выхлопных газов и так далее. Это до какой же степени безответственности надо дойти!

— Что они говорят в оправдание?

— Какое имеет значение, что они говорят? Это не интересно...

— А все-таки, Абел Гезевич? Вы ведь с ними, наверное, беседовали на эту тему?

— Много раз. Они ничего не понимают или делают вид, что не понимают. Говорят: там, за рубежом, к нашей машине просто придираются...

Качество — наша острейшая болезнь. На ее признаки наталкиваешься на каждом шагу. Возьмите дома, построенные перед войной или сразу после нее. При их возведении, может быть, не было высокой производительности и сами они не отличались особым комфортом и какими-то изысками в виде лоджий, просторных холлов и прочего. Но дома эти были теплыми. Разве можно представить, чтобы в старом доме промерзла какой-то шов, чтобы рушилась недавно установленная сантехника, откуда-то била вода, текли батареи, чтобы трубы соединялись тля-ля? Сейчас это массовое явление. Первая забота новоселов, получивших ключи от новой квартиры, — отремонтировать ее.

А ведь мы всегда отличались надежностью и прочностью того, что производили.

Сложный период нашего развития, который был подробно проанализирован в докладах Михаила Сергеевича Горбачева на январском, а затем и июньском Пленумах ЦК КПСС, был временем застоя, временем апатии. Дело не только в том, что мы произвели меньше, чем требовалось, продукции, снизили темпы развития. Это был период (особенно десятая и одиннадцатая пятилетки) разлагающей безответственности, вседозволенности, когда были нарушены некоторые «святыне» в прошлом принципы: добросовестность, уважительное отношение к труду, дисциплине. Именно в это время появилась болезнь, которую иногда называют «всеобщей электрификацией»: «всем до лампочки». Тогда-то и начало рушиться наше качество, проявилась социальная эрозия.

Чтобы поправить положение, мы вынуждены были прибегнуть в самое последнее время к чрезвычайным мерам, которые в нормальных условиях не должны приниматься: пошли на принудительное снижение цен на старые некачественные изделия. Плохие изделия вообще не подлежат аттестации. У тех, что не «вытянули» на Знак качества и первую категорию, цена без всяких разговоров и обсуждений снижается на 30 процентов. Если изделие получило все-таки первую категорию, но на высшее качество так и не вышло, государство снижает его цену сначала на пять, потом на десять, потом на пятнадцать процентов. У предприятия изымается прибыль, коллектив лишается премии. Такое экономиче-

ское давление должно дать свои результаты...

— А почему не доверять это рынку?

— Сейчас нет такого рынка. Так как все еще существуют дефицит и диктат производства. Потребитель вынужден — пусть в меньшем количестве — приобретать негодный комбайн, устаревший трактор, многое другое — некуда деться, выбора нет.

Легкая промышленность и торговля переведены на новую экономическую систему хозяйствования. Смысл ее в том, что торговля не заинтересована заказывать плохие вещи, иметь запасы, ибо за это ее работники будут расплачиваться рублем из собственного кармана. Это заставляет торговлю заказывать только те товары, которые пользуются спросом. Значит, и промышленность, в свою очередь, вынуждена работать только по заказам торговли и менять в соответствии с ситуацией номенклатуру. Но здесь пока не все получается. Не удалось по-настоящему завязать доходы трудовых коллективов с конечными результатами труда. Но в целом здесь мы на верном пути. Запасы сокращаются, ассортимент меняется более интенсивно.

В общем, идет довольно-таки болезненный процесс.

Однако одних экономических мер для повышения качества на данном этапе оказалось недостаточно. Мы вынуждены были прибегнуть к прямому администрированию — госприемке. Эта вынужденная, временная (пока нет контроля потребителя) мера привела многие предприятия в шоковое состояние. Первые результаты показывают, что качество выпускаемой продукции улучшилось, хотя, к сожалению, как мне кажется, госприемке не удалось полностью избавиться от воздействия производителя. То, что работники госприемки стоят на учете в партийных и профсоюзных организациях предприятий и находятся, таким образом, в дисциплинарной и материальной (дома отдыха, места в детских садах, жилье) зависимости от них и местных властей, не идет на пользу делу.

Плохое качество — это худший способ растраты человеческого труда, сырья, фондов под видом какой-то деятельности. Создается иллюзия бурной работы при мизерном результате. Это морально растлевает людей. Экономический вопрос приобретает негативную политическую окраску.

Пресса не раз писала, что у нас в стране не производятся ножницы для парикмахерских. Вернее, те, что производятся, не режут, и мы вынуждены покупать ножницы за границей. Ну до какой же степени безобразия можно дойти!

В качестве товаров потребления проявляется реальное отношение к человеку. О последнем нужно судить не по словам, а по делам. Мы привыкли без устали на каждом перекрестке вещать, что дети — привилегированный класс, что к ним приковано всенародное внимание, что товары для детей у нас много дешевле, чем для взрослых, и так далее в том же духе. Но возьмите элементарный детский велосипед, и сразу станет понятна цена наших великолепных деклараций. В свое время я перекупил их для сына, наверное, штук пять или шесть, и по своему личному опыту знаю, что сама конструкция, металл, из которого они сделаны, сборка — все брак. Цепь постоянно соскакивает, обода гнутся, какие-то винтики откручиваются, какие-то детали отваливаются. А казалось бы, что может быть проще детского велосипеда?

— Насыщение рынка разнообразными качественными товарами всегда было нашей неразрешимой пробле-

мой. А вот сейчас вы говорите об этом, в общем-то привычном для нас деле так, будто мы достигли некоего критического рубежа...

— А ведь так и есть. Сейчас у нас образовался огромный разрыв между платежеспособным спросом и его материальным покрытием — он достигает десятков миллиардов рублей в год. Часть денег складывается на сберегательные книжки (эта сумма уже достигла примерно 250 миллиардов), часть — в кубышки. Люди покупают ненужные вещи — надо же куда-то девать деньги... Этот разрыв очень опасен. И не только потому, что он дезорганизует товарооборот и реально обесценивает рубль (если вы на рубль не можете купить то, что вам нужно, вынуждены тратить на всякий предлагаемый суррогат, то какая цена этого рубля?). Есть последствия гораздо худшие. Главное из них — подрыв материальной заинтересованности работника. Нет смысла зарабатывать лишние деньги — двадцать рублей, так как их некуда с пользой истратить. Гораздо важнее не заработать эти деньги, а устроиться на такое предприятие или в такое учреждение, на территории которого есть магазин, буфет, где можно купить дефицит. Где есть закрытый распределитель или ателье. Где более свободно с путевками в дома отдыха. В общем, начинает развиваться психология, что не так важна зарплата, которая во многих случаях уже не является мерилем качества и количества труда, а важно примоститься к тому краю социалистической собственности, где можно урвать какую-то выгоду.

Вы никогда не задумывались о том, почему мощные мужчины работают вдруг шоферами «персональных» легковых автомобилей? Таких машин в СССР сотни тысяч. Ни в одной другой стране такого разврата нет. Если на Западе персональные шоферы и прикреплены к какой-либо организации, то возят они самых высоких руководителей: президентов крупнейших банков, компаний. Остальное начальство — само за рулем.

Но вернемся к нашим шоферам. Большинство из них имеет первый класс и могло бы работать слесарями пятого-шестого разряда, получая ежемесячно вместе с премией минимум 250—300 рублей. Но они довольствуются 130—150 рублями при средней по стране зарплате в 190 рублей. Почему? Ведь, чтобы получить первый класс, надо было учиться, повышать квалификацию, переходить с третьего класса на второй, со второго на первый, иметь огромный безаварийный наезд...

А дело в том, что они «примостились» к тому краю социалистической собственности, где государственный автомобиль стал полуличным орудием труда. Пока «хозяин» где-то заседает, совещается, руководит, его шофер, имея в своем распоряжении машину, чуть-чуть «калымит», подвозит, ремонтирует, не говоря уже об использовании автомобиля для личных нужд. Я не хочу огульно хаять всех водителей «персоналок», но то, что это явление стало повсеместным, — факт неоспоримый.

Подобное отношение к социалистической собственности подчас как бы провоцируется неслучайностями в принятой системе оплаты труда. В целых сферах народного хозяйства (торговле, пищевой промышленности, особенно на мясокомбинатах) уже исторически сложились неоправданно низкие заработки, которые вроде бы заранее предполагают, что работники этих сфер будут иметь «левый» приработок: что-нибудь возьмут, унесут, взимут дополнительную плату за дефицит. Иначе непонятно, как на такую зарплату можно прожить.

Это очень опасное явление...

Окончание следует.

У ПРИРОДЫ САМЫМ МНОГО АДВОКАТОВ

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК
НЕ ОБЛАДАЕТ
ВЫСОКИМ УЧЕНЫМ ЗВАНИЕМ.
ОН «ВСЕГО ЛИШЬ» КАНДИДАТ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК.
НО ТО, ЧТО ОН СДЕЛАЛ ДЛЯ ЗАЩИТЫ
ЧЕРНОМОРСКОГО
ПОБЕРЕЖЬЯ ГРУЗИИ,
ЗАСТАВЛЯЕТ ОТНЕСТИСЬ К ЕГО
САМЫМ ФАНТАСТИЧЕСКИМ
МЕЧТАМ
И ПРОЕКТАМ С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ.
С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ГРУЗМОРБЕРЕГЗАЩИТА»
А. Г. КИКНАДЗЕ
БЕСЕДУЕТ
СОБСТВЕННЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»
ИЯ МЕСХИ.

В ахожу к Арчилу Григорьевичу в кабинет и вижу на столе схему освоения обезвоженной поймы Ингури. Интереснейший проект! Ведь после того, как реку перегородила высотная арочная плотина, шестьдесят с лишним километров низовья широченного русла Ингури совершенно омертвели, превратились в бросовый, забитый камнями кусок земли. Смотреть на это сейчас больно.

Пригласив к участию «Грузгипрогосстрой», берегозащитники создали панораму будущего этой мертвой поймы. Вижу на схеме у самого устья реки новый морской портовый городок, аэропорт, туристские деревни, профилактории, участки рыбного хозяйства и коллективного садоводства. И наконец, то, что должно окупить «затеи» Кикнадзе, — карьеры строительного материала, подсчитанная мощность которых более трех миллионов кубометров в год. Все то, что по ущельям Сванетии Ингури тащила вниз, к морю, и не успела дотащить (валуны, галька, песок), весь этот еще недавний балласт пойдет на стройку.

Не знай я Арчила Григорьевича Кикнадзе много лет, я бы подумала: «Мечтатель!» Но в том-то и дело, что передо мной сидел ученый с ярко выраженным темпераментом практического деятеля. Человек, усилиями которого впервые в нашей стране была создана организация природоохранного профиля с хозяйственными функциями. Она начала действовать под прямым покровительством ЦК КП Грузии и правительства республики (поверили человеку!) в порядке управленческого эксперимента. За пять последних лет служба Кикнадзе воссоздала 60 гектаров похищенных морем пляжей (в иных местах пляжи расширились с 15 до 140 метров), а общая протяженность размываемых берегов сократилась на 40 километров.

А сейчас «берегозащита» восстанавливает не только морские, но и речные берега. Ингурский проект — первая ласточка. В будущем НПО, возглавляемому Кикнадзе, придется заняться всеми вопросами восстановления земель в республике.

— В Грузии (да и не только в Грузии!) с землей творится что-то очень нехорошее. За последние лет тридцать — тридцать пять площадь пашни сократилась на сорок процентов! Конечно, в какой-то части за счет застройки, но много площадей и по причинам эрозии. Количество оползневых и обваловых очагов увеличилось с двух до пятнадцати тысяч. А в нынешнюю весну, как известно, склоны Кавказа задвигались катастрофически после небывалых снегопадов и паводков. Что мы делали до этого года? Переселяли людей. За четверть века переселили десять тысяч семей. Что же, так и дальше будем бегать, или подумаем, как утихомирить эти процессы?

Так в горах. Но не лучше и в низинах. И все потому, что земля не в руках природоохранителей, а в руках одних только потребителей, порою хищников. Была бы моя воля, я бы сделал так, чтоб государство отдавало землю на сроки в аренду хозяйству: плохо хозяйничаешь, губишь землю — отнимем и накажем, хорошо содержишь землю — можем прибавить. А арендная плата стала бы источником самофинансирования землеохранных работ. Землей надо заниматься незамедлительно, на общегосударственном, современном уровне, с помощью современных научных методов!

— А что вы называете современным уровнем? — У нас в НПО на этот счет есть своя точка зрения. Я не стесняюсь высказать ее, потому что сформировалась она не в тиши кабинетных раздумий...

Но сначала заглянем в историю и вспомним, что охрана природы был посвящен один из первых ленинских декретов в дни становления молодого Советского государства. Но тогда эти функции на первых порах были возложены на... Наркомпрос. Вспомним, каков был тогда уровень наших знаний, какими неограниченными представлялись нам природные богатства страны. Отраслевые государственные институты создавались исключительно по «потребительскому» принципу. Каждый становил-

ся фактическим хозяином своего ресурса: угля, рыбы, леса и так далее. Это и сейчас так. Может быть, только хозяев прибавилось. Например, у воды — Минводхоз, Минэнерго, Госагропром (минеральные воды), Минздрав (бальнеологические). Примерно до 50-х годов потребительский ажиотаж еще не в состоянии был пересилить естественные процессы саморегуляции и самовосстановления ресурсов...

— Так уж никто и не бил тревогу? Все только молча рвали и хватали?

— Нет, почему же, об охране природы говорили всегда, и даже принимались меры. Но какие? Природоохранные мероприятия стали возлагать на те же «виновные» в потреблении отрасли. Как бы по совместительству, между делом. И вопрос всегда решался в пользу сегодняшних задач, не терпящих отсрочки. А природа потерпит...

Наконец, в шестидесятых годах был создан целый ряд государственных служб с контрольно-инспекционными функциями. Опять же если взять воду: Госинспекция по охране водных источников, Главное управление по комплексному использованию водных ресурсов, Каспводнадзор, Управление водохранилищ и малых рек. И это только в системе Минводхоза. А вообще подобных служб что-то порядка трех десятков, и, по данным 1984 года, объединяет до шестидесяти тысяч функционалов. В чем их деятельность? В констатации фактов. Другого им не дано. У них совершенно пассивные позиции. Хотя с виду очень грозные: «Закрывать такой-то завод!», «Отклонить такой-то проект!», «Наказать таким-то штрафом!». Статьи, штраф берется из одного государственного кармана и перекладывается в другой, тоже государственный. Какой смысл?!

— Ну, а что делают научные авторитеты — природооведы, когда к ним обращаются за консультацией «технари», скажем, возводить или нет в этом месте сооружение? Вы же знаете, что чаще от них слышится «нет», чем «да». Потому что «нет» сказать спокойнее. Потому что в случае чего можно напомнить: «Я же говорил!..»

— Это так. И такое наблюдается. Вообще хочется, чтоб было понятно: я не противопоставляю природоохранителей «технарям», не вижу враждебных лагерей, ведь я сам инженер по диплому. Тем более, что мы все люди и любим свою родную природу. Хищническое отношение к природе выросло оттого, что человек был провозглашен господином природы. Какой он господин? Он хочет идти с ней бок о бок, ничем ей не вредить, а уж если повредил, тут же поправить. Что же касается ученых-природоохранителей, думаю, что их позиция зачастую нежизненна оттого, что эти люди никак не связаны с практической хозяйственной деятельностью. Они не виноваты. Так получается. И если говорить о сегодняшнем дне, то, пожалуй, можно уже говорить о засилье природоохранных организаций. Кроме контрольно-инспекционных, о которых я уже говорил, в шести республиках работают госкомитеты по охране природы, появилось много НИИ, изучающих локальные проблемы охраны вод, земельных ресурсов, очистки газов и так далее. И это, помимо мощных академических институтов, занятых наукой как таковой. Короче, посмотришь вокруг — природоохранителей у нас предостаточно. Может быть, следует их перегруппировать?

— Так, чтобы они занимались не адвокатской деятельностью, а созидательной?

— Как это назрело, я хочу показать на примере лесохозяйственной службы, которая у нас в стране считается самой традиционной, а структура ее управления — одной из самых упорядоченных.

Посмотрим, что делается, на примере Грузии. Помимо центральных административно-управленческих органов, каким является Минлесхоз республики и соответственно минлесхозы Абхазской, Аджарской АССР и Юго-Осетинское управление лесхоза, на всей территории работают 51 хозяйство и 2 национальных парка, три питомничьих хозяйства и 12 флористических заповедников. Это лишь то, что относится к государственному лесному фонду. А еще есть леса, закрепленные за колхозами и совхозами, 29 межхозяйственных лесхозов, и планируется создать еще 14. Это в ведении Агропрома. Древесными растениями занимаются еще Министерство жилищно-коммунального хозяйства, соответствующие исполкомы Советов народных депутатов. Минавтодор озеленяет дороги по обочинам. Железнодорожники обслуживают лесозащитные полосы вдоль полотна... Два хозяйства в республике занимаются лекарственными растениями. Прибавьте к этому проектно-исследовательские организации по защите и воссозданию растительного покрова, которые тоже созданы при различных ведомствах. Да еще травяные растения! Кто занимается травой? Оказывается, Управление кормового производства Агропрома! Представляете, как трудно от них требовать заботу о завтрашнем состоянии пастбищ и сенокосов? Ко всему сказанному прибавим академический Институт ботаники, Институт горного лесоводства, защиты растений, три крупных ботанических сада, множество проблемных лабораторий и кафедр вузов. Возможно, я что-то и забыл еще...

Так вот, мне кажется, что вместо всего этого нужны мощные межведомственные, специализированные объединения с хозяйственными функциями. И во главе с ученым, который умеет решать проблемы. В наш век уже мало быть компетентным научно, надо уметь управлять, считать, владеть экономикой. Я предлагаю, в случае с лесными ресурсами создать совершенно новый государственный орган: научно-производственный комплекс «Флора», возглавляемый ботаниками, которые будут полностью отвечать за состояние растительности на территории республики.

— Еще одно министерство?

— Ни в коем случае! Главой комплекса будет НИИ ботаники, который и станет руководить всем комплексом по циклу «наука — проект — реализация». Сюда войдут, во-первых, отделы и станции режимных исследований на местах, во-вторых, проектный институт «Гипрофлора», в-третьих, трест, осуществляющий защиту и восстановление растительного мира «Флорастройиндустрия», в-четвертых, «Зеленое управление» при МВД (функции — охрана). По такому же принципу, видимо, целесообразно создать НПК «Недра» (подсчет запасов и регулирование комплексной эксплуатации недр), «Земля», «Вода», «Фауна» и так далее.

— Вы представляете всю сложность предлагаемой вами перестройки? Ведь дело упирается не только в перегруппировку сил. Для управления НПК нужны особые кадры ученых нового типа. Переоценивается вверх дном деятельность министерств, а некоторые из них вообще надо будет упразднить. Также упразднить многочисленные комиссии, советы, координационные центры, органы контроля. Огромная бюрократическая машина может издавать оглушительный треск...

— Но мы застоялись, загнали природу в угол, разучились с ней обращаться и к ней прислушиваться. А это еще страшнее. Я высказал то, что думаю. Может быть, кому-то это покажется не радикальной мерой. Но давайте не молчать. Давайте спорить, приходить к какому-то единому мнению. Пока не поздно!

Судьба Андрея Тарковского сложилась непросто, но был ли в истории хоть один истинный талант с простой и спокойной судьбой?

Тот, кто знал его мало-мальски близко, кому посчастливилось работать с ним плечом к плечу, тот имел возможность своими глазами наблюдать не только творческие его метания и муки, но и гнев, отчаяние, бешенство, когда в стремительном разбеге своего дела он вдруг наталкивался на непонимание, злобное подсиживание, мелочные препоны со стороны людей, призванных по положению своему стараться понять, помогать, поддерживать.

Впрочем, по-человечески можно было понять и их. Он был неистов, искусство было для него превыше всего, он не щадил никаких самолюбий и не таил своих антипатий. И часто срывался. Иногда срывался по-крупному. Этого ему не прощали. Э!.. Никому этого не прощали и не прощали, будь ты хоть семи пядей во лбу. Этого он не понимал и понимать не желал, потому что знал себе цену и слишком хорошо знал цену тем, с кем схватывался.

Телефонный звонок: Андрей Тарковский умер. Жаль Андрея Тарковского.

Что ж жалеть? Он теперь там, где нет ни терзаний, ни потерь. Где уже не настигнет его «судорога творца», как он когда-то выразился.

А вот нас жаль. Нас, оставшихся в этом мире без него. В мире, который без него стал беднее.

...Это случилось в июле семьдесят восьмого, по-моему, года. Андрей Тарковский снимал под Таллином фильм «Сталкер», и я как один из сценаристов был при нем. Андрей возвращался со съемочной площадки измотанный и осунувшийся, и мы садились за сценарий. Вычеркивались оказавшиеся ненужными эпизоды и замыслились новые. Выбрасывались ставшие несущественными диалоги и планировались необходимые. Порой мы просиживали в спорах и попытках столкнуться до поздней ночи, а когда я поутру вставал, Андрей уже работал на съемочной площадке.

Обратите внимание: до того трагического июля ни одного отснятого кадра Андрей еще не видел. Ждал своей очереди на проявочную машину на «Мосфильме». Помню, я поражался и даже пугался: мне казалось, что работа у него идет вслепую и что это непременно обернется какими-то неприятностями. Так оно и вышло, но только беда грянула с совершенно неожиданной стороны.

При обработке отснятой пленки проявочная машина дала сбой, и

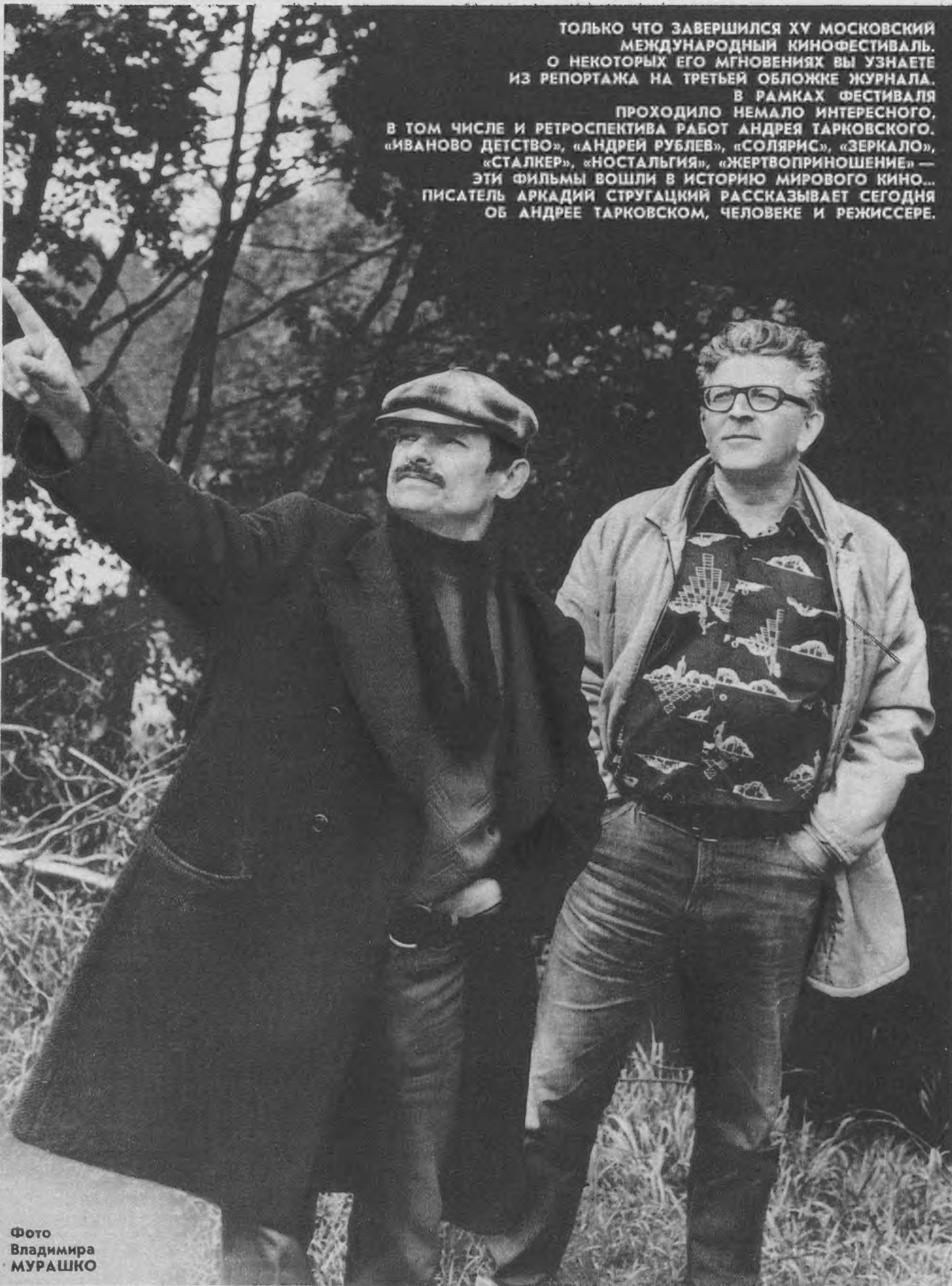

Фото
Владимира
МУРАШКО

ТОЛЬКО ЧТО ЗАВЕРШИЛСЯ XV МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ.
О НЕКОТОРЫХ ЕГО МГНОВЕНИЯХ ВЫ УЗНАЕТЕ
ИЗ РЕПОРТАЖА НА ТРЕТЬЕЙ ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА.

В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ
ПРОХОДИЛО НЕМАЛО ИНТЕРЕСНОГО,
В ТОМ ЧИСЛЕ И РЕТРОСПЕКТИВА РАБОТ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО.
«ИВАНОВО ДЕТСТВО», «АНДРЕЙ РУБЛЕВ», «СОЛЯРИС», «ЗЕРКАЛО»,
«СТАЛКЕР», «НОСТАЛЬГИЯ», «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ» —
ЭТИ ФИЛЬМЫ ВОШЛИ В ИСТОРИЮ МИРОВОГО КИНО...
ПИСАТЕЛЬ АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ СЕГОДНЯ
ОБ АНДРЕЕ ТАРКОВСКОМ, ЧЕЛОВЕКЕ И РЕЖИССЕРЕ.

КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

пленка сильно пострадала. Кажется, пострадали тогда и отснятые материалы «Сибириады» Михалкова-Кончаловского. Ну, разумеется, скандал. Ну, заместитель генерального по технической части впал в дипломатический инфаркт (или инсульт, или ишиас). Ну, надавали по ушам разнообразным стрелочникам.

Михалков-Кончаловский отделался потерями чисто моральными. То ли повреждения у него оказались незначительными, то ли ему быстренько компенсировали материальные потери: пленку, бюджет и прочее, вплоть до сроков. Не помню точно. Да и не до того мне было.

В северном и практически безвыходном положении оказался Андрей. Как писатель, я отлично понимал его состояние, это ведь все равно (если не страшнее) что утрата писателем единственной рукописи его нового произведения, да так, что и черновики бы не осталось. Но обстоятельства сложились много хуже. У Андрея погибла половина отпущенной ему пленки и безвозвратно сгинули две трети отпущенных на фильм денег.

В Госкино вежливо, но категорически отказались компенсировать ему эти потери. Ему вкрадчиво предложили посчитать загубленную пленку за нормально проявленную и продолжать съемку, а когда он наотрез отказался, дали понять, что готовы все потери щедрой рукой списать по параграфу о творческой неудаче, если, конечно, он плюнет на фильм и займется чем-нибудь другим.

Это были поистине тяжелые дни. Андрей ходил мрачный, как туча. Съемочная группа оцепенела от ужаса. (Кстати, никто в группе и не подумал дезертировать, никто, кроме любимого человека Андрея, оператора Георгия Рерберга, который немедленно сел в машину и навсегда ушел в неизвестном направлении.) Нечего и говорить, я тоже был в отчаянии, поскольку самонадеянно приписывал беду всегдашней невезучести братьев Стругацких. В один из тех дней я прямо сказал Андрею об этом, он яростно и нетерпеливо от меня отмахнулся.

И вдруг... С Андреем Тарковским многое получалось «вдруг».

Недели через полторы этого тягостного состояния Андрей явился мне просветленным. Он шел как по облаку. Он сиял. Честное слово, я даже испугался, когда увидел его. А он вошел в комнату, приклеился к стене ногами, спиной и затылком — это только он умел, я как-то попробовал, но ничего у меня не получилось, — вперил взор в потолок и осведомился вкрадчивым голосом:

— Скажи, Аркадий, а тебе не надоело переписывать свой «Пикник» в десятый раз?

— Вообще-то надоело, — осторожно не соврал я.

— Ага, — сказал он и благосклонно покивал. — Ну, а что ты скажешь, если мы сделаем «Сталкер» не односерийным, а двухсерийным?

Я не сразу сообразил, в чем дело. А дело было яснее ясного. Под вторую серию дадут и сроки, и деньги, и пленку. Приплюсовав этот комплект к тому, что сохранилось от первоначального варианта, можно было и выкрутиться. И еще одно немаловажное обстоятельство: к тому времени я уже интуитивно ощущал то, что Андрею как опытному профессионалу было очевидно, — в рамках одной серии замыслив его, изменившимся и выросшим в процессе работы, стало очень и очень тесно.

— А разрешат? — чуть ли не шепотом спросил я.

Андрей только глянул на меня и отвернулся. Позже я узнал: еще несколько дней назад послал он в инстанции по этому поводу запрос (или требование?), и там, поживаясь и скрипя зубами, дали согласие.

— Значит, так, — произнес он уже деловито. — Поезжай в Ленинград к своему Борису, и чтобы через десять дней у меня был новый сценарий. На две серии. Антураж не расписывайте. Только диалоги и краткие репризы. И самое главное: Сталкер должен быть совершенно другим.

— Каким же? — опешил я.

— Откуда мне знать. Но чтобы этого вашего бандита в сценарии и духу не было.

Я вздохнул, помнится. А что было делать? Не знаю, как он работал с другими своими сценаристами, а у нас сложилось так. Приношу новый эпизод. Вчера только его обговаривали. «Не годится. Переделай». «Да ты скажи, что переделать, что убавить, что прибавить». «Не знаю. Ты сценарист, а не я. Вот и переделывай». Переделываю. Пытаюсь впасть в тон, в замысел, как я его понимаю... «Так еще хуже. Переделай». Вздыхаю, плетусь к машинке. «Ага. Это уже что-то. Но еще не то. Кажется, вот в этой фразе у тебя прорвалось. Попробуй развить». Я тупо всматриваюсь в «эту фразу». Фраза как фраза. По моему, совершенно случайная. Мог ее и не написать. Но... Переделываю. Долго читаю и перечитываю, топорщусь усы. Затем говорит нерешительно: «Н-ну... Ладно, пока сойдет. Есть от чего оттолкнуться по крайней мере... А теперь переписи этот диалог. Он у меня как кость в горле. Приведи в соответствие с эпизодом до и эпизодом после». «Да разве он не в соответствии?» «Нет». «И что тебе в нем не нравится?» «Не знаю. Переделай, чтобы завтра к вечеру было готово». Вот так мы и работали над сценарием, давно уже принятым и утвержденным во всех инстанциях.

— Так каким же должен быть в новом сценарии Сталкер?

— Не знаю. Сценарист ты, а не я. Понятно. То есть, конечно, ничего не было понятно, а просто уже привычно. И вообще еще до начала работы нам с братом было ясно: если Андрей Тарковский даже ошибается, то и ошибки его гениальны и стоят дюжины правильных решений обычных режиссеров.

По какому-то наитию я спросил: — Слушай, Андрюша, а зачем тебе в фильме фантастика? Может, повыбросить ее к черту?

Он ухмыльнулся — ну чистый кот, слопавший хозяйского попугая.

— Вот! Это ты сам предлагаешь! Не я! Я этого давно хочу, только боялся вам предложить, как бы не обиделся...

Короче говоря, на следующее утро я вылетел в Ленинград. Как там у нас с Борисом было, я писать здесь

не стану, потому что пишу не о нас, а об Андрее Тарковском. Мы написали не фантастический сценарий, а сценарий-притчу (если под притчей понимать некий анекдот, действующие лица которого являются для данной эпохи типичными носителями типичных идей и поведения). В Зону за исполнением заветных своих желаний идут модный Писатель и значительный Ученый, а ведет их Апостол нового вероучения, своего рода идеолог.

Я вернулся в Таллин ровно через десять дней. Андрей встретил меня на аэродроме. Мы обнялись. Он спросил: «Привез?» Я кивнул, стараясь не трестись. Дома он взял у меня рукопись, молча удалился в другую комнату и плотно закрыл за собой дверь. Жены принялись потчевать меня, выставили коньяк (был как раз день моего рождения). Нечего и говорить, ни у кого кусок в горло не лез.

Прошло какое-то время. Наверное, около часа.

Дверь отворилась, вышел Андрей. Лицо его ничего не выражало, только усы топорщились, как всегда, когда он был погружен в свои мысли.

Он рассеянно оглядел нас, подошел к столу, подцепил вилкой кусочек какой-то снеди, сунул в рот и пожевал. Затем сказал, глядя поверх наших голов:

— Первый раз в жизни у меня есть МОЙ сценарий.

Вечером 3 января восьмидесятого года мы с Андреем Тарковским выступали перед представителями кинопроката. В огромном зале собрались люди, которым доверено было определить, как отнесутся к «Сталкеру» зрители и соответственно сколько экземпляров пленки выпустить в свет.

Я пришел к обсуждению. Фильм уже посмотрели. Выступил Андрей, объяснил фильм, рассказал о своей над ним работе, ответил на вопросы. Вопросы показались мне странными. Вдруг в зале прозвучал сочный бас: «Да кто эту белиберду смотреть будет?» Раздался одобрителный смех. Андрей побелел, пальцы его сжались в кулаки. Стараясь не смотреть на него, я попросил слова. Но они уже уходили. Черт знает, куда они уходили, эти гении кинопроката. В пивную? В писсуар? В никуда? Я говорил и видел, как они медленно поворачиваются затылками и медленно, громко переговариваясь и пересмеиваясь, удаляются проходами между кресел. Разумеется, затылки были разные, но мне они казались одинаково жирными и необъятными, и на каждом светило знаменитое сытое «Не нада!». Такого я еще никогда не переживал.

Помнится, мы сошли с эстрады на лестничную площадку. Андрей скрипел зубами. У меня тряслись руки, и я с трудом поднес спичку к сигарете. Несколько мужчин и женщин остановились возле нас. Беспокойно оглядываясь, они бормотали вполголоса:

— Вы не думайте... Мы не все такие... Мы понимаем...

На четверть миллиарда только советских зрителей кинопрокат выпустил 196 экземпляров фильма.

На всю Москву выделили три копии.

За первые же месяцы в Москве «Сталкер» посмотрели два миллиона зрителей.

Хотелось бы многое еще рассказать об Андрее Тарковском, чему мне пришлось быть свидетелем, а то и участником. Например, о его досуге, о его суждениях, о его литературных пристрастиях. Хотелось бы, но объем журнальной публикации не позволяет.

Надеюсь, что читатели увидят сборник его выступлений и статей, в которых он расскажет о себе сам.

ЭТО ХОРОШО НА СЕГОДНЯ...

Начало на 2-й обложке.

Чтобы посмотреть, как создаются неподконтрольные обычной линейке качества, мы пошли по цехам... Не буду останавливаться на том, что все работы максимально механизированы — от приемки, перемеривания, контроля и обмера площади поступающих тканей и до выдачи в экспедицию готовых изделий. Главным достоянием фабрики является обширный набор моделей. Они разработаны специалистами «Вестра Юнион». Причем это не только силуэты, общие формы, но только выкройки отдельных деталей к ним, но и все тонкости технологии на каждой операции, все дополнительные, кроме верха и подкладки, материалы. Кстати, этих дополнительных материалов на каждый костюм набирается до... тридцати наименований, они поставляются французской стороной. Верх и подкладка наши.

В просторном зале, начиненном электроникой, есть большой стол. Достаточно разложить на нем выкройки или любые чертежи, они тут же будут закодированы и отправлены в память ЭВМ. Оператор вызывает на экран дисплея набор деталей определенной модели, они размещаются так, чтобы наилучшим образом использовать заданную площадь ткани, после чего специальная машина отпечатает их на светочувствительной бумаге в натуральную величину. Сколько угодно. К сожалению, наша промышленность не выпускает светочувствительную бумагу шириной в полтора метра. Ее тоже поставяет фирма.

Что поражает в цехах — тишина, чистота, прохладный воздух, бесшумная работа резакон, машин, гладильных устройств, конвейеров. Над большим столом, покрытым полированным пластиком, склонилась работница. Едва касаясь пальцами толстого слоя ткани, поверх которого плотно присажены синьки раскрой, она легко двигает его по столу. Стальная лента, что, вертикально струясь, уходит в стол, просто делит ткань, само слово «режет» тут не подходит, потому что скользит сквозь ткань, как нож в масле.

Вот формируются рукава, плечевые швы... Даже странно, сколько тут всего — марлечки, ленточки, сеточки, пушистые прокладки — до десяти всяких ухищрений, и все для того, чтобы, глядя на «естественно» облегающую ваше плечо ткань, никому и в голову не пришло, что под ней столько напичкано.

Хорошая фабрика, что и говорить. Но создать ее и освоить — это лишь половина дела. Главная трудность впереди: как вписать ее в систему нашего Минлегпрома? Несложно

представить себе, что будет через пять — семь лет. Фабрика новая? Новая. Значит, в ближайшие годы по сложившейся практике ей не дадут ни копейки на развитие и модернизацию. В результате что хорошо сегодня, то через пару лет будет так себе...

У директора на столе лежит половинка брючины с подшитой подкладкой. Он привез ее с выставки. Там демонстрировали новый автомат, который эту деталь изготавливает за один проход. Еще в прошлом году такого автомата не было. Поэтому здесь, на фабрике, подобную операцию выполняют четыре работницы на четырех машинах.

— Я должен такой автомат купить, — вздыхает директор, — надо иметь возможность заработать для этого валюту, а главное условие выхода на зарубежный рынок — качество и еще раз качество.

Или взять другое. Проектная мощность тут 250 тысяч костюмов в год, или... 1200 костюмов в день. Обе цифры записаны в документах. Однако если суточную производительность помножить на количество рабочих дней, то цифры не сходятся, получается куда больше, нежели четверть миллиона. Противоречие! Вот и дают фабрике план уже на будущий год «на всю катушку», то есть намного больше годовой проектной мощности.

А ведь за фабрику плачено немало миллионов рублей не для того, чтобы выжимать «вал». На такие деньги можно было бы построить свои предприятия и резко увеличить количество костюмов на вешалках и на складах. Наша выгода в сделке «ноухау», как это сказано в контракте, то есть вся сумма технологии, передового опыта, мировых достижений в способах обработки, коллекция моделей... Одним словом, наука на деле. Ведь если наладить у нас выпуск полутораметровой светочувствительной бумаги, то фабрика, пользуясь своей компьютерной техникой, могла бы обеспечить еще несколько предприятий готовыми раскладками по своим моделям, могла бы пропагандировать, внедрять «ноухау».

Да и противоречий в подсчетах мощностей нет. Предельные возможности должны превышать годовой план, эта разница — один из необходимых элементов гарантии качества продукции. Неужели трудно понять? Если в характеристике «Жигуленка» указывается предельная скорость 145 километров в час, то умный человек не будет требовать постоянной эксплуатации автомобиля именно на такой скорости.

Обошлась нам фабрика недорого. Но дело не столько в миллионах рублей (они окупятся за два с половиной — три года). Эти расходы должны возвращаться не одной-двумя сотнями добротного сшитых (и тут же проданных) костюмов, а мощным влиянием на всю атмосферу в отрасли. И нечего стыдиться. В свое время французы расточали самые высокие похвалы купленному у нас сверхмощному прессу. Тут мы пошли дальше их. Да и во многом ином. Но что касается пошива одежды...

И эти самые «ноухау» должны изучаться и сегодня, и завтра, и через несколько лет. Для этого не следует переделывать французскую схему под наш «вал», иначе, передовая сегодня, она станет весьма заштанной завтра.

О ТОМ,
ЧТО ДОРОГО
И БЛИЗКО

О. Б. ДУРМИШИДЗЕ.
РОД. 1949.
ПЕЙЗАЖ ИЗ СЕРИИ
«НОЧНОЙ ТБИЛИСИ».
1979—1985.

АВТОПОРТРЕТ.

И ПАЛИТРА

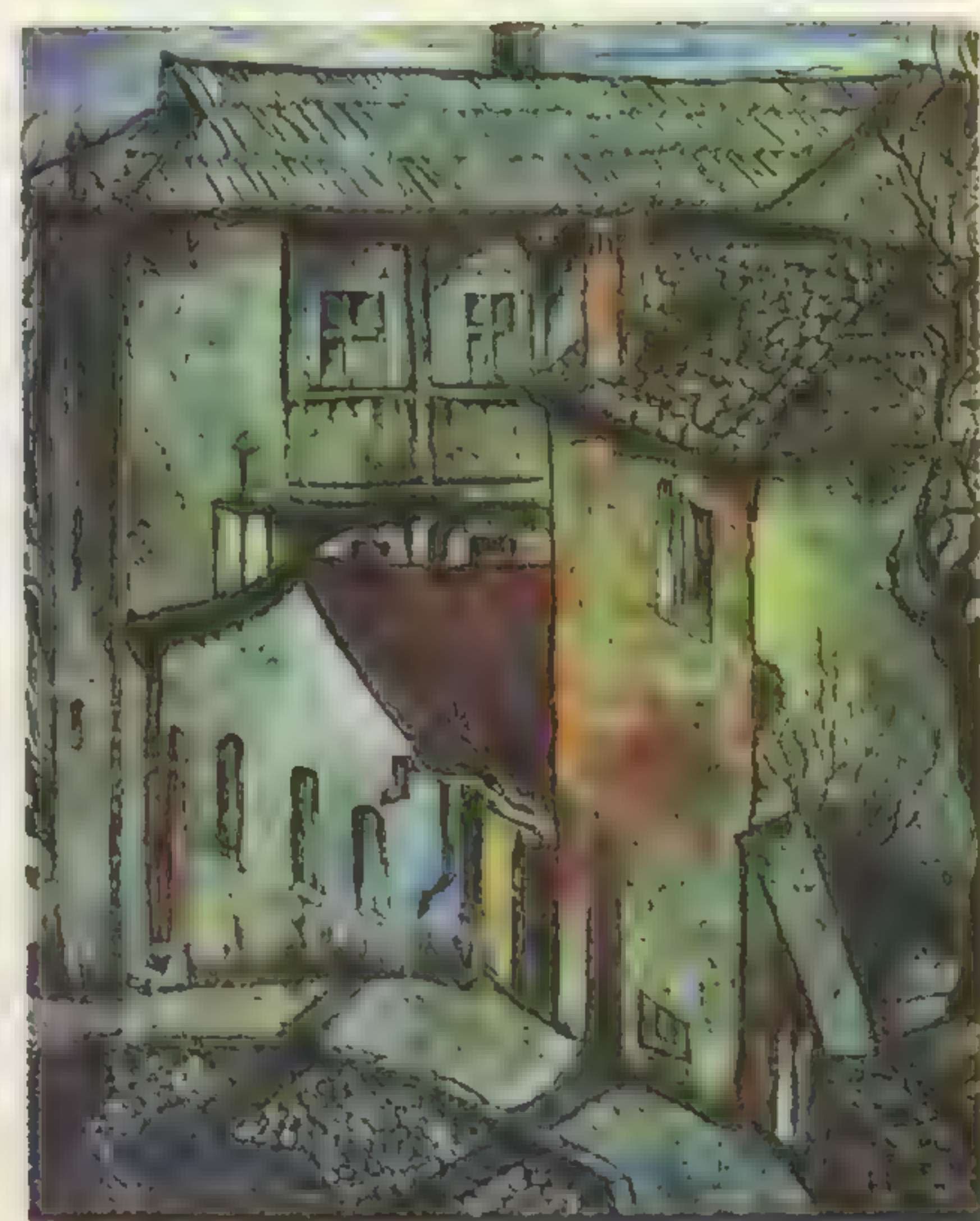
мя Омара Дурмишидзе приобрело известность уже в 1974 году, когда картина молодого мастера была удостоена диплома Всесоюзного фестиваля изобразительных искусств «Балтика — море мира и дружбы».

Его работы неоднократно выставлялись на республиканских и всесоюзных выставках, демонстрировались за рубежом.

Художник универсального дарова-

О. Б. ДУРМИШИДЗЕ.
ПЕЙЗАЖИ ИЗ СЕРИИ
«НОЧНОЙ ТБИЛИСИ».
1979—1985.

ния, он с равной увлеченностью пишет пейзажи, портреты, натюрморты. Ему присуща строгая избирательность в выборе мотива, сюжета, темы. Палитра Дурмишидзе внешне сдержанна, состоит преимущественно из трех-четырех цветовых сочетаний; как правило, это черные и коричневые, синие и белые краски. Однако при этом полотна мастера обладают удивительным колористическим богатством, рождающимся в тонких и выразительных цветовых градациях. Его произведения одухотворены поэзией, овеяны романтичностью старинных улочек Тбилиси с их прихотливы-

ми изгибами, живописными террасами...

Создавая образ Тбилиси, трудно, очень трудно сказать новое слово об этом знаменитом городе, найти свой стиль, характер живописи, тем более после таких корифеев, как Ладос Гудиашвили, Давид Какабадзе, Елена Ахвледиани... И все же, на наш взгляд, ему это удастся. Воспитанник Тбилисской Академии художеств, Омар Дурмишидзе считает своим учителем известного грузинского живописца А. Варази, чьи уроки мастерства открыли для него ни с чем несравнимую радость творчества...

Большинство работ мастера интимно, ему близки неброские, тихие мотивы. Образ любимого города на полотнах живописца возникает перед зрителем в приглушенной лирической тональности. Работы Дурмишидзе, посвященные Тбилиси, эмоционально многолики. Старинные дома, кривые улочки, деревья и тени, отбрасываемые ими, словно одушевляются, обретают свою биографию, становясь в то же время неотъемлемой частью судьбы художника. Сумеречное освещение придает полотнам живописца волнующую таинст-

венность, ощущение прикосновения к вечности...

Картины Дурмишидзе суть впечатления и размышления художника о жизни, ее нравственных ценностях, ее неисчерпаемости и противоречивости. Они подобны следам душевных состояний, в которых суммируются наблюдения, сомнения и мечты. Дурмишидзе пишет на первый взгляд легко и свободно, но за этим скрывается упорный труд, нелегкое преодоление самого себя, стремление к собственному пониманию красоты...

Копа ТОРНИКЕ

ДЕТКОМЫСЛИЕ?

«ЖЗЛ» В ТЕАТРЕ И КИНО

Андрей КАРАУЛОВ

В фильме Романа Балаяна «Храни меня, мой талисман...» известный актер Михаил Козаков (он снимался у Балаяна в образе самого себя) убежденно доказывал, что, коль скоро природа человеческого гения есть вечная тайна, сыграть гения нельзя. С ним кто-то спорил, по-моему, Булат Окуджава, но потерпел неудачу. Михаил Михайлович твердо стоял на своем.

Так думает не он один, да и вообще «мы живем в такое время, когда, не научно выражаясь, все слова уже сказаны» — бывает, крупно задуматься о чем-то, приходишь к каким-то выводам, гордишься собой и знать не знаешь, что пересказываешь чьи-то давние мысли. Она же, эта точка зрения, уже не однажды была опровергнута. Доводы просты: рассказывая о человеке, актер всегда, независимо от масштаба личности этого человека, только обозначает его духовную тайну или тайны. Стремиться же их разгадать, «разъять», как труп», подобно стараниям пушкинского Сальери, изначально бессмысленно. Это все равно, что выдавать за образ человека скелет, предназначенный для анатомических опытов...

Труднейшая задача — сыграть человека, для человеческого ума недостижимого. Труднее, может быть, не бывает. Но в ней, однако, нет ничего неправдоподобного, надо быть просто хорошим актером: когда Черкасов играл профессора Полежаева (а его прообразом был, как известно, Тимирязев) мы, во всяком случае, многие из нас, исподволь, по каким-то совершенно неуловимым приметам чувствовали, говорили себе, что в образе, созданном актером, присутствует подлинное. Другое дело, что в театральной и кинематографической сериях «ЖЗЛ» 80-х годов актерских удач становится все меньше и меньше, хотя спектаклей и фильмов по сравнению с 70-ми годами — все больше и больше. С появлением «Смеха лангусты», пьесы Д. Марреллы о Саре Бернар, мы поставлены просто перед лицом катастрофы. Остроумная, изящно, на двух исполнителей построенная пьеса быстро разошлась по стране. Теперь едва ли не в каждом городе есть своя Сара Бернар, а в Москве их даже несколько. Результат, как и следовало ожидать, оказался обескураживающим: пропасть, стоящая между масштабом личности «великой Сары» и культурным уровнем многих современных служителей Мельпомены, в большинстве случаев была настолько очевидной, что тут — хочешь не хочешь — задумываешься...

Это не свидетельство безответственности, не думаю: актеры, играющие такие роли, обычно хорошо сознают всю сложность стоящих перед ними задач, готовятся к работе серьезно и добросовестно, много читают, не спешат, стараются избегать скороспелых суждений, то есть изучают материал так глубоко, что глуб-

же, кажется, некуда. Вопрос в другом. За подавляющим большинством современных актерских работ скрывается подозрительная пустота. Не профессиональная, нет. Человеческая. В «ЖЗЛ» это сразу бросается в глаза, ибо масштаб личности выдающегося человека подразумевает прежде всего, что и сам актер как личность что-то собой представляет. Куда там! Мысль заменяется подражанием мысли. Чувствуется безразличие к слову, речь актеров представляет собой странный стык разных «словарей». И вообще: режиссер настаивает на том, чтобы актеры уходили от современности, перевоплощались во времени, но современность не отступает, она присутствует в их манерах, в темпераменте их общения, в привычке держать себя, в пластике. В итоге они играют не век культуры, а век цивилизации. У актеров нет полноты понимания текста, который они произносят, совершенно очевидно, что у них есть ум, но нет мысли. Неудивительно, что в том, как они видят образы своих великих персонажей, присутствует известная книжная отвлеченность.

А что делать с дефицитом интеллигентности? Как быть? Интеллигентные люди недостижимы для людей неинтеллигентных, научиться быть интеллигентным человеком нельзя; именно поэтому, как говорил однажды Дмитрий Сергеевич Лихачев, люди неинтеллигентные так часто раздражаются против людей, несущих в себе подлинную внутреннюю культуру. Если уж не дано — так не дано, и относиться к этому надо, очевидно, со смирением. В последнее время мы с некоторым для себя изумлением стали все чаще и чаще убеждаться в том, что, если актер не одарен даром интеллигентности, это заметно ограничивает его профессиональные возможности. Даже имея сверхталант к перевоплощению, он, например, никогда не сыграет Тузенбаха или Вершинина, Астрова или дядю Ваню. А если ему, не дай бог, будет предложена роль самого Антона Павловича Чехова? И он не найдет в себе мужества и разумных внутренних доводов, чтобы от нее отказаться?

Встречаясь в пьесе с личностью выдающегося человека, актер изначально поставлен в ситуацию, когда все, что он знает, все, что он профессионально умеет, может просто не понадобиться. А то и мешать. Когда Евгений Евстигнеев в своей привычной манере играл Чичерина, в этом было что-то неувеселительное, ибо Чичерин Евстигнеева слишком напоминал другие роли актера — особенно комедийные. Сложность еще и в том, что в «ЖЗЛ» актеру, по сути дела, не на что опереться. Работы историко-биографического плана — все же редкость, за актером, исполняющим, допустим, роль Пушкина, нет традиционной и сильного мышления. Театральной традиции. Никакие литературоведческие книги, в которых в таких ситуациях с надеждой обращаются актеры, ее не заменят. Когда поэт произносит: «мой Пушкин» — всегда интересно, ибо это говорит поэт. Когда «своего» Пушкина предлагает актер, это всякий раз Astonishing, ибо он актер. Очевидная несправедливость, но от нее, судя по всему, не уйти, она предопределена разницей положений

поэта и актера в общественном сознании. От актера, играющего Пушкина, зрительская аудитория в подавляющем большинстве ждет реального Пушкина, то есть Пушкина, каким он известен по многочисленным свидетельствам современников. А то обстоятельство, что они достаточно противоречивы и не во всем совпадают между собой, проскальзывает мимо и в расчет не принимается. Нама Гинкас остроумно показал это в своем спектакле о Пушкине, поставленном в Ленинграде. Гинкас не собирался доказывать зрителям, что они изначально лишены возможности иметь идеальный образ подлинного Пушкина, он всего лишь трезво констатировал факты, не больше. Но для целого спектакля одной этой мысли было все-таки маловато. Это — явно тот самый случай, когда любые доказательства не в силах переменить общественное сознание и воспринимаются лишь как очередная авантюра рационалистического рассуждения...

Каждая традиция имеет свои предвзятые образы — в сценической пушкиниане есть основательные работы, имеющие историческое значение, например, В. Якута в Театре имени Ермоловой, хотя о традиции как таковой говорить не приходится, она эфемерна и неуловима. Нельзя же, в самом деле, ставить рядом анекдотический персонаж из некогда популярного немом фильма «Поэт и царь» и Пушкина — Якута, Пушкина — Ефремова, а других примеров не так много, да и сегодня они вспоминаются, честно говоря, уже с большим трудом.

И все же какие-то слова о Пушкине со сцены уже сказаны. А о Лермонтове? А о Гоголе? А о Достоевском? В минувшем году мы совершенно неожиданно познакомились с двумя прямо противоположными взглядами на жизнь и гибель Лермонтова; говорю — неожиданно, потому что эти совпадения бываю действительны не часто. В одно и то же время вышли фильм «Лермонтов» Николая Бурляева и спектакль «Из пламя и света», поставленный Михаилом Мокеевым в Театре имени Пушкина. Слово спохватившись, кинематограф и театр вдруг пришли к одной и той же теме. Огромное количество разговоров вызвал «Лермонтов». И это не случайно.

Сразу скажу: фильм Бурляева — произведение решительное. На примере «Лермонтова» проще всего увидеть, на каком уровне наши актеры и режиссеры разговаривают иной раз с классиками. После остроумной и доказательной статьи Ст. Рассадина «Что творим?..», опубликованной в «Неделе», не стоит заново разбирать те одичавшие штампы, которыми переполнен сценарий Бурляева. «Что делаем, Россия?» — совершенно серьезно спрашивал Ст. Рассадин. — «Что творим?» И заключал: «Вопросом начал, вопросом и кончу. Потому что закрывать его рано».

Конечно, рано.

«Дряблая бесстыльность эпохи — в терпимом отношении к дилетантизму, когда дилетантизм становится бесстыден и вопреки правилам общественного приличия ведет жизнь публично открытую», — писал шестьдесят пять лет назад замечательный философ и эстетик Густав Шпет. Вот

они, эти самые главные слова: дряблая бесстыльность эпохи... У дилетантизма тоже должны быть свои условия для существования. Мы удивляемся, разводим руками: по сути дела, все, о чем мы сегодня говорим, — и неудачные попытки сыграть Сару Бернар, и очевидное несовпадение личности автора фильма «Лермонтов» с личностью героя — все это возникло на наших сценах и экранах не случайно; еще каких-нибудь пятнадцать—двадцать лет назад речь могла бы идти только об единичных неудачах. Теперь же единичных неудач оказалось такое количество, что они переросли в проблему. В каждой профессии существуют свои представления о том, что «можно», чего «нельзя»; в актерском творчестве отметка «нельзя» в последние годы последовательно опускалась все ниже и ниже. «Лермонтов» подвел нас к тяжелому итогу.

В оценке фильма серьезная критика высказала редное единодушие. Тогда его принялся защищать сам Н. Бурляев — в газете «Водный транспорт», которая вдруг отложила в сторону свои привычные дела и кинулась в «последний и решительный» бой за «Лермонтова», посвятив фильму целую полосу. О сценарии А. Червинского «Из пламя и света», поставленном в Театре имени Пушкина, Н. Бурляев сказал так: «Если бы нам предложили этот сценарий, то мы непременно отвергли бы его по принципиальным соображениям, как неприемлемый с идейных позиций». Спектакль М. Мокеева автор «Лермонтова», судя по всему, расценил бы просто как антигосударственный поступок, ибо (я еще раз цитирую его интервью) у Червинского образ поэта «низводится до уровня маленького, агрессивного, похотливого, мрачного офицера, с которым в финале автор разделяется холодно и походя». В ожесточенности слов, брошенных Червинскому, чувствуется мощное влияние и поддержка некой общей концепции, проявляющейся сегодня достаточно отчетливо. Теперь уж нет, на самом деле, осторожного «я так вижу», теперь произносится «мы так видим», теперь не говорится «мой Лермонтов», скромное единственное число заменяется торжествующим «наш Лермонтов». Отсюда — неприязнь к любой точке зрения, если она высказывается под иным углом зрения, пусть на русском языке, но с «других» позиций. Отсюда — фанатическая уверенность в собственной правоте и принципиальный отказ от вдумчивого и спокойного анализа критических замечаний. Споры перестают быть дружескими спорами. Стремиться понять друг друга уже не нужно, не интересно, ибо все понятно заранее. Что называется, раз и навсегда. Впрочем, споры невозможны еще и по другой причине. Слишком неравноценный материал предложен для обсуждения, слишком неравны литературные силы. Сценарий Червинского уступает, на мой взгляд, другим драматическим произведениям о Лермонтове, скажем, пьесе Рошина, опубликованной в сборнике его произведений, но свет рампы так и не увидевшей; у Червинского нет твердого соотношения между словом и мыслью (слов нуда больше), его «всеуспокаивающая эстетика» явно снижает подлинную историю жизни и смерти великого поэта. Тем не менее ставить в один ряд работы Червинского и Бурляева — значит глубоко (и несправедливо) обидеть автора «Из пламя и света».

Спектакль молодого режиссера М. Мокеева, его вторая, после «Эмигрантов», крупная работа, вызвал разные суждения. Люди театра, не

принявшие «Из пламя и света», теперь были склонны считать, что и «Эмигранты», сильно и смело сделанный студийный спектакль, оказались всего лишь «счастливой игрой неповторяющегося случая»: дескать, идеально совпали актерские индивидуальности, был найден самый что ни на есть подходящий для этих «записок из подполья» подвал в районе станции метро «Бауманская» (там находится студия «Человек») и т. д. и т. п.

Вечно у нас так! Сегодня мнения меняются быстро и бесцеремонно, атмосфера всеобщей раскованности, в которой мы живем, в какой-то мере располагает к необязательности; можно позволить себе все что угодно без страха быть за это наказанным. «Эмигранты» и «Из пламя и света» сделаны одной рукой — достаточно твердой. Мокеев умеет четко выстроить спектакль. Он хорошо видит сцену и хорошо использует все ее возможности. У Мокеева — ясная логика постановщика. В спектакле «Из пламя и света» постановочная сторона оказалась самой сильной. И все-таки, согласившись на эту постановку, Мокеев поступил легкомысленно. Не как режиссер, но как художник к встрече с Лермонтовым он был почти не готов.

В спектакле сказались все недостатки, вообще свойственные театрально-кинематографической серии «ЖЗЛ». Мокеев хотел добиться звучания эпохи, но эпоха со сцены не звучит. Выходят на сцену актеры в ролях людей «высшего света», а мы чувствуем, что им самим конфузливо, что они ощущают себя крайне неловко и робеют перед своими зрителями. Люди, которых они изображают, бедны культурой; совершенно очевидно, что они не воспитывались в аристократических пансионах, не знают не только английского (в те времена это действительно было редкостью), но даже французского языка, не умеют танцевать и кланяться. А самое главное — почти не умеют разговаривать.

Сложный вопрос — сам Лермонтов. Трудно, конечно, поверить, что человек, которого мы наблюдаем в течение всего спектакля, написал «Маскарад». Но В. Виноградов играет неожиданно. Слишком неожиданно, чтобы зритель не заволновался.

Актер мельчит. Он говорит о быкновенными словами. Первая реакция: полноте! Какой же это Лермонтов! Самый обычный парень, почти подросток, вызывающий к себе безотчетное нерасположение. Находясь во власти стереотипов, неизвестно откуда взявшихся, мы ждем, что в великом человеке сей же час проступит что-то величественное, что в актерском исполнении оно сразу перерождается в какую-то особую эстетическую величину. А вот Брюлов писал: «Я как художник всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека; но в Лермонтове я ничего не нашел». Сам Лермонтов считал, что судьба посмеялась над ним, послав ему «общую армейскую наружность». Режиссер прислушался именно к этим словам. Совершенно понятно, что у Лермонтова — Виноградова резкий характер, что, для того чтобы в нем возникали какие-то состояния и мысли, он должен был постоянно находиться в напряжении. Есть такие темпераменты, которые только так могут мыслить, — это цена творчества. Виноградов уводит образ от лирических основ его стихотворений, словно хочет сказать, что герои Лермонтова — это не сам Лермонтов, что презрительная гордость его Арбенина, Печорина, Демона и Мцыри, наконец, не совпадает с чертами характера поэта, что он погиб не из-за своего злого языка, песни и преувеличенного чувства чести, — такое объяснение спектакль высмеял. Виногра-

дов играет другого человека: беззащитного, легкоранимого, не вступающего с миром, с его людьми в открытый и непримиримый конфликт, как это с гордостью делает Лермонтов — Бурляев, но и не умеющего жить в нем, жить так, как живут люди, открывшие для себя какие-то единичные истины и уже навечно укрепившиеся в них...

Интересно? Интересно. Во всяком случае, есть о чем спорить. По нынешним временам совсем не мало.

Когда Ю. Еремин поставил в Центральном театре Советской Армии во всех отношениях неудачную пьесу А. Ремеза «Осенняя кампания 1799-го года», этот спектакль был оправдан только одним обстоятельством: желанием замечательного актера Петра Вишнякова сыграть роль Суворова. Работа Вишнякова оказалась достойной и редкой, хотя внутренний актерский трепет перед наконец-то исполнившейся мечтой не позволил ему полностью избавиться от соблазна приписывать своему герою ярко выраженные героические черты. В этом спектакле неожиданно привлекла внимание другая работа: А. Балув яро и стремительно сыграл молодого Наполеона. На сцене ЦАТСа традиции «ЖЗЛ», кстати сказать, почти прервались, хотя именно здесь когда-то были как нигде сильны: достаточно побывать на спектакле «Давным-давно» и увидеть, к какому анекдоту здесь свелось исполнение роли Кутузова, чтобы все сомнения на этот счет отпали бы сами собой. И снова — в который раз! — возникает все тот же вопрос: отчего все-таки в «ЖЗЛ» так много неудач? Ведь что-то произошло — это несомненно. Мы выяснили: дело не в той личной гениальности, которой были наделены Пушкин или Лермонтов и которую якобы не в силах «по праву рождения» передать актер. Мы догадываемся, что даже потеря всех возможных связей с культурой минувшей эпохи, культурой, испокон веков имевшей в России самостоятельное значение, всей проблемы не исчерпывает. Существует что-то другое. Третье. Во многом решающее. А мы это обстоятельство почему-то не обсуждаем.

И вот тут-то пришла пора сказать о драматургии.

Современная драматургическая литература на темы «ЖЗЛ» в большинстве своем лишена самой важной внутренней черты — благородного чувства дистанции. Дело даже не в том, что наши драматурги обращаются со своими историческими персонажами слишком вольно или «запанибрата», хотя историю лучше бы все-таки не перевернуть и с Пушкиным «на дружескую ногу» себя не ставить. Когда читаешь новейшие пьесы из «ЖЗЛ», остается ощущение, что великие персонажи присутствуют в них как-то условно, что это не сами люди, а только их имена. Авторы пьес совершают над ними чудовищное насилие: они вырваны из культурного контекста своей эпохи, духовно обескровлены и существуют вне своего времени. Дело доходит до абсурда: мы заставляем самих классиков непосредственно общаться с сегодняшним днем, с современностью, хотя совершенно непонятно, как такое общение вообще может происходить, на каком языке. Представьте, пожалуйста, Льва Николаевича Толстого в окружении пионеров — невероятно? Еще как вероятно, на современной сцене, особенно на периферии, случается и не такое.

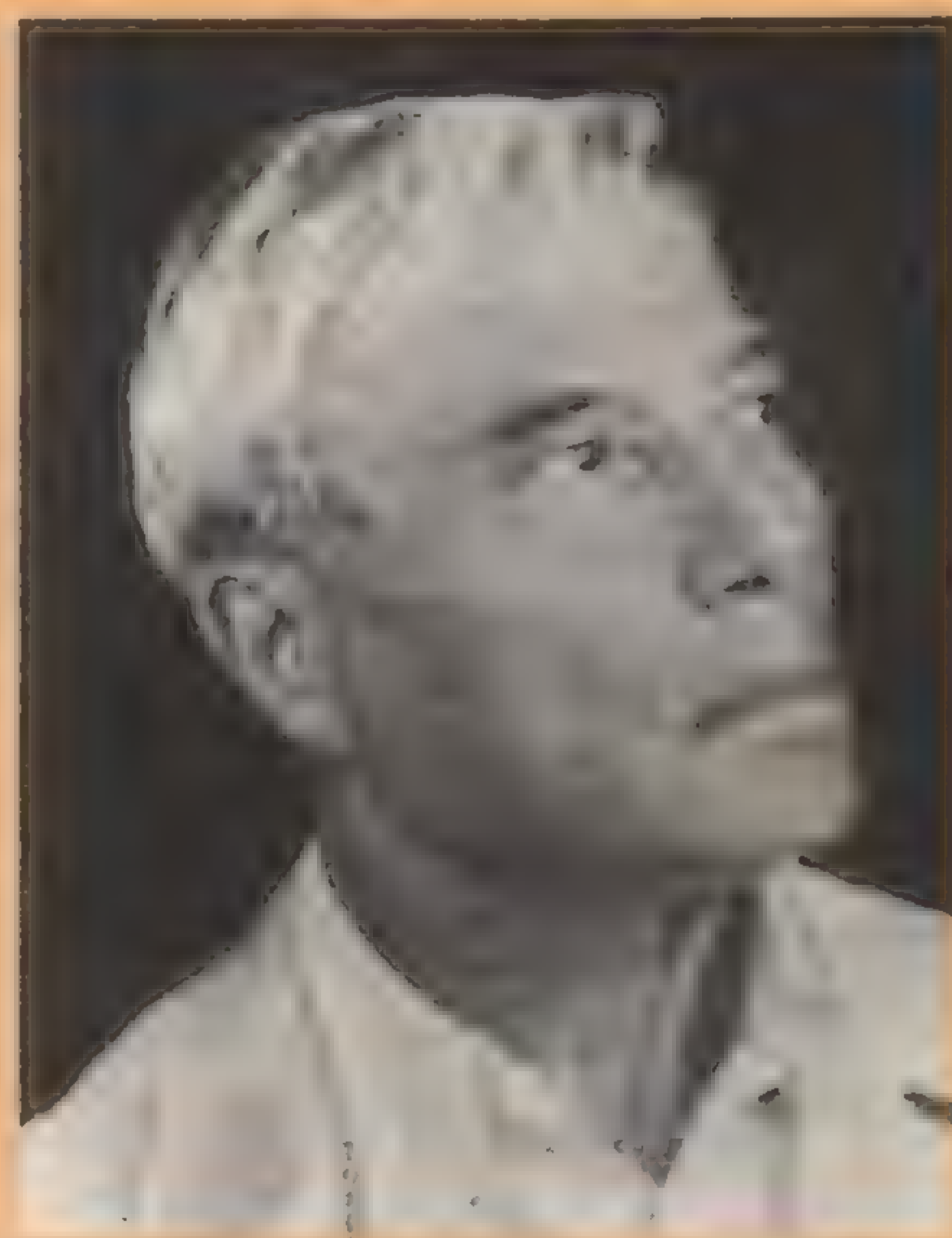
А пьес становится все больше и больше. В. Малягин написал «Раненое сердце» — о Некрасове. Д. Аль закончил пьесу «Салтыков и Щедрин» — о Салтыкове-Щедрине. Ушли в распространение «Венок Грибоедову» Б. Голлера и «Вавилов» В. Крымова. И. Белоус написал пьесу о Кюхельбекере, а А. Александров — о Герцене. Пришло известие, что где-то, на необитаемых просторах «остраны периферии», ставится пьеса З. Чернышевой об Андрее Рублеве...

Пьесы написаны, спектакли ставятся. Какими они будут? Получатся или не получатся? Как их сыграют актеры?

Не думать бы об этом.

БОРИС ПАСТЕРНАК

1890—1960

Один из крупнейших русских и мировых поэтов. «И вся земля была его наследством, а он ее со всеми разделил», — сказала о нем Анна Ахматова. Маяковский писал, что отношение к поэзии должно быть равным отношению к женщине в гениальном четверостишии Пастернака:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Сын известного художника Леонида Пастернака, молодой поэт был воспитан в кругу угонченной интеллигенции. Писал музыку, находясь под влиянием Скрябина. В совершенстве владел несколькими иностранными языками. Учился в Марбургском университете. Из иностранных поэтов на него наибольшее влияние оказал, пожалуй, Рильке. Из русских современников Пастернака больше всего притягивала фигура Маяковского, их сложная дружба происходила на основе взаимопривлечения и взаимоотталкивания.

Если Маяковский из мира внутреннего все больше уходил в мир внешний, то Пастернак поступил наоборот. Пастернак, первоначально связанный с футуризмом, отдалился от него, ибо литературная борьба была для него несвойственна. Но Маяковский навсегда остался для Пастернака непреданной любовью молодости, и именно Пастернак написал лучшие стихи на смерть Маяковского: «Твой выстрел был подобен Этне в предгорьях трупов и трупих». Пастернака упрекали в неуважении к Маяковскому, когда он написал, что после известного высказывания Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» — Маяковского стали насаждать, как картошку.

Но ведь Пастернак защищал этой горькой фразой Маяковского от его немедленно расплодившихся вульгаризаторов. Характерная особенность раннего Пастернака — перенасыщенность плоти стиха. Его стихи походили не на поэтическую субстанцию, а на ее квинтэссенцию. Объемность, осязаемость мира доходила у Пастернака почти до стереоскопического эффекта, когда ветка с каплями росы на ней протягивалась прямо из страницы, щекоца ресницы.

Поэзия Пастернака вроде бы отгораживалась от времени. Строка «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» многократно приводилась как обвинение поэта во вневременности. Но на самом деле поэзия Пастернака наскавозь исторична. Пастернак написал мощные исторические полотна «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт».

Один из лучших поэтических портретов Ленина принадлежит именно Пастернаку («Высокая болезнь»). Перед войной Пастернак участвовал в антифашистском конгрессе писателей мира в Париже, где зал приветствовал его стоя, а во время войны его стихи боролись против захватчиков.

Послевоенные стихи Пастернака характерны своим стремлением к прозрачности. Прежняя «эссециальность» уступила место большей классичности, простоте в ее высоком смысле. Что-то его поэзия потеряла, но что-то и выиграла.

Многолетней работой Пастернака был роман «Доктор Живаго», в котором он написал портрет русского интеллигента, невольно оказавшегося как бы между двух огней во время гражданской войны. Роман был написан без какого-либо налета злобы или принижения Октябрьской революции. Такие люди, как доктор Живаго, были, и история гражданской войны была бы неполной без их отображения.

Однако, к сожалению, роман тоже оказался между двух огней. Союз писателей СССР осудил роман «Доктор Живаго» как произведение антисоветское, исключив Пастернака из своих рядов. Были и голоса, предостерегавшие от такого скоропалительного решения, в частности голос Твардовского, но к ним не прислушались. С другой стороны, западная реакционная пресса использовала «дело Пастернака» в своих спекулятивных целях.

Таким образом, этот нравственно чистейший человек, для которого была непредставима политическая спекуляция, стал ее невольной жертвой.

Сейчас справедливость по отношению к имени Пастернака восстанавливается, его стихи издаются многотысячными тиражами, и роман «Доктор Живаго» готовится к печати в СССР.

Пастернак был блестящим переводчиком Гете, Шекспира, Рильке, грузинской поэзии. Комиссия по наследству Пастернака приняла решение обратиться в ЮНЕСКО с предложением о проведении 100-летнего юбилея этого великого поэта в 1990 году во всемирном масштабе. Только что в Библиотеке «Огонек» № 25 вышел сборник избранной лирики Б. Пастернака «Свободный кругозор».

Февраль. Достать чернил и плакаты!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

СМЕРТЬ ПОЭТА

Не верили, считали — бредни,
Но узнавали от двоих,
Троих, от всех. Равнялись в строку
Остановившего срока
Дома чиновниц и купчих,
Дворы, деревья, и на них
Грачи, в чаду от солнцепека
Разгоряченно на грачих
Кричавшие, чтоб дуры впредь не
Совались в грех, да будь он лих.
Лишь был на лицах влажный сдвиг,
Как в складках порванного бредня.

Был день, безвредный день,
безвредней
Десятка прежних дней твоих.
Толпились, выстраиваясь в передней,
Как выстрел выстроил бы их.

Как, сплющив, выплеснул из стока б
Лещей и щуку минный вспых
Шутих, заложенных в осоку.
Как вздох пластов нехолостых.

Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих,—
Красивый, двадцатидвулетний,
Как предсказал твой тетраптих.

Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал,— со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.

Ты в них врезался тем заметней,
Что их одним прыжком достиг.
Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьях трусов и трусих.

1930.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

МАРБУРГ

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье,—
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженной.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значении своем подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По липам. И все это были подобья.

Но, как бы то ни было, я избегал
Их взглядов. Я не замечал их приветствий.
Я знать ничего не хотел из богатств.
Я вон вырывался, чтоб не разреветься.

Инстинкт прирожденный, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребятня зазноба. За ним,
К несчастью, придется присматривать в оба».—

«Шагни, и еще раз»,— твердил мне инстинкт
И вел меня мудро, как старый схоластик,
Чрез девственный, непроходимый тростник
Нагретых деревьев, сирени и страсти.

«Научись шагом, а после хоть в бег»,—
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнова учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.

Одних это все ослепляло. Другим —
Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.

Плыла черепица, и полдень смотрел,
Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге
Кто, громко свища, мастерил самострел,
Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.

Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозые играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хорошал!) — этот вихрь духоты...
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья.

Нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Все ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутлока не про нас.
Что будет со мною, старинные плиты?

Повсюду портпледы разложит туман,
И в обе оконницы вставят по месяцу.
Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.

Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
Явления мыслей привычных боюсь?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

1916, 1928.

РАЗРЫВ

(Отрывок)

Рояль дрожащий пену с губ оближет.
Тебя сорвет, подкосит этот бред.
Ты скажешь: — милый! — Нет, — вскричу я, — нет!
При музыке?! — Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, погодно?
О пониманье дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! — ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно что жилы отворить.

1918.

ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ»

«Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним карать и каяться,
Другим — кончать Голгофой.

Как вы, я — часть великого
Перемещенья сроков,
И я приму ваш приговор
Без гнева и упрека.

Наверно, вы не дрогнете,
Сметая человека.
Что ж, мученики догмата,
Вы тоже — жертвы века.

Я тридцать лет вынашивал
Любовь к родному краю
И снисхожденья вашего
Не жду и не теряю.

Как непомерна разница
Меж именем и вещью!
Зачем Россия красится
Так явно и зловеще!

Едва народ по-новому
Сознал конец опеки,
Его от прав дарованных
Поволокли в аптеки.

Все было вновь отобрано.
Так вечно, пункт за пунктом.
Намереньями добрыми
Доводят нас до бунта.

В те дни, — а вы их видели,
И помните, в какие, —
Я был из ряда выделен
Волной самой стихии.

Не встать со всею родиной
Мне было б тяжелее
И о дороге пройденной
Теперь не сожалею.

Поставленный у пропасти
Слепою властью буквы,
Я не узнаю робости,
И не смутится дух мой.

Я знаю, что столб, у которого
Я стану, будет гранью
Двух разных эпох истории,
И радуюсь избранью».

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1946

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, авва отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

1946

ПОСТАВЬТЕ НАМ ДЕРЕВНЮ

Д

Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА

орогой «Огонек»! Пишут тебе жители маленьких неизвестных деревень.

Все мы родились и выросли здесь, на псковской земле, в Псковском районе. Здесь жили наши деды и прадеды. Любовь к родной деревне, к полям, лесам и озерам привили нам наши родители. Они, как правило, добросовестно трудились в самые нелегкие для села времена — в годы коллективизации и позже, в голодные послевоенные годы. Много мужчин не вернулось домой с войны. Но и после войны долгие годы восстановления народного хозяйства забирали людей из наших деревень, особенно молодежь. Вышло так, что и сами жители наших деревень любимыми правдами и неправдами стремились в город. Искали лучшей жизни. И вот теперь уходит из жизни старшее поколение, поколение отцов и матерей. Обезлюдели деревни, и вычеркнуты из официальных документов их чудные названия: Москва, Кратковские ледины, Феклисты, Стража... Когда-то деревушка Мосива жила самостоятельной жизнью — о том времени сохранился старый номер «Огонька» с очерком о ней.

Но дело не в названии: каким бы удивительным оно ни было, лишь бы деревня жила, росла. Нам, живущим в этих маленьких российских, для кого-то неперспективных деревеньках, блеснула надежда, когда партия и правительство приняли решение о

поднятии и развитии Нечерноземья. В печати, по радио все чаще поднимают вопрос о судьбе маленьких деревень, разбросанных и по нашей родной Псковщине. Внимание к труженикам села почувствовали и у нас.

Мы живем в отделении совхоза «Маяк» — в деревне Мельницы. Здесь есть и молодые семьи. Где молодежь, там и дети. Казалось, жизнь в Мельницах не должна погаснуть...

Как же у нас хорошо тут! Действительно очень хорошо! И живем кучно, дружно. В радиусе пяти километров восемь деревушек, два магазина, медпункт, школа — ее капитально отремонтировали; есть и библиотека, и клуб, и отделение связи. Мы имеем автобусное сообщение с Псковом, до него пятьдесят километров, в наш век это не расстояние. Так вот, кажется, все условия, чтобы не угасла в окрестных деревнях жизнь.

Горожане это быстро поняли. Они обзаводятся здесь домишками, грядками. Летом наши дачники копошатся в земле, рыбачат, собирают ягоды и грибы, растят внуков, поправляют здоровье.

Но, как оказалось, наши надежды уцелеть были напрасны. Составляя дальние планы, никто не подумал о Мельницах и других деревеньках. Конечно, невозможно сохранить их все до одной... Но мы, жители, хотим сохранить хотя бы одну деревню Мельницы — одну на всех. Если она будет жить, то обязательно сохранит-

Александра Филипповна Васильева, пенсионерка: «Каждое полено, считай, куплено несколько раз, все просила — принести, распилить, расколоть...»

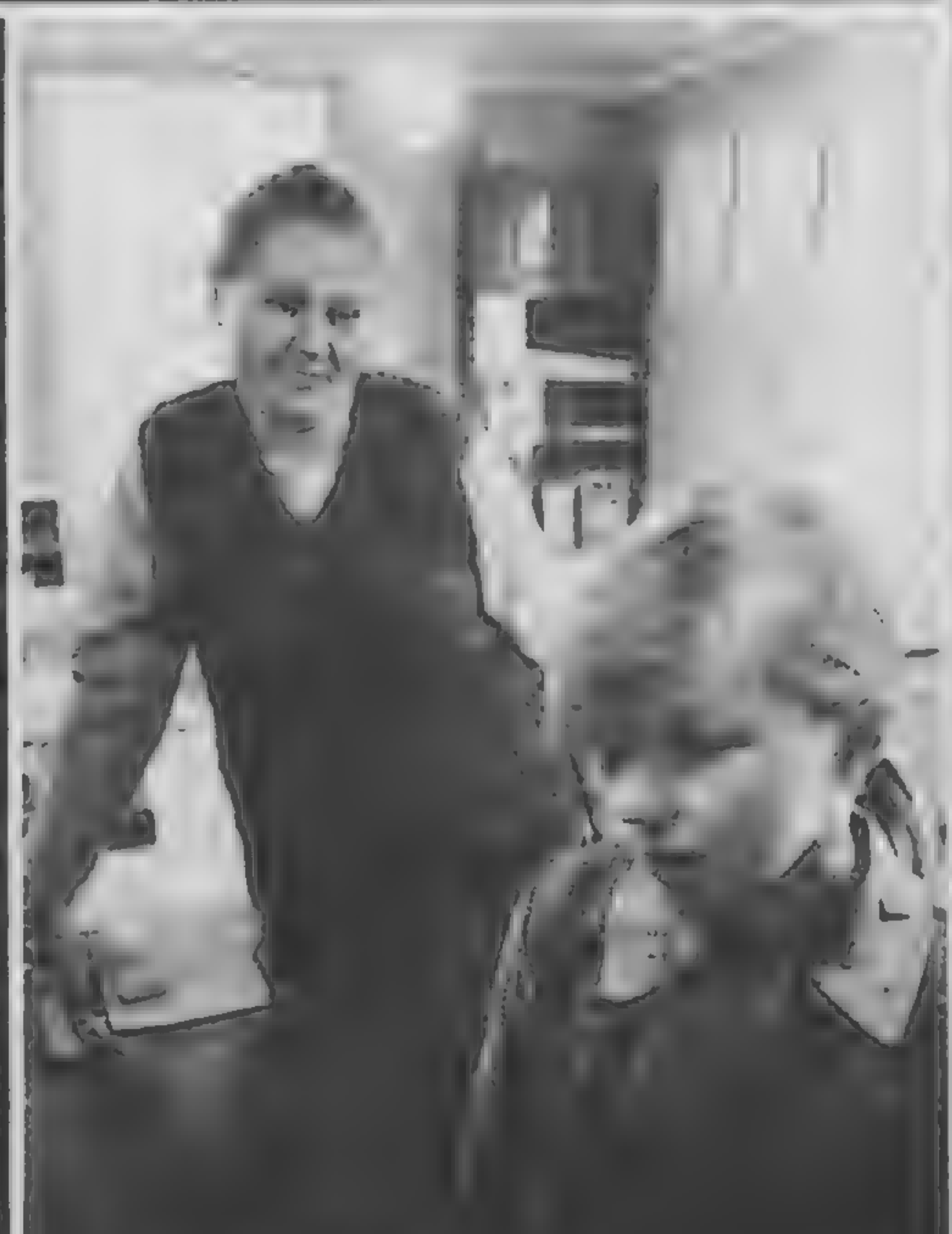
— В Красной горке жизнь прожита. Как же расставаться с деревней — родиной! — говорит Василий Яковлевич Иванов.

Сегодня они — будущее «неперспективных» деревень... А завтра!

ся и деревня Визки. Без этого самого населенного отделения совхозу никак нельзя! Планируя развитие района, никто не спрашивал мнения у жителей. И, возможно, даже те, кто составлял перспективный план, не видели наши края, ни разу не побывав в этой красотище, ни с кем не поговорили по душам. И это после апреля 1985 года, когда гласность, общение с народом стали законом, стали обязательными, если решается судьба людей, особенно селян, хозяев земли.

«Без меня меня женили» — старая поговорка, и негоже в городе решать нашу судьбу. План предусматривает развитие центральной усадьбы совхоза — села Середки. Мы не можем понять, что происходит. Зачем делать вид, что наших деревень ни на карте нет, ни на земле! Есть они. Земля вся в этих деревнях — не в городе и не в райцентре! И мы на этой земле еще живые. Зачем же все концентрировать в поселке! А у нас происходит именно так, все свозят в одно место. На центральной усадьбе построили благоустроенные жилые дома. Это хорошо. Но почему же нельзя построить новые дома усадебного типа в нашей деревне! Руководители совхоза «Мая» не планируют строить и обновлять жи-

Второй класс Мельницкой восьмилетки в полном составе: учительница Валентина Ивановна Елкина и единственная ученица Света Иванова.

Жизнь в Мельницах еще теплится, в том числе и на личных подворьях.

лье на отдалении. Это им больно хлопотно! Тогда надо будет решать все проблемы бытовых условий. А руководители нашего хозяйства мечтают о спокойной жизни, хотя как раз она, жизнь, диктует обратное. У всех время обновления, а наши деревни обречены умирать! Не будет слышно на улицах детского смеха, не ступит ребенок на росистую траву... Разве можно привить любовь к земле, если родители, живущие в сельской местности, работники совхоза покупают все продукты или в Пскове, или едут за ними в Прибалтику! О животных, о любви к ним и речи не может быть. Видели бы, какие у нас тут, на центральном поселке, сараи добротные, кирпичные! И стоят они улицей — пустующими, двери с оторванными петлями... Там скот держать! Не держат — неудобно. Далеко, неудобно, не по-крестьянски. Вот и бегают переселенцы в магазин... Мы, сельские жители, должны подать продукты к столу городского жителя, а получается наоборот.

Необходимо сохранить деревни, не разорять их — такой наш вывод. Пока не поздно. Есть и печальный опыт. Среди бескрайних лесов наши деревушки, а на холме одной из них — братское кладбище. Здесь похоронены 736 воинов. От их крови в марте 1944 года окрасилась здешняя горка, и с тех пор зовут деревню Красная горка. Еще лет пятнадцать назад здесь жизнь кипела! Но убрали из деревни школу, закрыли ее из каких-то соображений, родители с детьми отъехали, и теперь дома без хозяев. К ним, дома, шагает линия электропередач, над крышами телевизионные антенны... Но в домах не зажигают свет — некому; нет тропинки ни к одному крыльцу. Жуткое зрелище видеть мертвую деревню, особенно зимой. И причина — наши деревни попали к кому-то в списки с клеймом «неперспективные»...

Нельзя не считаться с живыми людьми, с народом.

Мы, жители пока существующих деревень, просим помощи. В наши деревни только нужно влить новую струю жизни. Мы не хотим, чтобы наши дети покинули родные края, свою деревню, человек не зверь, ему нужно общество, соседи, а не темный лес да хуторная система. Они, дети, наше будущее! И нужны они будут завтра здесь, в деревне. За детей, за землю наша тревога. Почему образованные, здоровые люди в совхозе этого не понимают! Из нашей деревни Мельницы вышли основные кадры совхоза. Люди хорошие, трудолюбивые. Почему же ни один руководитель не посчитался с нами! Всех волнует судьба родного края. А теперь и в Мельницах встает вопрос о закрытии школы, как изжившей себя! И тогда неминуемо повторят наши Мельницы участь деревни Красная горка и близлежащих деревень...

В море кричат «SOS». А что кричать на земле! Среди лесов и брошенных полей! Что и кому кричать посреди земли — ведь это все мы, наша родина, наша судьба. И судьба не только наших псковских деревень! Везде одна история. Ошибку на земле исправить трудно — годом не исправишь. Но с каждым новым годом мы на себе чувствуем ошибку, сделанную много лет назад: не хотим жить неперспективными. А хотим возрождения российского Нечерноземья, хотим восстановления социальной справедливости.

Н. А. УЛЬЯНОВА
и другие жители деревни
(письмо подписали несколько десятков человек)

Деревня Мельницы,
Псковская область.

О ПЕЛЕНКЕ, РАСПАШОНКЕ И СЕМЕЙНОМ БЮДЖЕТЕ

Я И СЕМЬЯ

Что такое жить по средствам? Как вы относитесь к материальной помощи женатым детям — это необходимость или поощрение иждивенчества? Среди десяти вопросов на семейную тему, которые мы задали, открывая нашу рубрику в № 41 за минувший год, эти два оказались самыми болевыми. Мы получили сотни ответов от инженеров, врачей, учителей, служащих, словом, от тех, для кого жить по средствам связано с необходимостью протянуть до зарплаты, не влезая в долги. Некоторые, чтобы не быть голословными, прислали описание своего бюджета за годы, и вывод напрашивался один — жизнь подорожала! И каждый ищет выход, как умеет: одни шьют себе и детям, другие оставляют любимую работу и идут туда, где платят больше, а третьи честно признаются, что не справились бы со своими проблемами без помощи родителей. Материальная помощь родителей взрослым детям, увы, стала делом обычным, и читатели справедливо связывают рост числа бездетных и одиноких семей с состоянием бюджета. И в самом деле, ведь буквально с первых дней появления малыша на семью падает дополнительное бремя расходов, и причем немалых. Мы убедились в этом, наблюдая вот уже шестой месяц жизнь молодой семьи Фокиных (см. «Огонек» №№ 3, 7, 13).

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

Новелла ИВАНОВА, фото Геннадия КОПОСОВА

Как вы полагаете, сколько надо потратить денег, чтобы приобрести для новорожденного самое-самое необходимое? По моей просьбе Дмитрий Фокин составил список вещей, купленных для сына. Коляска, ватное и байковое одеяльца, теплые и холодные пеленки, распашонки, кофточки, простынки, пододдеяльники, «уголок», чепчики, аптечка, соски, бутылочки... Список потянул на 148 рублей. Добавьте сюда еще кровать за 35 рублей (ее Фокиным, правда, подарили), и тогда получится, что на покупку всего необходимого ушло денег больше, чем полуторамесячный заработок главы семьи, который работает наладчиком микро-ЭВМ и получает 140 рублей в месяц.

Я спросила у Димы, как у них организовано домашнее хозяйство и куда расходуются деньги. Вначале, как и многие, Фокины пробовали жить «одним домом» с Диминой мамой — отдавали ей часть денег, помогали со стиркой и покупками. Но спустя некоторое время убедились — обеим сторонам удобнее жить «своим домом». Ничего особенного ребята не покупали: Ире пальто, зимние сапоги, Диме джинсы.

Они стали учиться планировать свои покупки, и каждый знал, что деньги, оставшиеся от питания, квартплаты и других необходимых расходов, можно потратить только по обоюдному согласию. И вот новость — у них будет ребенок! Это была радость, потому что они очень хотели его. Но это была первая серьезная проблема. Семье предстояло жить на зарплату Димы да плюс 35 рублей, которые Ирина вместо своих 90 рублей будет получать, пока ребенку не исполнится год.

Выход один — искать приработок. Но устройство по совместительству оказалось делом непростым. Вместе с другом, у которого родился малыш,

он пытался устроиться ночным мойщиком в троллейбусный парк. Отказали. Подались на плодоовощные базы, но там нужно было работать постоянной бригадой... И тут повезло — у них в объединении нужен уборщик, за мытье 420 метров полов — 65 рублей! Но в отделе кадров объяснили, ссылаясь на законодательство, что у себя в учреждении Фокин может получать только... половину этой суммы. Умные люди подсказали выход, и теперь он моет по утрам полы, а деньги получает... теща, оформленная уборщицей! Нам, журналистам, молодой отец, у которого за плечами армия, а в руках несколько хороших профессий, с обидой пожаловался: почему он должен ловчить? Кому нужен этот обман? Почему его семья оказалась один на один со своими нелегкими проблемами? Почему исполкомы райсоветов стоят в стороне от их забот, тогда как можно было бы наладить информацию, где можно подработать, или даже организовать разного рода добровольные союзы для умеющих что-то делать своими руками — красить, вязать, шить, ремонтировать и прочее!

— На работе перестройка, и это замечательно. Но когда же начнется перестройка отношения к семье? Ведь дела семейные — дела государственные. И кто-то должен подсчитать, сколько нужно истратить в месяц на ребенка, и поддержать наш бюджет!

Очень важные вопросы поставил Дмитрий Фокин. Некоторые из них, например, об организации приработка для родителей, требуют беседы с компетентными лицами, и мы к этому вернемся в дальнейшем. А пока напомним, что, по оценке социолога профессора МГУ А. Я. Кваши, «средняя стоимость» ребенка до семи лет в городской местности составляет ежемесячно не менее 90 рублей. Да, права мать двоих детей Маргарита Ковалева, которая написала из Запорожья Ирине Фокиной: «А знаешь,

Ира, дети дорого стоят...» Подобных писем после публикации наших репортажей пришло немало. Приведу одно из них.

«У нас тоже растет сынишка — на месяц старше Сережи Фокина, о котором рассказывает «Огонек». Мы живем в Пятигорске, и если у москвичей есть проблемы, где достать необходимое для малыша, то у нас их тут — не перечислять. Правда, кроватки есть, с ванночками похуже, ну а красивую коляску купить вообще невозможно. Пинеток нет. Хороший костюмчик не достать, а те вещи, которые можно купить, оставляют желать много лучшего. Детская обувь на грубой, негнущейся подошве, комбинезоны грязно-синей расцветки, которые могут стоять сами по себе, без ребенка. Даже пеленки наша промышленность умудряется выпускать грязно-серого цвета! Посмотришь по телевизору или в журналах, как нарядно одеты детишки за рубежом... А наши чем хуже? Почему должны наши мальчуганы ходить в пальто в мрачную клетку? Почему мы, родители, которые готовы заплатить за красивую вещь, должны страдать из-за того, что какие-то дяди и тети, которым поручено одевать наших детей, делают это плохо? У меня есть предложение к редакции — давайте предложим показать в телепередаче «Вокруг смеха» те нелепые, безобразные детские вещи, которые мы вынуждены покупать. И пусть те, кто их создал, ответят на простой вопрос: «Кому это нужно?» Вы не думайте, что я занимаюсь критиканством. Просто сердце кровью обливается оттого, что народное добро переводится в самый натуральный хлам», — написала С. В. Панина.

И в самом деле — кому это нужно? Ответ на такой вопрос оказался получить непросто. И я решила пройти по цепочке — от товароведов в магазине детских товаров к руководству Государственного комитета СССР по ценам, а затем побеседовать с заместителем министра торговли и его коллегой в Министерстве легкой промышленности РСФСР (большая часть разгневанных писем пришла с разных концов Российской Федерации).

«Товары для детей» — единственный магазин такого рода в большом рабочем Краснопресненском районе, где живу. Я его частый заинтересованный посетитель. У меня растут

двое внуков, Антону скоро пять, Артему на три года меньше. Но очень редко ухожу из магазина с покупкой. Почему? Потому что ищу то, чего нет. Ищу колготки 12, 13, 14-го размеров. Ищу «гусарики» — ботиночки на два годика. Ищу костюмчики летние из хлопка. Продавцы заученно, словно автоматы, отвечают: «Нет... не было... когда будет — неизвестно». Вот и сегодня по пути к товароведом Краснопресненского универмага по привычке заглянула — а вдруг? Начало лета, но ни одной летней вещи ни для мальчиков, ни для девочек.

«Что же такое происходит?» — спросила я у заведующей отделом швейных товаров Тамары Константиновны Савельевой. Она пригласила для беседы еще трех товароведов, и целый час эти женщины — кто был мамой, а кто бабушкой — с болью и возмущением рассказывали мне о том, что происходит с детскими товарами. Рождаемость не падает, а промышленность, словно о том не ведая, резко сократила ассортимент товаров ясельного возраста. Выбора практически нет — начиная от ползунков и кончая верхней одеждой для более старших. Не хватает рейтуз, нет трусов и маек...

Нет, они не бездействовали. Мне показали папку переписки с объединениями и фабриками, которые делают детскую одежду. Папка солидная, а товаров нет. Они, работники торговли, хорошо знают, что именно ищет покупатель. Они идут на фабрику «Старт», где одевают мальчиков, и говорят: «Сделайте нам рубашечки более модными — с воротничком-стойкой, и тогда их змиг раскупят!» Им отвечают: чтобы сделать воротничок стойкой в полтора сантиметра, надо менять технологию, а это дорого, «так что рубашечки ваши нерентабельны». Тогда вот вам задание попроще — приходите к летним штанам грудку с лялочками, чтобы детишкам удобнее в песочнице возиться! А в ответ: «Это сложный фасон, а детский пошив должен стоить дешево!» Именно по этой, видимо, причине ни одна московская фабрика не шьет для девочек модных летних брючек «бананов» и много другого, что мы ищем напрасно на прилавках магазинов.

Итак, уже на первом этапе выяснилось, что промышленность не справляется с заявками торговли ни по количеству этих товаров, ни по их качеству.

Мы мечтаем, чтобы наши дети были одеты красиво, модно и недорого. Об этом, я уверена, мечтают все те мамы и папы, которые работают на предприятиях, где изготавливают детскую одежду и обувь. Но... вместо этого они шьют рентабельные, но безобразные платья, пальто, ботинки.

— А кому это нужно? — спросила я у заместителя председателя Госкомцен Юрия Владимировича Жукова. — Кому нужно, чтобы наши дети, начиная от новорожденных до подростков, одевались некрасиво, хотя цены на детские вещи немалые?

Дороговизна? С этим мой собеседник был категорически не согласен. Низкое качество и отсутствие ассортимента — это факт.

— И все же детские вещи дорожают, взять хотя бы детские коляски...

— Это неизбежно, когда речь идет об улучшении качества товара, как это случилось с детской коляской. Но в целом средняя цена на детские изделия растет мало. В трикотажном белье, например, она осталась по сравнению с 1979 годом на нуле.

Я спросила моего собеседника напрямую, есть ли власть у комитета, чтобы сказать промышленности: «Всё! Ни копейки больше! Это уже предел!»

— А зачем устанавливать предел? Мы — против такого решения проблемы. Ведь есть семьи с доходом 200 рублей на человека, а есть — менее

пятидесяти. И пусть будут товары разной стоимости — от дешевых до самых дорогих. Скажем, те же коляски должны быть и в 30 рублей, и в 40, 70, 120. Ассортиментный минимум — вот что важно, и мы постоянно настаиваем на том, чтобы он был в каждом магазине, а если его не обеспечили, магазин должен лишаться премии.

Итак, предела роста стоимости детских товаров, как выяснилось, не существует. Правда, она поставлена в прямую связь с ростом их качества. Может быть, с точки зрения экономической стратегии это решение очень прогрессивное. Но мне представляется, что оно имеет право на жизнь только в том случае, если будет выполнено второе важное условие, а именно — в каждом магазине будет ассортиментный минимум, который даст возможность купить то, что тебе по карману. Но где и кто видел этот минимум? Я лично впервые увидела его в этом кабинете, когда листала прейскурант на детские товары, который, как было подчеркнуто, не менялся с 1979 года.

Юрий Владимирович познакомил меня с солидным документом и даже любезно взялся прокомментировать на его материалах ситуацию с ясельными товарами, которые меня особенно интересовали. В магазине на Красной Пресне я увидела чепчики только по 60 копеек. А в прейскуранте есть чепчики по 40, даже по 20 копеек, в зависимости от материала и расходов на шитье. Швейники могут выбрать что душе угодно, но если захотят и чепчику за 20 копеек приделать дорогой бантик — не выйдет! В прейскуранте записано: не допускается дорогостоящих отделок из высококачественных материалов и дешевым изделиям. Как видите, тут Госкомцен стоит на страже интересов семьи. А знаете ли вы, что при определении цены на чепчики, как на все детские швейные изделия, берется не розничная цена материала, а его цена со скидкой, которую вот уже многие годы дает государство за счет своего бюджета, и по расчетам на сегодня, как сказал тов. Жуков, она составляет более полутора миллиардов рублей. Впечатляет? Да. Впечатляет и прейскурант, в котором до деталей расписано огромное количество детских товаров с учетом любого вкуса и кармана. Этот прейскурант заворачивал: ведь если судить по нему, то стабильность цен сохраняется вот уже восемь лет. Но, увы, реальный уровень цен зависит не от прейскуранта, а от выбора товара на прилавке.

И тысячу раз правы те наши читатели, которые о политике ценообразования судят по вещам, которые они когда-то купили первенцу, а теперь повторяют ту же покупку для младших. «Мы растим троих детей. Старшей дочке скоро четыре с половиной года, а за ней — два сына друг за другом», — написала 27-летняя Ольга Федосеева из Ташкента. — И вот что я скажу: сколько уже писано о проблемах детской одежды, обуви, а ни с места! Возьмите пинетки. Они стоили 1 рубль 5 копеек. Теперь — 1 р. 20 копеек. Дешевле и не ищите! Сандалики одиннадцатого размера — 2 р. 20 копеек. Причем цвет мрачный, серый или темно-коричневый. К ним надо купить наблочки за 60 копеек в сапожной мастерской. Потому что в яслях нас ругают за отсутствие наблочков, говорят, что плоскостопие будет. А что же наша промышленность? Она разрабатывает и гонит обувь без учета рекомендаций медиков? А доработка идет из нашего кармана!»

Рассказываю о подобных письмах Ю. В. Жукову и спрашиваю, как он расценивает эту информацию с места. Он без колебаний назвал это безобразием и пояснил, что оно потому особенно недопустимо, что затраты государства по двум третям всей детской обуви выше розничных цен.

Что же получается: государство печется о том, чтобы детские вещи были дешевле, а кто-то взял да без ведома Госкомцен поднял цены на пинетки и сандалики?

Не спешите с выводами. Никто не поднимал цен именно на эти пинетки и эти сандалики. Они значатся в том самом «нестарящем прейскуранте». Весь фокус в том, что там же наверняка есть и другие, более дешевые изделия, но обувщики, как и швейники, сами решают, что им взять из прейскуранта и пустить в производство.

А Госкомцен? Его позиция?

— Мы даем промышленности возможность выпускать широкий ассортимент с учетом разного семейного бюджета. Но, как правило, она берет то, что экономически выгоднее предприятию, то есть вещь подороже. Ведь детские товары, и это ни для кого не секрет, — трудоемкие и нерентабельные.

Я подумала о том, что, во-первых, Госкомцен должен был опустить шлагбаум перед дорогими товарами, и, во-вторых, это прямая задача торговли. Она знает, что хочет покупатель!

— Да, знает, — согласился мой собеседник, — но именно торговля своими заказами поддерживает стремление промышленности сделать вещь подороже. Почему? Да потому, что она тоже исходит из своих интересов: выполнения плана по товарообороту. А раз так, она охотнее возьмет платьице из ацетата с отделкой за 10 рублей, чем из хлопка за 3 рубля 60 копеек!

Объяснение исчерпывающее. Вопрос, заданный в письме: а кому это надо? — как будто начал проясняться. Сложилась ситуация, когда торговле и промышленности стало выгодно это искусственное удорожание стоимости детских вещей. Дешевые товары вытесняются более дорогими, и покупка их становится для нас вынужденной. И этот процесс идет в разрез с планами партии на повышение нашего жизненного уровня.

Из беседы с Ю. В. Жуковым стало ясно, что здесь, в этом ответственном за судьбу нашего семейного бюджета комитете, отдают себе отчет, к чему приводит ведомственное стремление к повышению цен за счет дорогостоящих товаров. Неясно другое — кто же, как не Госкомцен, должен печется о том, чтобы стабильность цен на детские товары сохранялась не только в прейскуранте, но и в магазинах?

Ощущение от встречи было такое, словно побывала на приеме у опытного, но очень осторожного врача, который, зная многие годы своих пациентов, не решается сказать о неизбежности тяжелой операции и продолжает выписывать лекарства, которые ничего не могут изменить...

Ну а пациенты, знают ли они о том, что без этой необходимой и тяжелой операции им не обойтись и что откладывать ее уже невозможно? Минторг и Минлегпром. Два тесно связанных между собой министерства Российской Федерации. Одно держит в руках производство товаров, другое — систему их распределения. В идеале они должны быть сообщающимися сосудами, с единым высоким уровнем наполнения товара. И в том числе для детей. Сегодня уже невозможно представить себе успеха торговли без точной, научно обоснованной информации о том, сколько кому чего требуется. Торговля, а точнее, ее штабы разрабатывают стратегию заказов для обувщиков, швейников и т. д. В этих штабах должны знать, что ежегодно в РСФСР рождается более двух миллионов малышей. Это означает, что ежегодно потребуется более двух миллионов кроваток, колясок, ванночек и не меньше, а даже больше, такого прозаического товара, как горшки. Торговля должна ориентироваться на то, что уже на третьем месяце жизни ребенок должен надеть ползунки, а к концу первого года жизни он сделает первый шаг, и понадобятся как минимум более двух миллионов пар пинеток. Если потребности взрослого населения порой бывают непредсказуемы, например, из-за вторжения моды, то с малышами нет неожиданностей, и потому не должно быть сбоев в торговле.

Но, как видим, эти сбои есть. Как же думают с ними справляться в этих двух министерствах? Об этом мы расскажем в следующем репортаже.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ко времени выхода этой статьи тов. Жуков Ю. В. стал работать в Совете Министров СССР. Хотелось бы верить, что в новой должности он не останется в стороне от проблемы, которую мы обсуждаем.

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕНЕЦ

НЕДАВНО
ГАЗЕТЫ, РАДИО
И ТЕЛЕВИДЕНИЕ СООБЩИЛИ
О НОВОМ
ДОСТИЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ПОЛЯРНИКОВ,
УЧЕНЫХ КОНСТРУКТОРОВ И РАБОЧИХ-КОРАБЕЛОВ.
АТОМОХОД «СИБИРЬ»
ДОСТИГ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА!
ОБ ЭТОМ РЕЙСЕ РАССКАЗЫВАЕТ ПУБЛИКУЕМЫЙ ОЧЕРК.

Владимир ЧЕРТКОВ, Александр НАГРАЛЬЯН, специальный корреспондент «Огонька» [фото]

Неистовое безумство света. Северный полюс таким увиделся мне впервые, а я на нем бывал трижды. Но попади сюда и в четвертый, и в пятый раз, не исчезнет состояние необыкновенной приподнятости от мысли: «Это ж куда забрался! А скольких на пути сюда подстерегла смерть, скольких манила вершина Земли в снах и грезах».

Были смелые планы, были отчаянные головы, но как только к полюсу направлялись суда, Арктика неизменно поворачивала их вспять. И веками мечтой оставалось желание людей пробиться к макушке планеты в активном надводном плавании. Да, можно на собачьих упряжках и лыжах. Да, можно, ценой неимоверных усилий. Но если заботиться о целенаправленном исследовании труднодоступных районов Ледовитого океана, если помышлять об освоении богатств Севера, то следует создавать сильный ледокольный флот — таким было мнение серьезных людей.

С появлением атомных судов жизнь в Арктике заметно оживилась. Венцом наших побед явился рейс «Арктики» к Северному полюсу в 1977 году, в котором довелось участвовать и мне. И вот еще один рейд к вершине планеты, теперь на «Сибири». Экспедиции предстояло провести огромный комплекс научных работ в околуполусном районе, эвакуировать с дрейфующей в высоких широтах льдины станцию «СП-27», высадить в море Лаптевых новый научный городок — «СП-29».

НЕУКЛОННО — НОРД

Утром первый помощник капитана «Сибири» Б. Слукин, снабжающий нас оперативной информацией, пригласил за данными о проделанной работе за последние часы. Находимся в

пятидесяти милях к северу от Земли Франца-Иосифа. От Мурманска 740 миль, до «СП-27» — 415, до Северного полюса по прямой — 520. Заходим в пролив Кембридж, разделяющий Земли Александры и Георга. Проведены опытные геофизические исследования со льда. Приняли вертолет Ми-8, с борта которого выполнены работы по топографическому дешифрованию космических снимков в западной части ЗФИ. На борту «Сибири» — представители свыше двадцати организаций, но самое главное, что они не разобщены, как прежде, а слиты в единый кулак, сокрушающий ведомственные пороги. Наступил момент всерьез думать о той поре, когда советский сектор Арктики полностью включится в общегосударственный экономический потенциал. Наступит время, когда обычные морские маршруты пролягут через Северный полюс.

Мы уже находимся в такой точке Арктики, где еще ни разу не проводились столь объемные и многообещающие исследования. Во внутренних частях Северного Ледовитого океана расположены два глубоководных бассейна — Евразийский и Амеразийский. Строение первого чрезвычайно похоже на строение таких молодых в геологическом смысле океанов, как Атлантический. Именно сюда тянется система хребтов с высокой сейсмической и тектонической активностью.

С изучения этой гигантской подводной горной цепи протяженностью более шести тысяч километров, — говорит доктор геолого-минералогических наук Л. Савостин, — изменились и наши представления об эволюции Земли в целом. Срединно-океанические хребты являются теми центрами, от которых громадные блоки земной поверхности, несущие на себе континенты, расходятся, раздвигаются в стороны. Специфика этого процесса в

Арктике в том, что скорость расхождения Евразийского и Североамериканского континентов здесь минимальная. Это может приводить к совершенно неожиданным формам рельефа дна — высочайшим горам и глубочайшим рифтовым впадинам.

ЧЕТЫРЕ НОЧИ ПОД СОЛНЦЕМ

За сутки дрейф составил три с половиной мили. Нас сносит на юго-запад. Нас — это «СП-27». Подо льдиной, на которой мы живем, четырехкилометровая толща Северного Ледовитого океана, мы движемся в сторону Атлантики.

Радует погода. Пронзительное солнце «поджигает» сухие снежинки, и миллиарды огоньков ослепляют в любое время суток. А 165 дней зимовщики жили в условиях полярной ночи. И как на ее исходе ждали на горизонте первый дневной луч, так и теперь высматривают вдаль «Сибири», с которой нас 14 мая доставил на «СП-27» вертолет Ми-8.

Тяжело пробивается к нам атомный ледокол. Но поход уже показал, что, как ни сильна Арктика, ей не остановить наше движение в околуполусный район. Освоить его в такой степени, чтобы в случае необходимости он стал максимально достижимым. Когда пишу эти строчки, атомоход всего в двух десятках миль от нас. На «СП» уже отключено электричество, свернута телефонная сеть, упакована основная радиостанция. Только печи в домиках по-прежнему дышат жаром, веселя чайники кипятком. Мы, гости станции, чистим картошку, моем посуду, выносим мусор. Таково правило: больше суток на «СП», поработай на общий котел. В перерывах между кухонными «вахтами» знакомлюсь со льдиной. В красной палатке — лаборатории старшего инженера-океанолога Ю. Хистяева — стою над закрытым «окном» в пучину. Чего только Юрий

Алексеевич не вытаскивал из этой лунки — рачков, медуз с длинными, веерообразными, переливающимися красками хвостами, других обитателей океана... А один раз к нему приплыла тонкая рыбка — полярная сайка. И это из-под шестиметрового льда!

«СП-27» просуществовала три года, и на ней работали три смены полярников. Первыми на эту льдину высадились Ю. Тихонов и С. Лабинский. Поначалу с несколькими другими полярниками собирали домики, принимали и разбирали грузы.

— Помучились тогда, — вспоминает Тихонов, начальник станции.

— Так вы с тех самых пор?

— Да нет. Отзимовал. Потом год на материке, а после — снова. Так же поступили и начальник радиостанции Ю. Шереметинский, инженер-метеоролог В. Васильев и повар И. Добряков. Четверо старожилы. Народ у нас опытный. Арктика, Антарктида закаляли многих, поэтому работа на «СП-27» прошла без сучка, без задоринки. Ну, а льдинка победовала... Раскалывало ее не однажды.

В домике Тихонова встретил В. Лукина, начальника «СП-29», прилетевшего сюда с «Сибири». Они обсуждали, что можно взять со льдины для новой станции, которую будет высаживать атомоход. Слово напоминало о его близости, вышел на связь начальник экспедиции. Хрипловатый голос Чилингарова сообщил:

— Ждите завтра между пятнадцатой и двадцатой.

Что день грядущий нам готовит — неизвестно. Арктика способна такое преподнести... Но «Сибири» пройдет к ледовому причалу «СП-27» обязательно. В числе грузов, приготовленных к отправке в Москву, — книги. Есть такая радиogramма: «В связи с 70-летием Октября музей Октябрьской революции готовит книжную экспозицию, предусматривающую раздел

«КАК
СКЛАДЫВАЕТСЯ
ОБСТАНОВКА!»
НАЧАЛЬНИК
ЭКСПЕДИЦИИ
ГЕРОЯ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ
(в центре)
ПРОВОДИТ
ЗАСЕДАНИЕ
ШТАБА.

КАПИТАН
АТОМНОГО
ЛЕДОКОЛА
«СИБИРЬ»
З. А. ВИБАХ.

ГИДРОЛОГИ
ЗА РАБОТОЙ.

«УРА! СЕВЕРНЫЙ
ПОЛЮС!»

ШВАРТОВА.

«ПРИНИМАЕМ
ОСТАТКИ!» —
НАЧАЛЬНИК «СП-29»
ВАЛЕРИЙ ЛЕВИН.

АРТИСТИЧЕСКИЙ
ЗАВТРАК.

МНОГО ХЛОПОТ
У СТАРШЕГО
МЕХАНИКА
«Синергия»
И. И. АФРИКАНТОВА.

●
РАДИСТ
СЕРГЕЙ ДЕМЬЯНОВ:
ГРУСТНО
РАССТАВАТЬСЯ
СО ЛЬДИНОЙ
И СТАНЦИЕЙ.

●
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
«СП-27».

●
ФОТО НА ПАМЯТЬ.
УЧАСТНИКИ ДРЕЙФА
«СП-27».

«Самая северная библиотека мира». Просьба по возвращении передать несколько экземпляров книг вашей библиотеки музею. Желательно с печатью, экслибрисом «СП-27».

Экслибрис уже готов. Его сделал Ю. Хистяев.

На этой льдине все самое северное: тропинки, собаки, среди которых выделяется своей сметливостью красавица Вега. И еще единственная пуночка... Из дневника Хистяева: «Уже второй день на нашей станции живет пуночка. Появилась вчера, после того, как стих сильный южный ветер и улеглась метель. Я шел в дизельную и прямо остолбенел, когда увидел прыгающую по дорожке крохотную птаху. Несколько минут я стоял неподвижно, слушал, как она чирикает...»

...Чу, тихо побежала из-под ног змейка. Немеешь при взгляде на нее — трещина. Она расплзается на глазах, ширится... И вот уже разводье, и ты ощущаешь дыхание Ледовитого океана. Я мысленно представляю, как сужался на льдине «СП-27» барьер торосов, которые чуть ли не заглядывают теперь в окна нашего на отшибе стоящего домика.

Едва пробудившись 18 мая, зимовщики полезли на крыши еще не разобранных домиков, на ледяные горы, подступающие к «СП-27».

— Вижу! — раздалось отовсюду.

В ясной, солнечной дали четко печатались мачты атомохода. Пробились-таки. Вот-вот на «СП-27», продрейфовавшей 1650 километров, будет спущен флаг. Арктика в последний раз услышит позывные станции, а в эфир уйдет последняя, почти трехтысячная за год метеосводка.

«СИБИРЬ» — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

22 мая на борту атомохода состоялось торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию начала дрейфа папанинцев и организации на льдине станции «СП-1». А спустя некоторое время к географической точке Северного полюса вылетел с кормы «Сибири» вертолет Диксонской объединенной авиаэскадрильи с бортовым номером 22 229. Мы идем на ледовую разведку и попутно водрузить над полюсом флаг Родины. На льду будут проведены научные наблюдения.

Атомоход уже прошел 87-ю широту, так что до полюса, как говорится, рукой подать, правда, по воздуху. «Сибирь» же медленно одолевает

многолетние, заторошенные льдины. Но никто и не ожидал, что будет иначе. Перед отходом судна из Мурманска многие вообще считали, что сюда в это время года не пробиться. Мы находимся меньше чем в 180 милях от Северного полюса и неуклонно движемся вверх по «глобусу» выше, разрушая скептицизм. Как лед.

...Вертолет заходит на посадку. Плотной белесой завесой застланы дали. В 12 часов 25 минут садимся на ровную, как стол, льдину. За торосами выбрасывает длинный бурый шлейф дымовая шашка, сброшенная с вертолета в географической точке Северного полюса. От нас, девятнадцати, прибывших на вершину планеты, это метрах в пятистах. Захватываем флагшток, буры, капсулу с письмом к будущему поколению поллярников, памятную медаль в честь подвига папанинцев и направляемся к заветной точке. Быстро вытаскиваем круг, в центре которого высоко над головами в 13 часов 00 минут взвизгивает красный флаг Родины. Его поднял начальник экспедиции А. Чилингаров, здесь же его заместитель по походу В. Шестопалов, старший мастер-электрик атомной паропроизводящей установки «Сибири» Н. Чаплюк, командир вертолета Г. Шелковой, старший научный сотрудник Арктического и Антарктического института И. Фролов.

Салют из карабина, ракетницы. Вьется стяг в честь четверки героев — Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова.

Взявшись за руки, мы оббегаем всего за сорок восемь секунд вокруг земного шара. Как и пятьдесят лет назад, первое сообщение с полюса — сводка погоды, небольшой морозец, слабый ветер. Выбуриваем брус льда, берем в пластиковый мешок снег — на исследование. Уже час, как мы на макушке Земли. Пора назад.

...25 мая...

Все компасы пошли в раздрог. Мы-то знаем одно направление — норд, кругом же все пути ведут только на юг. Как бы то ни было, специалисты «Сибири» точно определяют, конечно, с помощью самых современных приборов точку нахождения атомохода — Северный полюс. И вот бас ледокола — второго советского судна в активном надводном плавании — возвещает о прибытии экспедиции.

Теперь станем ждать, когда будут обработаны все собранные материалы и прозвучит новое слово в науке о Земле.

ДИСКОТЕКА
В КАЮТ-КОМПАНИИ

ИСКУССТВО И СУДЬБА ОБРИ БЕРДСЛЕЯ

Александр
БАСМАНОВ

Как-то, теперь уже дальним летом, в оранжевый закат я впервые встретил Обри Бердслея.

То дачное лето выдалось холодным, перед вечером поляна у веранды, заросшая высокой, почти в пояс, травой, и листва старых деревьев, и спелая сирень как-то мистически, по-особенному мрачнели, окрашиваясь уходящим солнцем, и эта сумрачность, посвист ветра, пение далекой кукушки сжимали горло тоской и одиночеством.

Вот в такой час я и увидел Бердслея: бог весть как попавший на дачу, оказался у меня в руках большой растрепанный том с картинками, оторваться от которых было совершенно невозможно. Шумели и поскрипывали сосны, беспокойное, тревожное небо несло куда-то к лесу, к ребристому стальному озеру с камышами и ирисами, на берегу которого замшелой глыбой поднимался средневековый замок, где у мощной пористой стены стоял высокий латник Лансеор, держа закованной в доспех рукой лилию на длинном стебле, и к нему медленно, тревожа цветы земляники маленькими босыми ступнями и шлейфом полотняной камизы, подходила юная Брангвейна. И вдруг с шумом, задевая ветви крупными, впрозелень крыльями, размахисто снялся с суковатого дуба Сири, мелькнув своим нежным лицом и розоватыми девичьими грудями.

Книга называлась «Смерть Артура», сочинение английского писателя XV века сэра Томаса Мэлори — свод рыцарских романов так называемого Бретонского цикла, четверть столетия спустя проиллюстрированный опять же англичанином, сэром Обри Бердслеем, прожившим от 1872 до 1898 года, то есть всего лишь двадцать пять лет.

Не знаю, почему то впечатление оказалось столь сильным. Может быть, душа была уже приготовлена к его искусству тем, чего еще относительно недавно было столь много в обиходе и что теперь безвозвратно истаяло — будь то зингеровская швейная машинка, на лощеном черном тулове которой дремал жуткой красоты золотой грифон, будь то перелученный московский дом, его кафельный лунный блеск ночами, его наемные оттиски таинственных демонов, будь то извив дубовой перилы в старом подъезде, где в пахах истертых ступеней сохранились еще тусклые медные петельки для ковровой дорожки, будь то, наконец, эстетически гнутый хлыст венского стула — все предвещало встречу с Бердслеем, самым выразительным адептом последнего великого стиля.

Модерн — его эпоха, сфера тотального влияния; искусство дрогнуло и в России, дав на своем стволе но-

вую ветвь, все ту же beadsley's craze — бердслееманию, и у нас попросту без него немыслимы и Феофилакт, и Масютин, и Нарбут, и Кругликова, и Чехонин, а, может быть, такими, как они есть, даже Врубель и Борисов-Мусатов. Бенуа же и вовсе искренне писал на старости лет о человеке, «который был одним из наших „властителей дум“ и который в сильной степени повлиял на искусство (и на все отношение к искусству) самого среди нас тонкого художника — Константина Сомова». Привнусл тления и несколько порочная чувственность — вот еще о чем в связи с именем Бердслея замечает Бенуа, но разве не находим мы эти кривозеркальные отсветы красоты и в его собственных сюжетах, не говоря уже о сюжетах Бакста?

И тем не менее Бердслей в такой связи более труден для описания, чем кто-либо другой: надо публично говорить на запретные темы, и перо упирается и немеет, хотя бердслеи — творения — самые индивидуальные в рисунке, а бердслеев мир — один из наиболее загадочных в сфере художества. Его не с чем сравнить, он не принадлежит ни к какой школе и теории, хотя суммировал все восхитительные порывы, всё, что есть эстетически лучшего, — греческие вазы, итальянские примитивы, китайский фарфор, японские кикемоны, фризы Возрождения, старинную французскую и английскую мебель, редкие эмали, средневековые миниатюры, помпейские фрески, а также, по его собственному признанию, таких мастеров, как Мантенья, Рафаэль, Дюрер, Клод Лоррен, Ватто и Хогарт. Будучи их учеником, Бердслей черпал интонации исключительно из века, в котором жил и в котором у него нет предшественников и соперников. Кто еще мог дать такое ощущение красок с помощью всего лишь грифельной линии? Не нужно смотреть в книжку Оскара Уайльда, чтобы узнать: волосы Иродиады цвета огня.

И ведь вот еще что: Иродиада, Митрина, Аталанта, Арбускула, Роза из Лимы, Изольда — он создал, а вернее, раскрыл совершенно новый в искусстве женский тип так же, как раскрывали его Кранах, столь любимый им Боттичелли, Рубенс, Гоген, Борисов-Мусатов, именно в образе женщины более чем в каком-либо другом образе посылая весть о своем времени.

Впрочем, и сам он был бесподобен как тип «сицессиона», необычайно хорош, судя по двум-трем сохранившимся фотографиям: этот узкий, горбоносый профиль и челка на лбу,

эта, как у первых немых синематографических звезд, коричневая тень под глазами, эти длинные музыкальные пальцы, что почти всякое утро («пока мозг и сердце еще не утомлены суетными заботами дня») перебирали партитуры Вагнера и Россини, пианистические пьесы Вебера, сверкающие как «прекрасные стеклянные люстры в Брайтоновском павильоне».

Курортный городок Брайтон в графстве Суссекс у Ламанша — детство Бердслея, а роскошный Брайтоновский павильон — место, где этот вундеркинд давал фортепьянные концерты, и потом, до конца продолжая считать, что музыка — единственное, «в чем он что-нибудь понимает». Происхождение вундеркинда туманно, его пианизм — всего лишь штрих, дальнейшая судьба уместается в половине абзаца: гимназия, служба у второсортного лондонского архитектора, страстное и изысканное библиофильство, собственное творчество, на которое падает всего пять лет, чахотка, предсмертная религиозность и последнее письмо к издателю Смитерсу с прологом «Иисус наш господь и судья» и финалом-мольбой: уничтожить все непристойные рисунки.

Немногом больше места занимает и перечисление его работ: гениальная «Смерть Артура» по Мэлори, гениальная «Саломея» по Уайльду, гениальные видения по Эдгару По, гениальная бледно-пурпуровая «Лисистрата» по Аристофану, гениальные стилизации к «Похищению лонона» Александра Попа, гениальные «Манон Леско», «Мадам Бовари» и «Дама с камелиями», гениальный «Пьеро минуты» по Даусону, гениальные, правда, очень уходящие от Достоевского, мотивы к «Бедным людям», гениальные вариации «Вольпоне» на темы соперника Шекспира Бена Джонсона, наконец, гениальные графические постановки к собственной повести «Венера и Тангейзер» — удивительно прихотливой в дерзости и выдумке литературной безделке, о которой чуть позже еще будет несколько слов.

Бердслей и Мане — вот два имени и два самых крупных скандала в искусстве XIX века. «Олимпия», вызвавшая в публике тошнотворный ужас, олицетворение срамоты и отвратных секретов общества, — и большая часть бердслеевых листов, в которых приоткрывалось мрачное и сырое ущелье человеческой души, пропасть, где глубоко внизу мерещилось дно: это было действо, воспевающее, по мнению одного из рецензентов, «нечто среднее между публичным и сумасшедшим домом», умопомрачение, чистотой совершенной линии очерчивающее нечистое.

Мане сегодня оправдан и переживает абсолютный триумф, Бердслей до сих пор почти запрещен, может быть, потому, что, пытаясь обнажить до последних пределов и показать нам душу, он никогда не льстил душе, но демонстрировал ее чуть даже с ироничной улыбкой, горько стывшей на устах: так, наверное, Юдифь демонстрировала на блюде голову Олоферна.

Именно поэтому реализм, в том числе и в литературе, начиная с Золя, чувствовал такое жгучее влечение к Мане. Именно поэтому символизм постоянно оборачивался на Бердслея: и Бодлер, и Анненский, и Блок, и Белый, и Брюсов, посвятивший ему «Habet illa in alvo»^{*}; после же смерти символизма в параллель легко встали и почти все «странные» классики XX века, замыкаемые пока все тем же Набоковым: и редчайший сплав вкуса с железной волей, и любовь к шахматным ходам, и отвращение к сентиментальным спекуляциям в немецком духе, и раздвоенность влечения между искривленностью положений и классической четкостью их обрисовки, и резкие, исчерпывающие, уничтожающие оцен-

^{*} «Она понесла во чреве» (лат.).

ки, и одновременные влюбленность и безжалостность к человеку — все есть у автора «Камеры обскура» и «Защиты Лужина», чтобы встать рядом с иллюстратором «Саломеи».

Он целиком растворялся в своих фантастических рисунках. Что это было для него? Работа? Страсть? Развлечение? Правильно ли рисунки его жизнью или сливались с ней? По крайней мере, словно у игрока, и по ночам поглощенного комбинациями партий, они являлись абсолютной дисциплиной, одержимостью, порой столь же естественной и неотвязной, как потребность мужчины в женщине, и в этом смысле Бердслей предстал художником до мозга костей.

«Рисунок — не форма, но способ видения ее», — любил говорить Дега. То есть так: мы существуем и движемся среди того, что видим, но видим мы лишь то, о чем думаем. О чем же думал и что видел Бердслей? О смерти, и смерть, которая всегда маячила за его плечом и которая всегда, как некая таинственная драгоценность, как черный жемчуг в белизне перламутра, мерещится, обращенная в плоть, на его рисунках: маленькая голова на очень пышном или чересчур гибком теле, характерный профиль с низким лбом, угрюмыми глазами, вздернутым носом и точеным подбородком, великолепные волосы и поразительно исполненные руки, вообще поразительная грация всех подобных фигур, порой очень уверенно стоящих на земле, а порой ее вовсе не касающихся. Это и есть то, что называли «бердслеевским типом», в сущности, везде одинаковым, выражает ли он молодость или старость, уродство или красоту.

К чему имеют отношение эти почти ритуально повторяемые *tementa mori*? Безусловно, и собственной судьбе художника, не без основания пророчащего себе гибель, нечто ужасное. Безусловно, и эпохе, в которую художник жил и сивозь которую провидел: багровые зарницы уже всходили над горизонтом. Возьмем бердслею «Комедию в аду»: двое копытоногих снаряжают на фарс сатану; возьмем «Свиту леди Золото»: тут все типы мужской продажности; возьмем «Ноктюрн» — мгновенное впечатление от ночной жизни Лондона с его зияющим одиночеством и тенью уличной женщины под вывеской, сложенной из очевидно бессмысленных букв, поскольку вообще, очевидно, бессмысленна, одинока и порочна вся действительность.

«Ах, какая чудесная линия! Какой большой мастер!» — восклицал живописец-англичанин Лейтон, хотя и с некоторой оговоркой, что линия обращала в росношь то, от чего веяло холодом преисподней. Этот мальчик действительно умел, как никто, совмещать реальность и тайну, живое и божественное, самое веселое дурачество и самую бездонную одиночество, являя пример величайшего из мистиков, чьи рисунки назались нерукотворными: их головокругительная, бисерная техника вызывала столбняк даже у самых высоких профессионалов.

Но это был весьма своеобразный тип мистика: с готовностью и немедленно исправлял он всякий недостаток, который ему указывали, дружил и сохранял дружбу со многими, для которых его искусство было совершенно непонятно, с восторгом говорил о художниках и писателях, относившихся к нему враждебно, никогда не показывая виду, что те люди, с которыми он знакомится, должны знать или восторгаться его произведениями, всегда великодушно и охотно признавал талантливость других и с редкой терпеливостью выслушивал глупых людей.

Но одновременно все дышало разборчивостью в бердслеевых манерах и личности, необычайно замкнутой и скрытной во всем, особенно что касалось времени и методов работы, которую он быстро прятал при появлении постороннего и, больше того, уничтожал, если был недоволен, — даже подаренный рисунок выкрадывался у друзей и заменялся более зрелым образцом.

И все же кто-то однажды углядел его технику: сперва он набрасывал композицию карандашом в общих чертах, покрывая бумагу на первый взгляд каракулями, которые постоянно стирал и потом снова наводил, пока гладь не превращалась в решето от резинки и перочинного ножа — по этой-то шероховатой поверхности Бердслей и работал золотым пером, оставляя тонкий след тушью, часто совершенно игнорируя сделанные до того линии, потом тщательно вычищаемые. Таким образом, все зарождалось, репетировалось, исполнялось на одном и том же листе.

Зачем облакался в секрет этот адов труд? Затем, что Бердслей предпочитал слыть больше светским человеком, чем рабом пусть даже таланта, и бравировал своим моцартианством и ничегонеделанием, как это и подобает настоящему денди, глубоко презирая все, что второстепенным ремесленникам представлялось стимулом вдохновения.

Меломан и библиофил — вот титулы, которыми он гордился. О любви к книге говорят огромная собранная им библиотека и сочиненные сотни рисунков — для обложек, бордюров, заставок, виньеток, концовок, вензельных ключей и экслибрисов. Собственно, литература, переведенная Бердслеем в орнаментальный арабеск, и сделала его художником, ибо, прежде чем родиться великим иллюстратором, он родился великим читателем, принимая мир книги как реально существующий мир и еще — как материал для собственного творчества.

Внешне он трактовал материал совершенно вольно, но, как ни странно, чем сильнее отбрасывалась им литературщина, тем явственнее приближалась писательская идея. Например, почти все шестнадцать рисунков к «Саломее» самостоятельны и не связаны с текстом, хотя невозможно найти более точный комментарий к духу и стилю Оскара Уайльда и трудно найти в мировом искусстве библиейскую Саломею более выразительную, хотя Бердслей и надевает на нее парижскую шляпу, а в

финале хоронит в серебряной пудренице.

Он не обременял себя ни хронологией, ни археологией и, пользуясь ломберным столом и боа из страусовых перьев, с полным сознанием их эстетической ценности создавал рисунок на древнюю тему, чисто фантастический и вместе пронзительно точный по сути. Уже готовые художественные образы — вот его истинная действительность, и потому корабль, изображенный Клодом Лорреном, убедительнее существующего на деле; да и в самой природе он видит опять же художество, лишь ту или иную ее декоративную удачу: стремительную высь тополя, каллиграфическую дробность ивовых листьев, причудливое кружево из мглы и света на холме, змеевой извив ручья, редкий цветок или редкую породу бабочки.

С другой стороны, естественная красота рек и дубрав, земля, ее жизнь не вдохновляли его, как и поля свеклы в вечерней дымке. Бердслеевский ландшафт обманчив и иллюзорен, дуновение ветерка почти не колышет зелень — это как бы фотонегатив природы, то, во что перерабатывается она в его душевной тоске, и именно в тоску вглядывается он, внешне изображая леса, травы, дороги, тревожный закат солнца за холодной морской гладью, но на деле вычерчивая все тот же облик смерти.

В письмах Бердслея мы видим, как умирает человек, шаг за шагом скользит в пропасть, хватаясь руками за любую, и тонкий, побег надежды, зная, что это лишь на несколько мгновений и упасть он должен неминуемо. В письмах блистательный и острый ум занят одним вопросом: вначале, как бы только выздороветь, позже, как бы почувствовать себя немного лучше и, наконец, как бы не кончиться теперь, а хотя бы через месяц. С потрясающим спокойствием, которое редко изменяет ему, отмечается погода, каждый симптом болезни — сегодня самочувствие чуть лучше и можно читать Лакло, завтра оно портится и нельзя слушать музыку.

В 1896 году в поисках более благоприятного климата он перебрался во Францию — сначала в Париж, затем поочередно в Сен-Жермен, Дьепп и Ментону, в лимонный рай на берегу Средиземного моря, в свой последний земной приют, где со школьным прилежанием сочинял поч-

ти до конца повесть о Венере и Тангейзере, немецком рыцаре, превратившемся вдруг в изящного кавалера в завитом парике и костюме энкруайабль, с веером, муфтой и тростью. В разрозненных страницах было много переряживания и пикантных приключений, а каждая фраза обдумывалась и писалась ради нее самой и потому с очень большим трудом пробивалась всякий раз себе дорогу в следующую главу; с таким подходом к делу повесть никогда и не могла закончиться, и все же стилистика ее отмечена печатью подлинного литературного дара, как и два его стихотворения — «Баллада о цирюльнике» и «Три музыканта», нарядно переведенные позже на русский Михаил Кузмин.

Эти стихи Бердслей чеканил по утрам, на седых укреплении старинной крепости Ла Батайль, и те несколько ясных голубых утр — страшная для него редкость, ибо по утрам он никогда не выходил, но, как правило, либо разбирал своего Вагнера, либо работал — в наглухо зашторенном кабинете, исключительно при свечах, которые устанавливались особым способом для равномерного освещения рисунка.

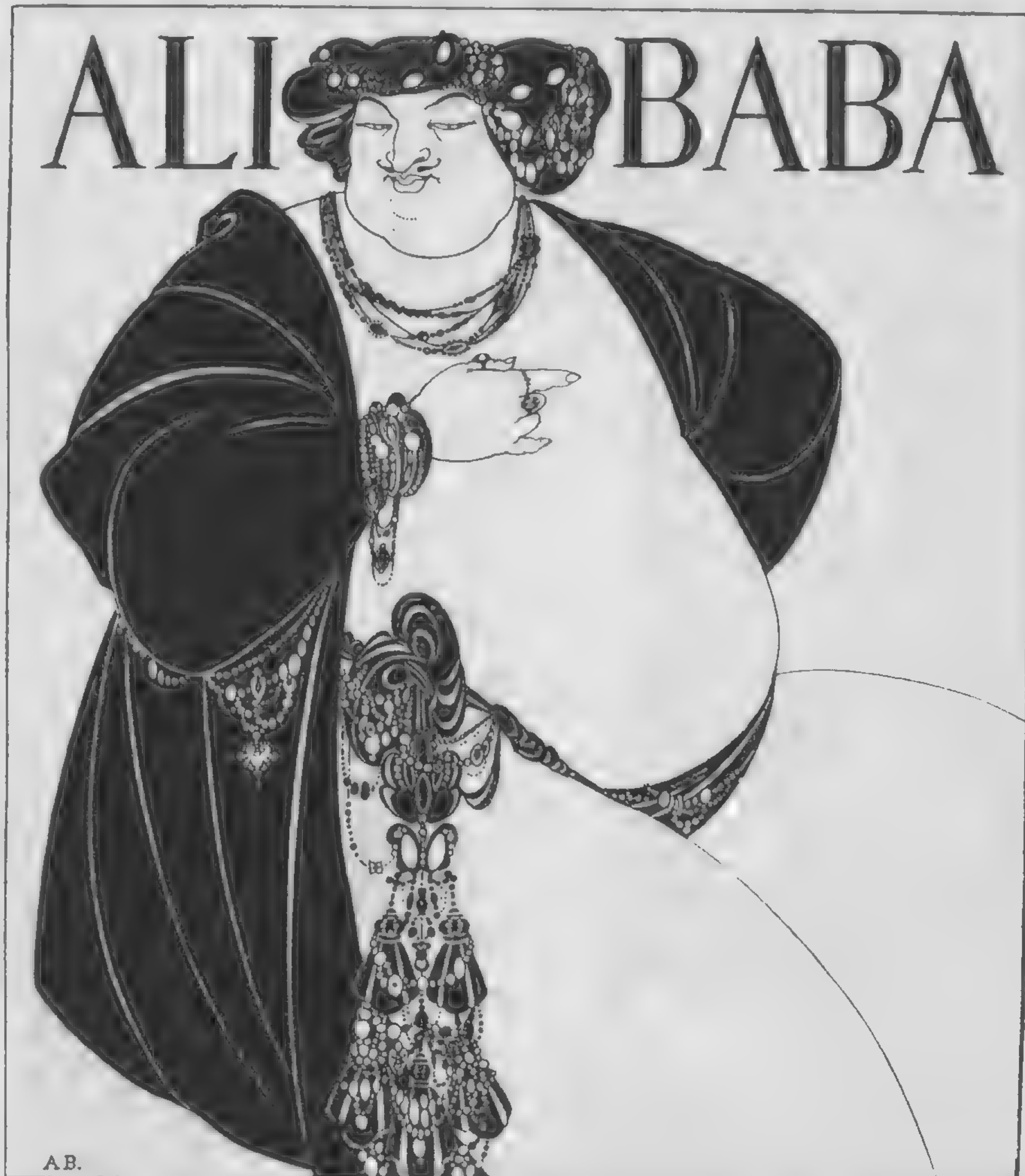
Выходил же обычно вечерами, когда темнело, и незадолго до смерти его часто видели смотрящим на море или в ночном казино, около игровых, изучающим их с каким-то за гипнотизированным вниманием для картины «Лошадки», которая никогда не была написана. Он любил еще огромные, пустынные и безлюдные залы для музицирования, вероятно, вспоминая детство и Брайтоновский павильон, и потому старался посещать местные симфонические концерты. Садясь обязательно на боковую скамью, устраивая свой большой, золоченой кожи портфель как пюпитр, выкладывал на него несколько листов великолепной, линованной красным, бумаги и, слушая музыку, что-то записывал: большая часть «Венеры и Тангейзера» явилась именно так.

О нем существует много легенд. Одна из них — о близости к силам зла, о том, что, как Фауст, он держал рядом с собой сатану, который подсаживал ему сюжеты и формы дьявольской красоты. В легенды тянет верить, хотя в таком случае и Врубель рождал своих демонов под тот же сатанинский шепот.

А может быть, и все наоборот: их призраки, падшие ангелы, пусть и вкусили ада, но несказанно страдали и потому обладают мудростью и способны провидеть, обладают такой обостренной чувственностью, что могут быть вещами, могут предостерегать, заставлять думать о душе, звездах и нашем одиночестве среди них.

Сам певец inferno, видимо, об этом думал постоянно. Известный в свое время поэт Артур Симонс запомнил свою единственную и торжественную беседу с Бердслеем: балкон респектабельного отеля, они курят перед сном по сигаре, черное осеннее небо усыпано звездами. И вдруг он, торопясь и волнуясь, заговорил об этих звездах, «там, наверху, о том, есть ли еще существа, подобные нам, о странных путях, которыми, быть может, пришла и, наверное, должна уйти душа». Луна совсем взошла, лес стал серебряным, и вдали, сквозь деревья, сверкало стальное озеро, на берегу которого замшелой глыбой поднимался средневековый замок, где у мощной пористой стены стоял высокий латник Лансеор, держа закованной в доспех рукой лилию на длинном стебле.

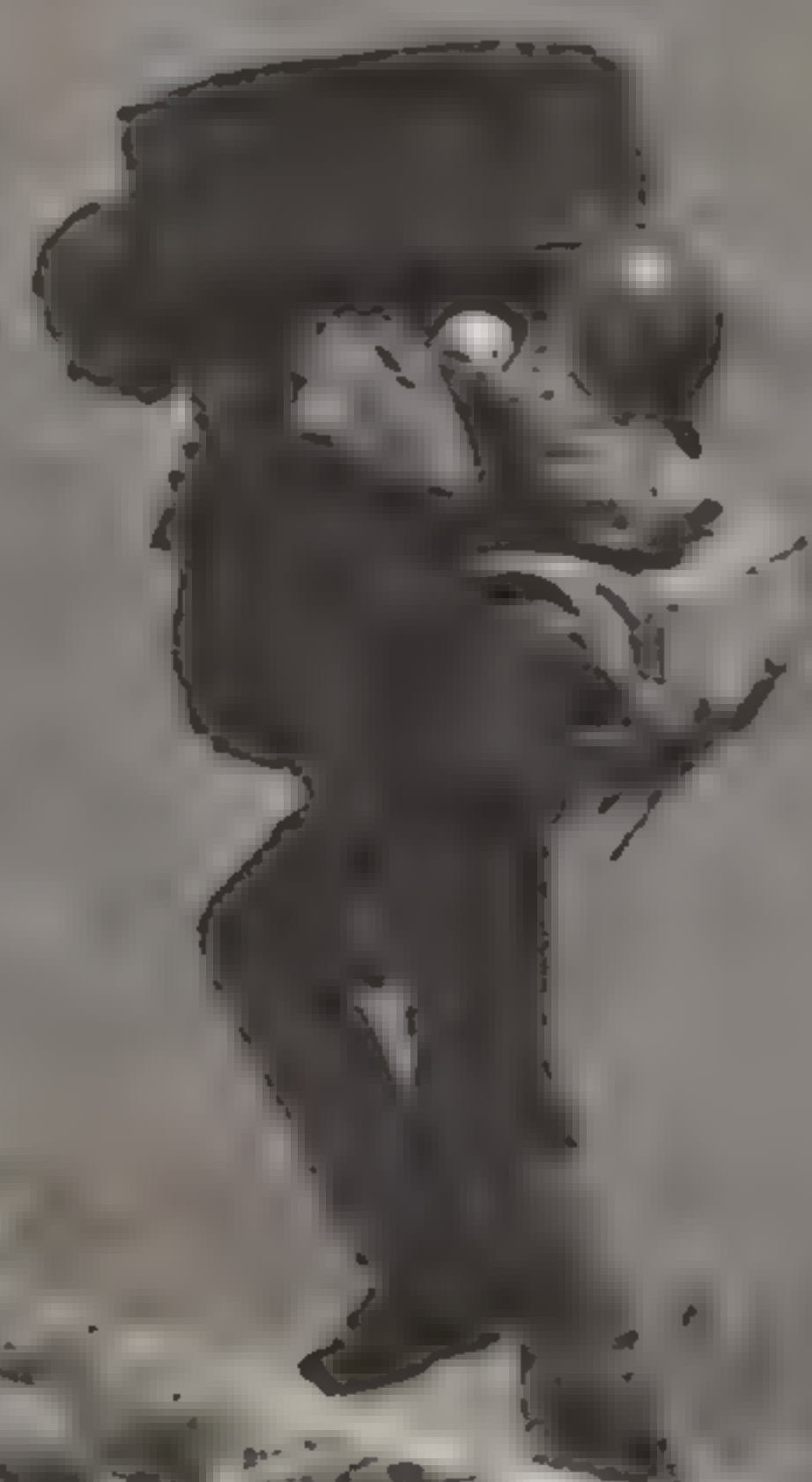
Видение это было как сквозь туман и могло показаться фантомом, но я ручаюсь и за латника, и за лилию, поскольку долго глядел на них и сам, в то холодное далекое лето, когда впервые встретил Обри Бердслея.

А.В.

ВСТРЕТИМСЯ У ТРЕХ ЖУРАВЛЕЙ

АФГАНИСТАН: ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

Артем БОРОВИК,
фото автора

Кабинет начальника Управления МГБ провинции Кундуз полковника Абдуллы Факир-заде до предела аскетичен. Ничего лишнего. Письменный стол, несколько стульев, жесткий (пожалуй, слишком) диван.

Сам полковник высок, сутуловат. Усами напоминает Буденного.

— По моим данным,— начал он,— Гаяр ушел в три часа ночи перед взятием последней, шестой, улицы, переодевшись в женское платье. Я допускаю, что ему удалось проскользнуть через один из блоков МГБ за большую взятку. Знаете, здесь всякое случается. Особенно если учесть большой процент малосознательных новобранцев из кишлачного населения.

Я рассказал о нескольких случаях дезертирства из афганских частей, происшедших в провинции совсем недавно. Полковник знал о них.

— Кроме того,— заметил я,— морально-политический дух во многих афганских подразделениях, которые довелось объехать, оставляет желать лучшего. Не каждый солдат может объяснить, за что в конечном итоге он воюет.

— Это серьезная проблема,— покачал полковник своей большой головой с гладко зачесанными назад угольными волосами.— Причин — не оправданий, конечно,— масса. Я называю лишь одну. Не хватает денег, солдат царандоя получает в пять раз меньше, чем повстанец в банде Ахматшаха. А продажа личного оружия? Пистолет на здешнем «черном рынке» идет за восемьдесят тысяч афгани, килограмм мяса — это я для сравнения — стоит 250 афгани: семью можно кормить целый год. Но мы в последнее время приняли ряд очень жестких мер для пресечения подобных случаев.

— Скажите,— спросил я,— как вы представляете себе Афганистан после вывода советских войск?

— Большинство банд,— он провел рукой по своим черным волосам, и мне подумалось, что ладонь его станет от этого тоже черной,— которые грызутся здесь за зоны влияния, прикрывают свой бандитизм разговорами о том, что они сражаются с «шурави»¹. Это делается для отвода глаз, чтобы американские конгрессмены могли со спокойной совестью

подбрасывать доллары в топку афганской войны. Когда уйдут советские войска, междоусобная грызня захватит всю территорию страны, но главари не смогут более маскировать свой террор прежними разговорами о «святой войне». Многие афганцы считают, что «шурави» не следует уходить до тех пор, пока банды не разберутся между собой и в массе своей не изменят феодально-местническую идеологию на общенациональную. Понимаете, контрреволюция боится вас, и страх этот сдерживает ее от развязывания широкого террора.

Усы полковника Абдуллы Факир-заде полностью закрывали его постоянно говоривший рот, а мощный, в треть лица, до стального блеска выбритый подбородок при этом почти не двигался. И потому иногда казалось, что речь его льется из глаз цвета южной беззвездной ночи.

— Сейчас,— сказал он после короткой паузы своим глуховатым спокойным голосом,— сюда приведут пленного муллу, того, что исполнял функции судьи в кишлаках вокруг Имамсахиба и прославился редкой жестокостью по отношению к сочувствующим революции. В доказательство того, что он никогда не держал оружия и не убивал, мулла покажет вам свои нежные с голубыми прожилками руки. Но не верьте: они по локоть в крови. Он убивал, казнил, расстреливал, обрезал уши своими вердиктами. Эй, вводите пленного!

Но пленного никто не вводил. Он открыл дверь и вошел сам.

Лицо этого маленького щуплого человека лет пятидесяти являло собой символ высших людских добродетелей. Здороваясь со мной, он почти до плеч закатал рукава своего балахона. Если бы я не видел его лица, решил бы, что эти руки могут принадлежать лишь семнадцатилетней девушке, чьи родители с детства оберегали ее от трудов, грязи и солнца. Или пианисту, привыкшему дотрагиваться лишь до нежной клавиатуры рояля.

Впрочем, как и все допросы пленных, на которых доводилось присутствовать, этот тоже оказался скучным и не менее бессмысленным. У меня сложилось впечатление, что все «духи» говорят по одному сценарию, приготовленному загодя. Я привык видеть на их балахонах значки с изображением профиля Ленина, значки в форме красного знамени.

Я много читал и слышал о религиозном фанатизме этих людей и потому всегда удивлялся тому, как легко они отрекаются от Аллаха и клянутся в любви к «неверным». Помню, как в Баграме прошлым летом мы дали взятку в плен душману немного спирту — он здорово продрог в ночной засаде. Парень выпил и сладострастно улыбнулся, прося еще. Ему разрешили закусить тем, что было на столе,— тушенкой. Я тогда спросил его:

— Разве позволительно солдатам Аллаха пить спирт и есть свинину?

— Мы под крышей — Аллах не видит,— ответил он, указав на потолок.

Этот мулла, истово поклонившись в верности идеалам революции, сказал, что единственная боль, которую приносил людям, была вызвана обрядами обрезания. Но это — святая боль.

По разведанным известно было, что он всячески поощрял Ортабулани на обстрел советской территории в районе Пянджа. Мулла, естественно, это отрицал.

— Когда начался обстрел, я решил, что идет бой между двумя враждующими бандами,— сказал он.

Знали мы и о том, что он вынес незадолго до обстрела Пянджа смертный приговор киргизу Абдулле и четверем его сыновьям, решившим перейти на сторону народной власти. Фант этот был широко известен в районе Имамсахиба, и мулла не мог отрицать его.

— Я был против казни,— сказал он, отхлебнув из пестрой пиалы уже остывшего зеленого чая.— Но Ортабулани посоветовал мне готовить для себя кафан², если я откажусь подписать смертный приговор.

— Скажи, как бы ты поступил,— спросил я его,— если бы Ортабулани заставил тебя судить русского? — Задав этот вопрос, я представил себя в положении военнопленного, а его — в роли своего судьи. Мне стало немного не по себе.

— Ни Ортабулани, ни Халиф никогда не просили меня об этом.— Он развел в разные стороны свои нежные руки.

— Ты стар и мудр,— сказал я, указав глазами на его седины,— скажи, что здесь будет после ухода советских войск? Говори откровенно: тебе ничего не сделают.

Муллу и без меня знал, что он в безопасности. Может быть, даже больше, чем у себя в кишлаке. Он внимательно осмотрел свои руки с кончиков ногтей и до плеч: рукава все еще были закатаны.

— После ухода «шурави» банды начнут междоусобную войну за земли,— сказал он.— В этом никто не сомневается. Будет очень тяжело, и прольется много мирной крови.

Муллу увели. Полковник Абдулла Факир-заде захлопнул за ним дверь, как-то печально улынувшись старику вслед. Он откусил кончик от ку-

бинской сигары, закурил и, выпустив пару грозовых туч прогорклого дыма, сказал:

— Киргиза Абдулла и его четырех сыновей расстреляли на рассвете. Самому младшему пуля вошла в плечо. Ночью он выбрался из-под трупов отца и братьев, а к рассвету следующего дня добрался сюда. Этот парень нам и сообщил, что именно мулла был инициатором казни.

— Скажите,— спросил я полковника,— правда ли, что Гульбиддин, один из лидеров контрреволюции, окопавшихся сейчас в Пакистане, родом из Кундуза? Насколько мне известно, именно поэтому он с особым пристрастием относится к тому, что происходит в этой провинции.

— Задайте-ка этот вопрос Мухаммаду Ясину, секретарю партийного комитета провинции. Дело в том, что Гульбиддин и Мухаммад Ясин учились вместе.

На этом беседа закончилась. Я простился с полковником Факир-заде, искренне пожелав ему успеха.

— Ну, как вы побеседовали в МГБ? — встретил меня в своем маленьком дворике Мухаммад Ясин, круглый, юркий человек лет сорока. Я рассказал ему. Потом сразу же спросил про Гульбиддина.

— Знаете, я ведь учился с ним в одном классе. Но потом его выгнали за гомосексуализм.

— Неужели?

— Гульбиддин еще тогда отличался разными выходками. Он и его сообщники, увидев на улице женщину без чадры, прыскали ей в лицо кислоту. После этого она вынуждена была всю оставшуюся жизнь ходить под чадрой. Так он боролся за «чистоту ислама». В студенческие годы Гульбиддин сошелся с западными преподавателями местных лицеев — они готовили кадры контрреволюции загодя. Между прочим, до сих пор Афганистан кишмя кишит американскими, западногерманскими и английскими, так сказать, преподавателями. Они вербуют себе рекрутов.

Мухаммад Ясин сделал короткую паузу. Потом продолжил:

— Я четыре года учился в Румынии в аспирантуре. Очень тогда увлекся историей второй мировой войны. Иногда мне кажется, что лидеры контрреволюции многое переняли у Гитлера. Их замысел состоит в том, чтобы приобщить возможно большее число людей к преступлению, которое они именуют «святой войной». Понимаете, если преступление приоб-

¹ «Шурави» — советские.
Продолжение. См. «Огонек» № 28.

² Кафан — белая материя, в которую здесь оборачивают умершего перед погребением.

рета массовый характер, оно вроде бы и не преступление, а норма. По крайней мере Гульбиддин именно так и полагает. Гитлер тоже стремился привлечь максимум немцев к преступлениям вермахта. Ну, а если солдат начнет размышлять над своими деяниями, у него возникнет что-то наподобие «комплекса вины».

Мой собеседник разлил в пиалы зеленый крепкий чай и придвинул вазочку с грецкими орехами.

— Если же у солдата возникает «комплекс вины», — Ясин щелкнул орехом, — солдат дерется одержимо. Ему нечего терять. Он сделал ставку, выбор. Но члены «семерки» никакие не идейные вдохновители контрреволюции. Они самые низкопробные жулики.

Он принес папку с газетными вырезками.

— Ведь дело дошло до того, — сказал он, разбирая свое мини-досье, — что даже американские конгрессмены начали обвинять «семерку» в разбазаривании средств и коррупции. Сенатор Гордон Хэмфри, главный защитник интересов контрреволюции в американском конгрессе, недавно сам признал, что растратирование средств достигло...

Ясин надел очки и низко склонился к листам на столе:

— ...достигло «скандальных масштабов». Вследствие мошенничества моего бывшего однокашника и его приятелей семьдесят процентов помощи, предоставляемой Соединенными Штатами повстанцам, не доходит до адресатов, которым она была предназначена. Откуда, я вас спрашиваю, взялись у Гульбиддина деньги, чтобы открыть антикварную лавку в центре Лондона, а? Вот и я не знаю. Вернее, теперь знаю.

...Время меня поджимало, а надо было задать еще один вопрос.

— Скажите, — спросил я, — а как обстоят дела с национальным примирением у вас в провинции?

— Сложно, — без обиняков признал Ясин, — не так хорошо, как рассчитывали поначалу. Сразу же после 15 января (по вашему календарю) душманы резко — в четыре-пять раз — увеличили количество обстрелов советских и наших гарнизонов. Так что военное положение обострилось. Банды даже предприняли обстрел территории СССР, на что раньше не решались. Но это была пропагандистская акция. И все-таки определенные результаты в плане примирения у нас есть. Лишь за три первых месяца на сторону народной власти перешло около ста вооруженных людей. — Он опять заглянул в свое досье. — Из 433 кишлаков провинции 290 под нашим контролем. В 143 кишлаках прошли выборы в местные органы власти. В уезде Ханабад более 200 повстанцев теперь готовы создать племенной батальон. Однако возвращению беженцев по-прежнему мешают и «семерка», и Пакистан.

Гульбиддин самолично призвал людей оставаться по ту сторону границы. А когда все же возникла реальная угроза их массового перехода через линию Дюранда, Пакистан придвинул ближе к ней 17-ю танковую дивизию, а Гульбиддин распустил слух, что для возвращающихся Наджиб подготовил концентрационные лагеря. Все эти меры не помогли. Тогда они решились на прямую подкуп людей: если до нынешнего года каждый член семьи беженцев вне зависимости от возраста получал 50 калдаров в месяц, то после 15 января эта сумма возросла на 100 калдаров. Заработок средней семьи подскочил до 10—12 тысяч афгани — в пересчете на наши национальные деньги. А столько беженцы никогда бы не смогли при всем желании заработать, находясь в Афганистане. Так что все сложно...

Он заметно помрачнел, а мне стало

неловко за то, что я, видимо, испортил ему настроение. Мы распрощались.

...Дождаясь пары МИ-восьмых у самой ВПП, я залез в стоявший на прочном приколе полуразбитый чехословацкий «Альбатрос». Его винты нехотя вращались на ветру. Внутри похрустывал здорово обгоревший на солнце солдат. Усевшись в пилотское кресло, я закурил.

В самолете было зябко, густой сигаретный дым согревал легкие, и от этого казалось, что становится теплее, если не телу, то хотя бы на душе. Потом я перешел в здание аэродрома. Несколько офицеров с баночками «SIP» — газированного апельсинового напитка в руках сидели и смотрели телевизор.

Пастор Шлаг деловито примерял лыжи. Потом Штирлиц долго плутал по Берлину. Завыла сирена, и люди побежали в бомбоубежище. Потом заработала артиллерия. Но не под Берлином, а севернее Кундуза. Минут через пятнадцать, когда Штирлиц опять был на грани провала, послышался рокот садившихся «пчелок».

Пяндж — маленький таджикский городок, расположившийся в трехстах метрах от границы на советской стороне. В трехстах метрах от войны.

Никогда в жизни мне не доводилось видеть такой границы. Я имею в виду не столько линию, обозначающую пределы государственной территории, сколько границу во времени, границу между двумя укладами жизни, двумя философиями. Между миром и войной. Она тем более разительна, если учесть, что по разные ее стороны оказались люди единой национальности — таджики. Но одни живут в 1987 году и при социализме, а другие — в 1366-м (мусульманский календарь) при феодальном строе с родоплеменными пережитками, если по-научному. И не нужна тебе никакая машина времени: просто сядь в Ми-8 и попроси пилота подбросить тебя из Кундуза до Пянджа. Вот и все. Вертолет моментально перенесет тебя из одной системы координат в другую.

В трехстах метрах от Пянджа, точно морской прибой, грохочет война. Она слышна ночью и днем, не давая забыть о себе.

Но случилось непредвиденное: однажды она все-таки перенатила через границу и унесла с собой из города, утопающего в море теплых хлопковых полей, двадцатипятилетнюю жизнь.

...Банда Ортабулаки начала обстреливать Пяндж зрсами восьмого марта в 22.55. Но еще за пять минут до этого Зайнидин Норов, веселый двадцатипятилетний парень с челной жестких черных волос на лбу, сидел в своей комнате.

— Сидел и разглядывал журнал. Потом он его отбросил на кровать. Я так думаю, — рассказывал мне брат Зайнидина, — что это был очень скучный журнал. Улыбка не сходила с губ Зайнидина: весь вечер он гулял по городу с Гульчехрой, своей невестой. Они собирались пожениться в мае...

Грохот сотряс дом до основания. Зайнидин, вскочив со стула, выбежал на улицу. В эту же секунду он почувствовал сильный удар сзади промеж лопаток и стал медленно валиться, пытаясь выбросить вперед тяжелые руки. Он упал. Его легкое, поджарое тело ударилось о землю. Он обнял ее ослабевшими руками и прижался щекой, словно хотел услышать слова последнего напутствия.

Но больше он уж никогда ничего не видел и не слышал.

Это произошло в 22.57 беззвездной весенней ночью восьмого марта в маленьком таджикском городке Пяндж, утопающем в море теплых хлопковых полей.

— Знаете, он скончался прямо на улице, — сказал мне отец Зайнидина, — без мучений.

А потом вдруг задал самый печальный в мире вопрос, который так часто слышишь на войне: «Только не могу понять: почему именно его?» Вопрос, на который никто никогда не даст ответа.

Сквозь окно видна худенькая фигурка матери: плечи ее судорожно подпрыгивают, но из глаз уже не льются слезы. Она стала старухой в одну ночь. Холдона Норова не смотрит на меня — ведь я пришел «оттуда», откуда в этот дом пришла смерть. Я чувствую свою безмерную вину перед ней, и мне моя вина не кажется странной. Но я все равно стараюсь не глядеть в ее сторону. Я избегаю этих глаз, как избегаю глаз Гульчехры. Кто она теперь — невенчанная вдова?

Вертолет уносит меня обратно — «туда». Тень его скользит за нами следом по рыжим топам. Утки шаркаются в стороны. Мы первыми пере-

секаем границу. Мы уже «здесь», а наша тень еще там. Я гляжу на вертолечика, мчащего меня на восток. Он похож на пловца, сделавшего глубокий вдох перед тем, как нырнуть в воду. Я помню каждую минуту из трех часов без войны...

— Время здесь безразмерно, как синтетические гонконгские майки: сам увидишь, — сообщил подполковник Владыкин, встретивший меня на аэродроме. — Иногда оно сжимается, и не успеваешь сознание зафиксировать начало одной недели, как ей на смену несется другая. А порой один день имеет такой же объем, как... — он оглянулся вокруг, словно подыскивая сравнение, — как жизнь.

И если учесть, что при помощи вертолетов ты за день успеваешь побывать в нескольких пунктах, удаленных друг от друга на сотни километров, близко сойтись с десятком новых, ранее совершенно незнакомых тебе людей, которые почему-то говорили тебе все или почти все, да так, что их жизни становились частью твоей жизни, твоего опыта и ты начинал загодя вместе с ними любить их друзей, детей, даже жен и ненавидеть все то, что ненавидели они, — так вот, если подумать обо всем этом, сразу же согласишься с Владыкиным:

— Верно, верно, Юрий Иванович, — «как синтетические гонконгские майки». Да вам писать надо! А вы, слушаем, про меж боевых вылетов не балуетесь, а?

— Балуюсь. Иногда, — отвечал он. — Вот сколько бумаги измарал.

Он протянул мне толстую тетрадь в клеточку за 48 копеек, исписанную прямым аккуратным, по-военному четким почерком. Глянув в нее, я подумал, что вот и он сам, должно быть, такой же прямой, аккуратный и четкий человек, как и его почерк.

— Почитаешь когда-нибудь, когда вспомнится Афганистан или московские докуки одолечат.

— А не жалко? — спросил я.

— Жалко умирать, а это... — Он махнул рукой, больше привыкшей к ручке управления вертолетом, чем к карандашу, которым были исписаны листки тетради.

Обнявшись, мы простились. Я посмотрел ему вслед. Он бежал сбоку от ВПП, на ходу натыкаясь своей потропанный «ЗШ». Вскоре он исчез за дверцей вертолета, понуро свесившего к земле лопасти винта...

Без вертолетов репортеру в Афганистане не обойтись. Они делают тебя вездесущим. Здесь ты привыкаешь к ним, как в Москве привыкаешь к такси: не хватает лишь шашечек на их дверцах.

Но еще больше, чем летать на вертолетах, тебе приходится ждать попутного борта, голосуя на жарких аэродромах у самой ВПП, колеблющейся вместе с горячим воздухом. После серии отказов и томительного сидения под слепящим солнцем у меня обычно возникало какое-то полуреальное ощущение, что просто-напросто просишь подбросить тебя до Арбата, а сквозь форточку слышишь неумолимое: «Я в парк — не видишь?»

Вертолеты — это современная кавалерия войны, переносившая тебя без усталости из одного конца Афганистана в другой. Вертолеты садились на крохотные площадки между отвесных круч, высаживая десант. Вертолеты взмывали в поднебесье из мрака бездны, забирая раненых. Они чуть ли не влетали в пещеры и дувалы, откуда били пулеметы. Вертолеты вереницами и целыми стаями проносились по дну ущелий, настолько узких, что от кончиков лопастей до скал по обе стороны оставалось не более трех метров. И тогда все пересыхало внутри тебя, потому что ты знал — стоит винту краешком коснуться камней, как он разлетится вдребезги.

Вертолечики, пролетавшие здесь хотя бы с месяц, демонстрировали под грохот «духовских» минометов и ПЗРК все чудеса высшего пилотажа, начиная от боевого форсированного разворота на «горке», пикирования под углом в тридцать градусов, когда ты разом охватываешь взором землю от горизонта до горизонта, и кончая кобированием, а это уже с элементами самолетного пилотажа. Они вытворяли в небе, рвавшимся на части от разрывов, все, кроме «бочки», что вертолету не дано сделать даже теоретически, и «мертвой петли», несколько раз исполненной западными немцами и американцами. Но это цирк, а я — про войну.

Когда летишь на вертолете, разговаривать невозможно — только орать. Но от этого быстро устаешь и, чтобы не терять времени даром и всасывать хоть какую-то информацию, начинаешь читать заводские штампованные надписи на стенках. Или то, что нацарапали десантники, а это, как ни крути, уже военная литература солдат. На одном сиденье я прочел: «Не переживай, всякое бывает. Пусть переживает тот, кто забыл тебя. Не грусти о прошлом. Просто верь в себя». А на другом — «Не суетись!» Звучало как приказ.

Когда-нибудь Афганистан даст своих Бондарева, Быкова или Бакланова. Но пока что они пробуют свои перья на сиденьях вертолетов. Романы — впереди.

Вертолеты пролетали в нескольких метрах над головой, вдавливая тебя вселенским грохотом своих двигателей в дно эспэсов¹, а следом по лицам солдат проносились их призрачные тени. Они появлялись из тьмы, что простиралась позади, и уходили прямо в оранжевые рассветы и фиолетовые закаты, оставляя лишь дрожь в скалах да зуд в плотно прижатой к земле груди.

В прошлом году, я помню, вертолеты ходили на предельной высоте, но теперь, с появлением «Стингеров», они спустились с шести тысяч (приблизительный потолок для Ми-8) и носятся в пяти метрах от земли со скоростью 250 километров в час, прячась в складках местности и между сопками, облетая кишлаки за три километра (дальность прицельной стрельбы из пулемета) и пугая в панике разбегающиеся отары овец.

Летать на предельно малых высотах в чем-то безопасней, а в чем-то и нет: вдруг шасси заденет высоковольтку или ветку дерева, и тогда «вертолетный комплекс» дополнит весь тот набор комплексов, которые ты тащишь на себе с детства.

...Жара стояла адская. Владыкин давно улетел, а я все сидел на аэродроме в ожидании «уазика» из подразделения десантников. В моем нагрудном кармане лежала скрученная в трубочку тетрадь — дневник вертолечика Ю. И. Владыкина. Я решил полистать его. Это тоже была литература о войне, точнее, литература, написанная самой войной. Я открыл первую страничку:

«25 ОКТЯБРЯ»

Голова после четырех часов полета в бронированном шлеме-горшке тоже становится бронированной.

4 НОЯБРЯ

Все основные понятия боевой работы прочно вошли в каждого из нас и уже не вызывают былых всплесков эмоций. Уставший человек слабо реагирует на все, кроме писем из дома. Ноябрь делит два времени года в нашей работе. Он тоже стал верстовым столбом. Первого ноября на высокой площадке в горах погиб командир Ми-8 старший лейтенант Шинников Сергей. Меня потом туда высадили десантники, и впервые я увидел, как жутко скалятся обгоревшие черепа. Два солдата и Серега не успели выскочить из горящей машины. В стороне — переднее колесо, блок с НУРСами и лужа расплавленного металла. Хотели сразу же вытащить, но когда приблизились, разорвалась метрах в пяти граната. Летел вместе с обуг-

¹ СПС — стационарный пункт для стрельбы.

ленными. Два-три от комбинезона пахло жареным мясом.

7 НОЯБРЯ

По телевизору подготовка к демонстрации на Красной, а смотреть уже некогда: на Черной горе Валера Савченко прикрывает под сильным огнем своего ведомого. Тутова сбили ранетой. Он невозмутимый и спокойный парень. Экипаж выбросился на парашютах с высоты 150—200 метров. Киселевич и Тутов — нормально, а Головкову не хватило высоты, всего метров десять. Приземлились они прямо в духовое гнездо. Тутов в пяти метрах увидел «духа». Успел первым выстрелить Тутов. Забили под огнем. Думал, собьют. Обошлось.

15 НОЯБРЯ

Десант на Черную гору — туда, где упал Тутов. Тридцать минут — спокойно, а потом начали стрелять даже камнями: так много огневых точек. Внизу — «пчелки», сверху — мы. Большое — без натяжки — мужество нужно тем, кто на «пчелках»: площадки трудные, десантников — уйма. Стреляет кандак скала. Кто во второй раз, говорят: не слаще Панджшира. Кручусь над площадкой уже второй час, БК¹ чуть-чуть осталось. Экономим, стреляем только по «сварке»². Несколькими раз давили «прислугу»³, но каждый раз прибегала новая. Витя Буяшкин проходит над пиком, где только что подавили «сварку». На моих глазах по нему в упор несколько очередей. Пробит весь правый борт, разбита «сигара»⁴. Задымил его ведомый Никулин и без связи пошел на вынужденную. Никулина прикрывает Матвеев, а я с Гергелем остался над площадкой. Никулин сел нормально. Кричал ему: «Сбрось блонил» (чтобы облегчить вес). Он не услышал. Все живы, но двое переломаны. Федорич, наверное, летать не будет. Летчики детали без ног, но без рук не летали. А вечером этого же дня взлетел Витя Буяшкин, но на аэродром не вернулся. Забили его ночью...

12 АПРЕЛЯ

Прошел март. С четвертого по семнадцатое был дома. Невозможно передать словами, что это такое — встреча после длительного расставания. И вот опять в Афганистане. За века ветер здесь срывал многие вершины старых гор, но пики наиболее высокие, напротив, еще сильнее заострились. Он прорезал ущелья, продолжил в кручах сквозные отверстия. По всей видимости, этот самый ветер, поднимая песок и соленую пыль, сдирает с людей всю внешнюю шелуху, плесень, оставляя нас в первозданном виде. Сильные и слабые — это понятия спорные, но все же есть какой-то минимум необходимых качеств, не достигнув которых человек не может рассчитывать на доверие своих товарищей на этой земле. Есть люди даже с первого вылета надежные, как добротные патроны. И есть такие, как облака над горами, — чистые, светлые, высоко парящие над землей. И все же при большом и значительном это не строительный материал. А есть еще и «середняки». На первый взгляд они мало заметны. Их и к наградам представляют в числе последних. Но это, пожалуй, самые надежные люди. Таких хлопцев можно сравнить с хорошей землей, на которой вырастают хлеб и цветы. Глядя на розы, мы редко восхищаемся той землей, которая вырастила красоту. Таких людей у нас большинство.

Сегодня — День космонавтики. Красивое, нужное и громкое дело — космонавтика, но все-таки можно было бы учредить и День интернационалиста...».

«Узик» подскочил неожиданно, прямо по ВПП, и через минуту мы уже гнали на запад. Слева и справа мелькали алые пятна маков, безобидных на вид, но таивших в себе наркотический призрак, который после долгих мытарств по белу свету обретет наконец плоть в виде блеклого порошка, чтобы превратиться в грезу или галлюцинацию наркомана где-нибудь на 12-й стрит Манхэттена. Не захочешь, а поверишь, что и цветы имеют душу. «Переселением» маковых «душ» из Афганистана в другие страны занимается контрреволюция, для которой наркотики — один из крупных финансовых источников, позволяющих закупать современнойшее оружие. Так что житель 12-й стрит Нью-Йорка — лишь временное пристанище для призрака этого очаровательного цветка на длительном пути его бесконечных трансформаций из наркотика в «Стингер» или «Рэд ай». А так — цветок себе как цветок, даже в голову не придет, что он мо-

жет сбить вон тот Ми-8, что завис над городом.

Среди маковых полей бегают нагишом ребяташки. Но вот один из них провел по телу рукой, и на ладони уже горсточка пылицы. Той самой... «Бачата» скатывают ее в темные липковатые шарики и предлагают их вам за пару сотен афгани: «Командор, кайф!» — кричат они на чистом русском.

На обочине стоит верблюд. Он оскорбительно надменен: смотрит на вас сверху вниз. Правда, у него глаза за мудреца, а мудрецам прощается все. Или почти все.

Какая же связь между верблюдом и маковыми полями? Прямая. Километра за два-три до границы торговцев положит с десяток целлофановых пакетиков с белым порошком верблюда на язык, и тот проглотит их, не пережевывая. А минут через сорок, когда граница останется позади, животное отрыгнет их, и пакетики опять окажутся в сумке мирного странника. Вот о чем думаешь, глядя во влажные фиолетовые глаза этого мудреца с горбом, в которых земля и небо поменялись местами.

...Яростно устремленные вверх пышные кроны джелалабадских деревьев походят на застывшие взрывы — красные, белые, зеленые.

Наридж здесь уже зацвел, и потопу город утопает в его пряном аромате. Мы побыстрее проскакиваем эвкалиптовую рощу, которую наши давно окрестили «соловьиной». По вечерам здесь очаровательно поют пули на смертельный мотив — заслушаешься. Они прямо-таки заливаются потусторонними трелями. Музыка, так сказать, Запределья.

Зимняя резиденция бывшего короля Афганистана — вся в сиреневом цвету. В самом дворце обилие мрамора. Стены, колонны, полы. Даже многочисленные туалетные комнаты отделаны этим камнем. Унитаз смахивает на постамент для еще не изваянной скульптуры какой-нибудь энергичной, драматической лепки. Мрамор всегда напоминает мне музеи. Музеи — кладбища, особенно католические. В резиденции сейчас никто не живет. Кроме того, взрыв почтового здания Джелалабада, произведенный недавно «духами», повывивал во дворце окна. От этого он еще больше помрачнел и напоминает усыпальницу самому себе. Однако уже два года мэрствующий в городе Гулям Саид начал ремонтировать бывшую резиденцию.

Диверсии в городе против сочувствующих народной власти идут одна за другой. Недавно душманы до смерти забили камнями председателя Комиссии по национальному примирению провинции Нангархар Мирзу Инаятоллу и его больного сына.

Гостиница, которую только что восстановили из руин наши солдаты, предназначена для беженцев, идущих из Пакистана. Афганцы отродясь не видели такого комфорта. Однако душманы пустили слух, что это тюрьма. Слухи — тоже оружие, которым умело пользуется контрреволюция.

У гостиницы стояла женщина в чадре, с ребенком на руках. Ребенок умер по дороге из Пакистана еще несколько дней назад, но она по-прежнему никому не отдавала мальчика. Тельце его одеревенело, став синим. И это было самым страшным из того, что я видел в Афганистане...

Успех засадных действий, как, пожалуй, никаких других, в столь значительной мере зависит от воли случая, а между тем ожидания так часто обманывают нас, что изначально я решил настроиться на неудачу: еще один безнадзорный способ пережить судьбу. Но что такое удача? Подловить «духов» и вступить с ними в ночной бой, когда не сразу определишь, кто в кого стреляет, а

тем более кто выйдет победителем? Или вхолостую прощелкать от холода челюстями (и, быть может, лишь раз затвором) всю засаду напролет, но уйти без единой царапинки, пристрелив разве что скорпиона? Для людей на войне, конечно же, первое. Для большинства людей. Второй вариант лишь раздражает своей бессмысленностью.

Раннее утро обещало испепеляющую жару днем, и каждый из тех, кому предстояло вечером идти в засаду, кажда, каждой клеточкой тела впитывал уже растворявшуюся в лучах рыжего солнца рассветную прохладу. Мы выстроились на плацу, по которому ветер гонял пыль и пустые зеленые баночки из-под сухпайковсоного сона, застыв, какстая гончих. Нам предстояло пробежать с полной боевой выкладкой шесть километров вокруг расположения батальона.

...Пот начинает натираться градом уже на второй сотне метров — месья организм за безалаберную москowsкую жизнь. Из боязни мин и возможного обстрела со стороны «зеленых» дорожку перекрыли несколько боевых машин пехоты на километровом отрезке, заранее проверенном саперами.

Битком набитый рюкзак бьется с остервенением о взмыленную спину, фляга трепыхается на боку. «Калашников» норовит дулом выбить зуб.

Наконец пятьдесят десантников, включая одного репортера, покрывают шесть тысяч метров за тридцать две минуты с секундами.

Подготовка к выходу в засаду начинается сразу же после завтрака: экипировка, получение боеприпасов и средств связи, чистка оружия. Каждый из нас потащит на себе сегодня ночью до шестидесяти килограммов: патроны для автомата, бронжилет (а попросту бронетофья), спальник, ватный бушлат, боекомплект для гранатомета, дополнительная пулеметная лента, сухпай, автомат, две фляги с водой, нагрудник с шестью магазинами, осветительные и сигнальные ракеты, пиропанель... Всего не перечесать, но уложить надо.

Что-то случилось с погодой: дождь и ветер за окном наперки чередуются так быстро, как меняется настроение лишь у неврастеника.

Запихиваю перевязочный пакет в железный приклад автомата и обматываю его резиновым жгутом. Ампулу с промедолом и три батарейки для бинокля ночного видения засовываю в рюкзак.

За время, проведенное в Афганистане, моя экипировка стала невообразимо пестрой и теперь представляет собой интернациональную смесь. На трофейном духовском рюкзакештамп «Ю. Эс. Армии». Спальный мешок на гагачьем пуху английский. Инструкция внутри гласит, что «спальник предназначен для британских солдат, воюющих в арктических условиях». Сшит он в 1949 году. Какой солдат таскал его на своем хребте 37 лет назад и где гниют сейчас его кости? Термосу не повезло — он безродный, на нем нет вообще никакого штампа. Но лично для меня он навсегда останется южноафганским. Я долго выковыривал из полости вокруг его колбы черный пластид, и вот теперь термос исправно держит любую жидкость, но, правда, не температуру. Ничего, сойдет и как фляга. Ну, а куртка цвета хаки на толстом искусственном меху — дело рук Пакистана. Потому она так и зовется — «пакистанка». В поход берется то, что максимально удобно и легковесно. Однако объединяет нас всех, помимо, конечно, предстоящей засады, нимряцкая обувная фабрика. Все пятьдесят десантников в ее кроссовках, которые солдаты зовут попросту «нимры». Они дадут фору любым самым прочным «адидасам», неизбежно разваливающимся после первой же сотни километров по каменистой пустыне или горной тропе. Уж не знаю, что считают по этому поводу наши отечественные военные легионерышленники, заботящиеся об обмундировании советских солдат, но что думают об их продуманности сами солдаты, вынужденные за личные деньги (24 рубля с копейками) покупать «нимры» в военоторговском магазине, я знаю. Так что в классических голубых беретах и до сияния начищенных сапогах десантники воюют лишь в кино.

В каптерке тихо и темно. За окном по-прежнему сражаются ветер с дождем. Солнце мастерски маскируется за тучей. Входит Владик Джаббаров, напевая почти про себя одну и ту же фразу: «Умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан... Там-парам-пам, там-парам-пам...»

— Верно лею? — обращается он к Сане Склярю, дремлющему наверху двухэтажной койки. — И ты, Брут, спишь...

Джаббаров достает из коробки па-

троны и начинает их распахивать по магазинам. Мимо окна проходит патлатый малый с рыжей бородой.

— Не беспокойтеся, — успокаивает меня Владик, — это электрик. Они гражданские.

Впрочем, на местном солдатском жаргоне Скляр и Джаббаров тоже «граждане», только в другом смысле — через пару недель им заменят-ся.

Скляр спит крепко, но время от времени начинает во сне что-то яростно доказывать. Он делает это так убедительно, что тому, с кем он сейчас спорит во сне, хочется сказать: «Не перечь, Скляр знает, что говорит».

Отдыхают все пятьдесят ребят, которым ночью предстоят 20-километровый марш по степи и засада. Потому эти полтора часа, выделенные командиром для сна, стараешься использовать максимально в журналистских целях: ночью уже не поговоришь.

По-разному рассказывает о себе солдат. Один длинно и обстоятельно, и ты лишь поспеваешь переворачивать листки в блокноте. Другой излагает все пережитое скупым армейским языком, почти по-уставному. Третий ограничится коротким словцом либо жестом, но столь емким, что стоит полтора часа выслушивать беседу. А иные рассказывают так ярко, что ты невольно становишься одним из действующих лиц повествования.

Мне встречались солдаты, умевшие импрессионистски точно передавать все оттенки своих ощущений. Но бывали и такие, которые выкладывали тебе голую информацию, замечая: «Эмоции добавишь сам».

Все отпущенные полтора часа мы проговорили с Джаббаровым и проснувшимся Склярю под слишком тяжелый рок, вырывающийся из мощного «Шарпа», что стоял на полке среди личных вещей ребят. Мне всегда казалось, что рок и война, рок и патриотизм, рок и интернациональный долг — понятия из совершенно разных вселенных. Но в этой маленькой каптерке, как и в десятках других, разбросанных по афганской земле, они как-то поразительно образом уживаются вместе.

Пройдет месяц: «граждане» Джаббаров и Скляр «дембильнутся». И вот тогда на очень долгие годы самой интимной музыкой для них станет та, которую здесь они слушают редко. Я имею в виду песни «Каскада» и «Голубых беретов» про Афганистан, про Родину, про боевое братство, про любовь. Про войну.

На войне про войну плохо слушается.

— Рок и война? Не вижу в этом ничего несовместимого, — усмехается молоденький лейтенант Коля Зубков. — Просто надо отключиться от стрельбы и взрывов, а рок может заглушить все. Но есть вещи, которые я никогда ни понять, ни принять не смогу. В прошлом году во время отпуска я оказался с женой в Ленинграде. Впервые. Идем, значит, глазами хлопаем по сторонам. Из-за угла появляется миниатюрный паренек — топ, топ, топ... В общем, по Невскому шлепает такой, знаешь, расхлябанной трусцой. Белая рубашечка с воротничком на пуговицах. Галстук тонкий черный, селадкой, по-моему, называется.

Коля стоит, раскачиваясь на своих голенастых ногах. Сам он под два метра ростом. Коротко стриженные черные волосы, уже тронутые легкой сединой. Почти аристократические черты чуть сдавленного в висках смуглого лица, тоненькие аккуратные усики. Классический офицер классической русской армии. Почесав затылок, он продолжает:

— Разминулись мы, а жена меня локтем в бок: «Коль, смотри — у него на галстучке свастика». Сама поблед-

¹ БК — боекомплект.

² «Сварка» — крупнокалиберный пулемет.

³ «Прислуга» — расчет пулемета.

⁴ «Сигара» — НУРС.

нела, не знает, что дальше делать. Я не поверил: в Питере свастика?! Делаю разворот на сто восемьдесят и обратно, за пареньком. Жена на руке повисла — не пускает. «Подожди-ка», — говорю ей, а галстучек на свой мизинец наматываю. Гляжу — и впрямь свастика. «Что же ты, сукин кот, делаешь?» — спрашиваю его. Меня поразило, что прохожие, пожилые в том числе, начали заступаться за парня. Я тогда к ним поворачиваюсь: «Вы — чего? Или уже память отшибло — забыли, как они вас девятьсот дней голодом морили? А?» Но тут целая свора пацанов окружила нас с женой и как начнут: «Афганцы наших бьют! Афганцы наших бьют! Десантура высадила!» Я в военной форме ВДВ с орденами — Знаменем и Звездой — неловко на улице инцидент создавать. Пошли с женой дальше, но расстроился я жутко.

Мы делаем несколько шагов молча. Потом он говорит:

— Я долго обо всем этом думал. Проблема питерского паренька в том, что у него нет проблем. Вот и выдумывает он себе игрушки. Но игрушки — как мины-сюрпризы, что «духи» тут стоят: не знаешь, когда и где рванет. Эти ребяташки смотрят на нормальную жизнь, как на каторгу. Но ведь каторга лишь там, где удары кирки лишены смысла. Пустить бы таких сегодня ночью в засаду, мигом бы всю окалину содрало.

Мы опять возвращаемся в каптерку. «Шарп» теперь надрылся осипшим голосом Рода Стюарда.

— Одни люди всю свою жизнь, — Зубков садится на койку, чуть отесняя Склера, — проводят в поисках ее смысла. Другие с юности махнули на это гиблое дело рукой и решили воспринимать ее такой, как она есть. Но здесь я пришел к одному очень любопытному заключению: в жизнь смысл надо привносить. Вот и все.

— Тут от твоих прежних установок и идей, — Склера насухо вытирает умытое порозовевшее лицо, — после первых же боевых остаются одни ошметки. Соединить их опять во что-то целое уже нереально, как невозможно собрать оторванные снарядам голову, ногу и туловище. Когда я прощался в Союзе на вокзале с Элькой, сразу понял, что прощаюсь не только с ней, но и с собой. Тем собой, каким я уже больше никогда не смогу быть. — Он аккуратно кладет в тумбочку мыло и зубную щетку. — Странные проводы получились: мы все провожали МЕНЯ. Трансформация из «молодого» в «черпака»*, а потом в «гражданина» очень точно, между прочим, передает основные этапы изменения солдатской психики. Это как несколько раз панцирь или кожу поменяешь. Но мне-то лично кажется, что у меня стал другим даже химический состав клеток. Вот наверняка: приеду домой, сделаю анализ крови, а он будет не таким, каким был два года назад.

Сегодняшняя засада — последняя в жизни Склера и Джаббарова. У каждого из них десятки боевых выходов за плечами: налеты на караваны с оружием, десантирование с вертолетов и брони, засады... «Граждан» командир не пускает на операцию: если ты отслужил здесь два года, в последние 20—30 дней до демобилизации тебя шадят, берегут. Ведь риск, как радиация. В какой-то момент его доза становится критической. Только в каких единицах измеряется уровень риска? Да и прибора для этого пока еще не изобрели.

И вот предстоит засада, отделяющая их от всей остальной жизни. Это как последние десять сантиметров, которые тебе надо пройти по карнизу небоскреба: знаешь, что по сравнению с тем, что осталось позади, предстоит одолеть сущий мизер. Но мизер, от которого зависит все.

* «Черпак» — солдат, отслуживший в Афганистане полгода.

Впрочем, похоже, что это лишь я за них волнуюсь. Сами же они спокойны, как вон те горы, что видны из окна каптерки. Молчаливо продолжают упаковывать свои рюкзаки. А они у ребят роскошные, легкие, вместительные. С обилием карманчиков на всяких там молниях.

Для Славы Сорокина это тоже последний боевой выход. Ему осталось пятнадцать дней до демобилизации. Еще меньше, чем Джаббарову и Склера, — не десять сантиметров, а пять. И вот он сидит, обняв за талию гитару, что-то мурлычет себе под нос.

— Вначале, — прерывает Сорокин свою песенку, — было тяжело оттого, что ничего не знал и не понимал. А теперь тяжело потому, что все знаешь. Все понимаешь... Вот смотрю я на все эти горы вокруг. И пустыни. Много там сил оставлено: чувствуешь себя не столько повзрослевшим, сколько постаревшим. В самом конце прошлой засады все выдохлись, измокли и измезли — я стрелял только для того, чтобы все это поскорее кончилось. Но уезжать горько: и Афганистан, и жизнь здесь, и это не по-нашему низкое небо, — все стало родным. Все течет уже тут... — И Сорокин проводит пальцем по вене левой руки.

Он опять медленно и нежно перебирает прохладные тонкие струны, как, должно быть, когда-то дотрагивался до волос той, чью карточку он мне только что показал. Здесь гитара — единственное, что солдат может обнять за два долгих-долгих года.

«...Так что ты, кукушка, погоди, — тихо, почти шепотом поет Слава, — мне дарить чужую долю чью-то...»

Вечер сдвигает все цвета дальних гор в один — тускло-серый. Мелко дрожит земля, отдаваясь зудом в стопах: по дороге тянется, возвращаясь с боевых, длинная колонна БТРов соседней части. Пыль, которую она поднимает, потом медленно оседает на лицах солдат и листьях деревьев. Под рокот двигателей, словно рев обезумевшей толпы, в ушах все еще хрипит Род Стюард. Мы долго смотрим из-под панам на машины, окутанные серо-рыжими клубами выхлопной гари, песка и пыли. Как они медленно проезжают, держа между собой четкий интервал метров в пятнадцать. Они едут след в след, и видно, как торчат из передних люков ушастые головы водителей. Лица их, отражая свет приборных щитков, фосфоресцируют в темноте. Лица тех, что на броне, не разглядеть. Просто сгорбленные черные силуэты, да устремленные в небо тонкие прутки антенн. Антенны раскачиваются в разные стороны и хлещут по кронам деревьев, обдирая их. Колонна проходит, ляг и рокот смолкают за горой, а на дороге остаются лежать безжизненные вытянутые листья эвкалиптов.

— Малыш на месте? Давай, Малыш, трогай! — кричит в один из ларингов шлемофона Коля Жерелин, двадцатипятилетний старший лейтенант с лицом, коричневым от пыли и загара.

Малыш, чей стриженный затылок виден в люке, нажимает на педаль, и наша БМП выезжает на дорогу. Все пятьдесят десантников, оседлав машины, движутся в юго-восточном направлении по дороге на Пешавар. До границы с Пакистаном остается всего тридцать километров. Но уже через пятнадцать мы спешимся и под ночным покровом уйдем резко на юг от дороги, вдоль линии Дюранда, с тем чтобы, преодолев двадцать километров, лечь в засаду близ кишлаков Сингир и Биру. По имеющимся сведениям, сегодня ночью там пройдет банда, которая завтра должна укрепиться в районе Джамали и обстрелять на рассвете наших вертолетчиков.

Вместе с нами в отряде — афганец-разведчик, поджарый человек лет сорока, с жесткой серой бородой и блестящими выпученными глазами. Сам он родом из кишлака Биру: все тамошние тропы и нараванные пути знает, как свои пять.

Переговариваясь по радио с капитаном Козловым, Жерелин похлопывает пушку БМП, как верного пса. Не видно ни зги, лишь два красных габаритных огня впереди ревушей БМП маячат метрах в пятнадцати от нас. Холодный сухой ветер с гор леденит лицо, обдаваемое в промежутках между его порывами прогорело-горячими выхлопами машин. На небе слабо мерцает лишь пара-другая звезд. Но стоит глянуть в ночной бинокль, как увидишь, что все оно светится многомиллионной звездной пылью.

Навстречу нам несется афганский

грузовик. Он враз онатыкает колонну желтым светом фар. Жерелин чертыхается: «Мы и так гремим на пол-Афганистана, а тут нас еще и показать решили: глядите, «духи», советский десант едет на засаду».

• Минут через пять все БМП сворачивают с дороги на север и сотни три-четыре метров мы трясемся по камням. Потом на ходу спешиваемся и, растянувшись в длинную цепочку, поворачиваем в обратную сторону, идем на юг по высохшему руслу реки. Броня продолжает реветь за спиной, имитируя наше выдвижение в северном направлении.

Согнувшись в три погиба, каждый из нас быстрым рывком перебегает ту самую дорогу, по которой еще недавно с таким комфортом катил на броне.

Луна расчищает себе небо от облаков, и теперь каждый камешек степи блестит на ее свету, точно обтянутый фольгой, норовя впиться в подошву «кимр». Километра через три, с каждым шагом камней становится все меньше, и вот уже мы бредем, по щиколотку утопая в еще теплом песке. Он покрывает землю от горизонта до горизонта: степь напоминает ее гигантский солнечный ожог.

Пот льется из-под каски, которую мне дали для страховки, застилает едкой целлофановой пленкой глаза. Наконец короткий привал. Все садятся, откидываясь на рюкзаки и вытягивая вперед ноги. Санинструктор Сан Саныч усаживается по-турецки, снимает панаму, и его бритый череп серебрится от пота.

— А ночь сегодня, братцы, лунная-лунная, — говорит он, сильно запрокинув голову и приоткрыв рот, словно для полоскания, — и мы с вами как на ладони.

Именно поэтому головной дозор продолжает путь, пока отряд отдыхает.

Степь все еще отдает накопленное за день тепло, и ты себя чувствуешь, если не как в бане, то как в предбаннике — точно. К флягам никто не прикасается, хотя пить хочется до сипа в глотке. Хотя бы смочить пересохший рот с хрустящим на зубах песком. Но даже этого пока нельзя: никто не знает, как пойдут дела и сколько придется торчать в засаде. С каждой минутой цена воды растет. А через полчаса ты будешь смотреть на флягу, как на самую дорогую свою вещь. Все потеряет смысл, кроме влаги. Попадись сейчас лужа, выпил бы. Впрочем, это действительно можно сделать: у каждого десантника в рюкзаке есть трубка с пористым углем и обилием разных фильтров.

Подъем. Отрываешься от земли, точно тебя к ней приклеили.

Мы опять идем. Как иноки. Способности человека к мимикрии не снились и хамелеону. Здесь ты превращаешься в песчинку, в горах будешь камнем.

Луна мерит шагами небосвод. Она идет вместе с нами, освещая петлистый путь меж сопок и кишлаков. Луна — над тобой, а сразу позади вместо тени тащится усталость, иногда нагоняя, иногда отставая. Она, жажда и песок становятся единым целым, называемым коротким, но изматывающим словом — степь. С первого взгляда она безжизненна и молчалива, но на самом деле полна присутствием человека. Правда, скрытым, едва уловимым. Об этом напомним вдруг подувший ветер с кислородными запахами притаившегося неподалеку кишлака. Или приглушенный лай собаки. Либо вой и пара светящихся глаз шакала, шарящего в поисках пищи близ какого-нибудь селеньца.

В постоянно сотрясаемой от ходьбы голове, точно в копилке, дробятся на мелкие осколки мысли, перемешиваясь с обрывками воспоминаний. Воспаленный от жажды и жары мозг, перескакивая с одного на другое, не

может сосредоточиться на чем-то конкретном. Во рту ржавый металлический привкус, как после быстрого бега на длинную дистанцию.

Впереди, в горах, замечаешь, как движутся навстречу друг другу красные и желтые огоньки. Сначала думаешь — пока еще на это способен, — что где-то там пролегло шоссе и по нему мчатся машины. Потом понимаешь: абсурд, не может быть. На самом деле все проще. Две духовские банды ведут ожесточенный ночной бой, но такой далекий, что выстрелов не слышно. Замечаешь сполохи света. Зарницы? Нет, гранатометы. Тысячи трассеров оставляют за собой вытянутые нитеобразные следы: похоже на косые длинные струи кровавого дождя.

Впереди меня топает Джаббаров. Он ломает галету и пускает несколько кусков назад по цепочке. Вот один доходит до меня и сразу попадает в рот, застревая в пересохшем горле.

Десант хрустит галетами на всю пустыню: ночь сухая, звонкая — любой звук разлетается на километры окрест. В целях маскировки начинаю не грызть, а давить галетину зубами.

Джаббаров тащит свой рюкзак легко и непринужденно, ну прямо как в турпоходе. Ежедневные многокилометровые переходы натренировали его волю и ноги. Кроме того, он кандидат в мастера спорта по велоспорту. До армии гонял на своем дюралюминиевом «Старт-шоссе» в Свердловске. С тренером до сих пор перебрывается коротенькими открытками. «Давай, Владик, — написал тот в последней, — дави на педали: осталось чуть-чуть. Зато после Афгана любая трудность покажется комариным укусом».

Постепенно налаживается второе дыхание, и мысли выстраиваются в более или менее стройную цепь. Не такую, конечно, какой топает по степи мы, но все-таки...

Из-за спины доносится ритмичное дыхание Склера: вдох — выдох, вдох — выдох. «Я дома слыл жутким хулиганом, — признался он мне еще в каптерке, — с педсоветов и из учительской не вылезал». Я слушал его и верил. Я уже знал: бывшие хулиганы обычно уезжают из Афганистана с орденом Красной Звезды на груди. Их бесшабашность каким-то невероятным образом переплавляется здесь в героизм.

...Опять безмолвный кишлак. Все встречающиеся на нашем пути селения мы обходим так, чтобы ветер дул с их стороны в нашу, а не наоборот. Иначе собаки, почуяв «киноверцев», поднимут лай. Идем мы, ориентируясь исключительно по компасу. У нас, правда, есть и карты «пятидесятки», но они нужны здесь не более, чем пассатижи в бане: степь лишена ориентиров, как и воды. Зато — обилие верблюжьей колючки. Остается пожалеть, что ты не верблюд.

Мысли опять начинают плясать. Преимущественно вокруг чего-нибудь жидкообразного. Терпеть жажду дальше равносильно самоубийству. Достая из-за пазухи флягу и делая глоток. Кажется, вода сейчас зашипит на раскаленных зубах. Она действительно куда-то испаряется, так и не успев попасть в брюхо. Или ее впитали в себя пыль и песок, забившие мне рот и ноздри? Лишь второй глоток достигаешь места назначения. Я пью из фляги, сильно запрокинув назад голову, и вижу на небе, прямо над головой, Волосы Вероники, а чуть дальше семь других звезд. Вон Мицар, а рядом едва тлеет Алькор. Это — большой ковш. Ковш, которым можно черпать воду. Много воды. Если хочется пить, что тебе ни покажи, твой мозг все равно свяжет с водой. Теперь я сам на себе познал, что, помимо всех видов и подвидов свобод, которые придумал себе человек, есть еще и такая — свобода пить воду.

(Окончание следует.)

ПАЛИТРА

ЕДИНСТВО

Они очень разные, эти картины: женские портреты, полные совершенно непередаваемой внутренней доброты; натюрморты, сразу запоминающиеся благодаря своей редкой цветовой гамме; большие красочные панно... Шота Шанидзе умеет не повторяться. Трудно даже сказать, какой жанр он особенно любит, чему отдает предпочтение — только что в Венгрии, где Шанидзе хорошо знают и любят, после очередной выставки его произведений были сказаны такие слова: «В его картинах вся Грузия...» Он родился в Тбилиси и живет здесь вот уже сорок два года. Он начал рисовать в Тбилиси и рисует только здесь. Он с удовольствием и много изучал старинные грузинские обычаи, национальный фольклор разных эпох: интерес к старине пришел к нему еще на самом раннем этапе его творчества, когда он учился сначала в Тбилиском художественном училище имени Я. Николадзе, а затем в Академии художеств. Да так и остался с ним навсегда. Сегодня Шанидзе причудливо сочетает в своих работах многие традиционные особенности грузинской живописи, передавая ее национальный темперамент и колорит, но при этом смотрит на мир, его людей глазами современного человека. Сам художник не любит слово «синтез», не признает его, но, внимательно анализируя его работы, невозможно сразу сказать, чего же в них больше всего — традиций, бережно переданных, или новаторства, они слиты между собой и приведены в эстетическое единство.

Со своими выставками художник объездил почти полмира. Но по-прежнему рисует прежде всего Грузию...

Андрей КАРАУЛОВ

Ш. И. ШАНИДЗЕ.
РОД. 1945.
ХРИЗАНТЕМЫ.
1974.

ТАМРИКО
С СОБАЧКОЙ.
1984.

Ш. И. ШАНИДЗЕ. ПОРТРЕТ БАЛЕРИНЫ Н. АНАНИАШВИЛИ. 1987.

**ИМЯ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ЩЕТИНИНА ПРИНАДЛЕЖИТ
К БЛЕСТЯЩЕЙ ПЛЕЯДЕ ПЕДАГОГОВ-НОВАТОРОВ,
КОТОРУЮ С ИЗУМЛЕНИЕМ И РАДОСТЬЮ ОТКРЫЛО
ДЛЯ СЕБЯ ОБЩЕСТВО БЛАГОДАРЯ ПЕЧАТИ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ.**

**ИХ ПОЯВЛЕНИЕ В НАШЕ ВРЕМЯ НЕ СЛУЧАЙНО:
ПОИСКИ М. П. ЩЕТИНИНА, КАК И В. Ф. ШАТАЛОВА,
Е. Н. ИЛЬИНА, С. Н. ЛЫСЕНКОВОЙ,
Ш. А. АМОНАШВИЛИ, ДРУГИХ МАСТЕРОВ, СОЗИДАЮТ
НОВУЮ ПЕДАГОГИКУ — ПЕДАГОГИКУ
СОТРУДНИЧЕСТВА — В ПРОТИВОВЕС ТОЙ
«ПЕДАГОГИКЕ ЗАСТОЯ», КОТОРАЯ ДОЛГИЕ ГОДЫ
ОБСЛУЖИВАЛА СХОЛАСТИКУ И
НАЧЕТНИЧЕСТВО В ВАЖНЕЙШЕЙ ОТРАСЛИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ —
НАУКЕ О ТОМ,
КАК РАСТИТЬ ЧЕЛОВЕКА.
В ЭТОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ
РОЖДАЕТСЯ НОВАЯ ШКОЛА —
«ШКОЛА РАДОСТИ И СВЕТА», НА ОСНОВЕ
РАВНОПРАВИЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ — ВЗАМЕН
ШКОЛЫ КАНЦЕЛЯРСКОЙ СКУКИ,
ПОДАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА
И ПЕДАГОГА. ЧТО ОДЕРЖИТ ВЕРХ?
ВОПРОС ТРЕВОЖНЫЙ, ВЕДЬ ЭКСПЕРИМЕНТ ЩЕТИНИНА
ПО СОЗДАНИЮ ШКОЛЫ 2000 ГОДА
УЖЕ МНОГО ЛЕТ ЗАКРЫВАЛИ, НЕТ У НЕГО
«ПРОПИСКИ» И СЕЙЧАС. ВОТ УЖЕ ПОЛТОРА ГОДА
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЕЗДИТ ПО СТРАНЕ В ПОИСКАХ
МЕСТА ПРИЛОЖЕНИЯ СВОИХ СИЛ.
А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НЕ ПРЕКРАЩАЮТСЯ ПОПЫТКИ
ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ ИДЕИ И ЛИЧНОСТЬ НОВАТОРА...**

Михаил ЩЕТИНИН

Во мне-то она есть! Есть во мне эта школа. Я безгранично верю в нее, но, увы, не могу привести вас туда и сказать: смотрите, вот она, школа, видите, какие дети — это же самое главное доказательство! — вот они ходят, работают, вот как они живут, как относятся к человеку, к Родине, к земле нашей, как стоят у Вечного огня. Если бы вы все это видели!.. А ведь первые результаты были, и какие!

Но чиновники-кабинетчики из Минпроса подозревали, что я замышляю опасное дело. Опасное тем, что, признай они нашу идею, многое пришлось бы пересмотреть, переосмыслить, перестроить. И тогда они бы не просто создавали новые учебники, чем, в сущности, всю жизнь занималось министерство, не приукрашивали старую школу шестилетками и компьютерами, а меняли всю ее систему! Я глубоко убежден: нынешняя система школы вредна, она загоняет ребенка в угол.

Она родилась, вернее, выродилась в такую не случайно. В восемнадцатом году мы сделали первую попытку перестроить отрегулированную буржуазную систему образования, заменить ее социалистической, поставить школу на основу марксистско-ленинской концепции личности. Но пришлось ВРЕМЕННО отложить такой решительный, коренной переход к школе социалистического типа: нужно было ликвидировать безграмотность. Хотя все-таки у нас был прекрасный опыт двадцатых годов — мощный расцвет нашей школы. Но мы не успели.

Пошли тридцатые годы — тридцать шестой, тридцать седьмой. Помните Берггольц: «Родина, не искушай доверья моего»? Сколько людей произ-

несло эту фразу сердцем, умом, сколько отправлено в «край тьмы бессмысленной и дикой»? Сколько? Человек, мыслящий активно, не поощрялся, напротив, отрабатывались механизмы отсекающие неординарных голов. Надо было мыслить с оглядкой. И школа, выражая общественные тенденции, не стала заниматься формированием личности. Ведь это было бы неизбежно связано с внедрением ученика и учителя в жизнь, с преобразованием ее, борьбой за светлые начала. Это представляло опасность. Вот школа и сосредоточила свои силы на «знаниях, умениях, навыках». Но лозунг «всестороннее формирование личности» нам нельзя было снять. Лозунг мы оставили...

Фактически это была буржуазная школа, только с нашими коммунистическими учебниками. Ведь выстроена она по тому же принципу «муштры и зубрежки», только зубрили не закон божий, а мысли коммунистические. Но не претворяли их в жизнь! Зато появилось самонимение у нашей школы — она, мол, самая лучшая. Личностные установки — «Мне нужны знания, потому что я часть своего народа» — не школа формировала (как казалось), — сама жизнь.

После революции был гражданский подъем, и, несмотря на репрессии, начавшиеся перед войной, школа держалась. Отечественная война физически сблизила «мое» и «наше». Каждый понимал, как он связан со всем народом. Это понимание тоже было мощным фундаментом для того, чтобы школа знаний могла на что-то опираться. Некоторое время она питалась этой средой.

— То есть нашу школу поднимали на уровень воспитания личности лишь экстремальные обстоятельства?

— Да! А потом начался послевоенный период. Чем дальше мы уходили от экстремальности, тем сильнее обнаруживалась беспомощность школы. Мы перешли ко всеобщему среднему образованию, вот тут-то школа должна была решать задачу всестороннего — на самом деле! — воспитания личности. Но экстремальной связи

школы и жизни уже не было, жизненные обстоятельства сами по себе не подпирали школу, и она с этой задачей не справилась. В последнее десятилетие мы увидели то, что и было заложено в школе и наиболее ярко проявилось в наши дни.

Нынешняя школа, бесспорно, продукт своего времени. Сам подход к ребенку — подход чиновника к подчиненному — это слепок с общественных отношений: начальство и те, кто выполняет его волю. Откуда само это слово появилось — «начальство»? Есть интеллигенция, рабочие, крестьяне, но есть и «начальство»! Так вот, начальством для ребят стали учителя, дети — подчиненными, которые должны знать свое место, знать, с кем разговаривают.

Теперь уже очевидно: попытка осуществить реформу школы показала, что сделать это в соответствии с изменившимся положением в обществе, не меняя строй отношений ученика и учителя на основе глубокой демократии, невозможно. Поэтому реформа и буксует. Ну изменили бы учебники, ну еще бы один класс добавили... Самое главное — надо изменить строй отношений, систему школы. Школе не хватает сотрудничества, сотрудничества глубокого, начиная с природы, с природной сущности человека. Но эту сущность надо изучать, мы же этого не делаем. А ведь ребенок живой, личность удивительная, уникальная. Значит, необходимо заглянуть в медицину, биологию, психологию, физиологию, социологию, пристально всмотреться в философию.

Прежде чем говорить о реформе, необходимо знать, чего мы хотим от школы — только дать знания или сформировать личность? Главная цель социалистической школы — формировать личность. Главное средство — учение коммунизму.

— Выходит, существование ребенка в школе должно быть иным? Все по-другому?

— Конечно. Недопустимо существование принципа «запиши и выучи», сам знаешь зачем — это ТЕБЕ нужно. Кстати, именно в стенах этой школы родилась неправильная, вредная для развития ребенка мысль: ты учишься для себя, а не для меня, не для народа — для себя. А когда я спрашиваю у иных педагогов о цели работы школы, ответа они не знают. Не понимают, что их задача — развитие личности до высот таланта и гениальности, гражданской активности, способности выполнять любую государственную задачу. Но если учитель не знает, куда идет, как он может рассчитывать на успех?

Пока мы не изменим содержание школьного образования в соответствии с марксистско-ленинской концепцией личности, пока мы не будем иметь научно обоснованный учебный план, построенный на законах целостного психофизического развития человека с учетом данных физиологов, психологов, социологов, медиков, философов, до тех пор положение будет ухудшаться. Совершенствование методов преподавания тех или иных предметов лишь ненадолго оживляет традиционную систему, которая в целом дает сбой, и это всем очевидно. Эта система приводит к угасанию умственных сил ребенка, в стенах школы угасает его физическое здоровье, угасает его гражданская активность. Разве это допустимо? И если продолжать совершенствовать такую школу, мы получим еще более грустный результат.

Марксистско-ленинская концепция личности предполагает прежде всего производство ценностей, материальных или духовных. Наш же ученик сегодня только потребляет, потребляет все десять лет. Но только тогда, когда ученик будет что-то отдавать стране, он почувствует себя значимым. Только в деянии можно оценить, насколько совершенен наш ученик,

насколько воспитан, бережен и человеку. По этим параметрам мы и должны его оценивать. А сейчас судим о нем по тому, что он сказал на собрании, на митинге, как прочитал стихи, с каким уровнем патриотизма написал сочинение, как себя ведет: не плюет по сторонам — и нормально, тихонько сидит за партой — и молодец; мы довольны им, а потом удивляемся: откуда эти двойники? Отличник учебки оказывается вдруг убийцей. Мы восклицаем: как это могло случиться? Да так оно и должно было случиться, потому что мы не знали, что произошло в его душе! Он не мог себя реализовать, произвести свои ценности.

В нынешней школе нет соответствия между существованием и сущностью человека, ребенка. Этот разрыв и приводит к негативным проявлениям. Ведь когда можно наблюдать расцвет личности человека? Только когда его жизнь соответствует человеческой сущности. Рано или поздно ребенок начинает чувствовать дискомфорт в рамках той системы, которая его угнетает, начинает протестовать, бунтовать, принимая ее как систему насилия.

В раннем возрасте ребенка мы не наблюдаем того, что наблюдаем в стенах школы, — угасания умственных сил. Сухомлинский писал: «Много тревожного, что умственные способности угасают». До трех лет идет мощный взрыв познавательных сил, ребенок овладевает большей информацией, чем за всю оставшуюся жизнь. Возникает вопрос: как сделать, чтобы эта способность сохранилась во взрослом ребенке — ученике? Нужно пристально посмотреть на работу левого и правого полушарий мозга. Все наши так называемые основные школьные предметы — физика, математика, литература — вызывают необходимость работы только левого полушария. А творческое, эмоциональное мышление — музыка, хореография, труд — заперто на ключ. Почему? Ведь должна быть гармония.

Вот еще вопрос: почему у нас две трети учебного времени старшеклассники, как показывают опросы, находятся в состоянии полусна? То есть две трети времени уроков они теряют. Значит, нужно перестроить сам режим учебно-познавательной деятельности, гармонизовать его. Так мы придем к идее столкновения контрастов, ведь развитие — это оттачивание. То есть после физики — физкультура, после истории — хореография.

А кто определил, что время урока — именно сорок пять минут? Кто доказал научно? Оказывается, так удобнее учителю: в тридцать минут он не укладывается. Но зато ребенок больше тридцати минут продуктивно работать не может. Значит, уроки нужно сократить!

Всерьез поразмыслив о свободном времени, мы должны понять, что не нужно нам так цепляться за домашние задания, ведь есть в запасе треть времени (в школе), которую мы используем во вред здоровью ребенка. Тогда мы сделаем более интенсивным учебный процесс первой половины дня и за счет этого сократим домашние задания до минимума. Хотя мы считаем, что проблему домашних заданий нужно вообще снять. В нашей школе домашних заданий нет. Уже по той причине, что ребята все равно их регулярно никогда не готовят.

Когда не станет домашних заданий, тогда появится возможность всматриваться в склонности ребят. А склонность — первый признак одаренности. Именно склонность ребенка должна интересовать учителя в первую очередь! Ибо без таланта нет личности. Свободное время и даст нам возможность развивать эти склонности. Отсюда наша идея «кафедр», где ребенок достигает наивысших результатов в каком-либо деле. И тогда уже он может учить своего одноклассника, который, в свою очередь, научит его чему-то другому. Тогда мы сможем включить школьника в производство. Но это производство не должно ущемлять его, оно должно приводить к расцвету личности. Только при таких условиях мы придем к совместному переживанию этой великой мысли о бе-

режности наших отношений: смотри, ученик, какое чудо — жизнь, как уникален твой товарищ, береги это чудо! Коммунистическое воспитание — это воспитание человека, все должно быть в школе подчинено этому.

— Михаил Петрович, вот вы все время говорите: «Мы! Мы сделаем, мы считаем...» Кого вы имеете в виду?

— Как-то прочитал статью, в которой говорилось: мол, привыкли произносить «мы», ибо прячемся за этой неопределенностью. Но я говорю «мы», потому что хочу подчеркнуть: школу сегодня «я» не сделает, школу сделаем только «мы». Это значит, что сам ее ученик — учитель, сам ее учитель — ученик. Мы — все вместе. Да просто вижу людей, с которыми мы строим новую школу, и от их лица говорю. Сегодняшнее время — это время ансамблевого мышления. Это такое счастье, когда ты чувствуешь себя в ансамбле. Некоторые вот хотят утвердиться в каком-то своем обособленном «я», мне кажется, что это все-таки этап становления, а вот когда чуть-чуть уже появляется мудрое, что ли, видение мира, то приходит понимание, что ты лишь часть, но ты есть. Есть как часть огромного мира. Есть как воплощение всех тех, с кем ты рядом.

Поэтому в школе, которую мы строим, нет просто учителя математики или литературы — у нас ансамбль учителей. Перед началом нового учебного года мы собираемся вместе и обговариваем свои цели. В чем видит свою цель физик или историк? Ищем какие-то общие точки, чтобы, к примеру, на обществоведении сделать акцент на каком-либо законе физики. Тот учитель, предмет которого содержит больше всего таких общих моментов, и начинает учебный год. Сначала наши ученики занимаются, к примеру, только математикой — учителю дается столько часов, сколько ему нужно для того, чтобы ребята поняли конечную цель предмета, восприняли его в целом. Потом они, конечно, снова вернутся к математике, но уже изучая ее в деталях. Это очень важно — целостное восприятие предмета.

Вы не задумывались, какие школы мы строим? Школы-концерны. И говорим, что это экономически выгодно. Тогда как экономически выгодно все же выпускать Эйнштейнов и Моцартов и очень невыгодно выпускать серую массу.

Не укладывается, почему мы забыли, в частности, Ушинского, а ведь он предупреждал, что нельзя давать воспитателю учащегося больше того количества, которое он может охватить СИСТЕМАТИЧЕСКИМ наблюдением. А когда их тысячи, это не личности, это толпа.

Хотя личность ученика и не интересовала учителя-предметника. Поэтому рано или поздно мы должны были получить такого учителя, который у нас сегодня есть. Такого, который все меньше и меньше пользуется главным инструментом своей работы — совестью. А зачем она? Совесть нужна тогда, когда необходимо растить личность. А если нужно лишь дать знания, совесть тут ни при чем.

В нашей системе школы учитель строит жизнь вместе с учеником, не в воображении ее представляет, а видит все тенденции ее развития. И я, как учитель, должен понимать, что в этом процессе сотворчества я не барин, которому можно вешать все тридцать лет одно и то же и получать зарплату, я должен шевелиться, развиваться, быть впереди в мудрости, в богатстве нравственных и духовных ценностей. Мне надо все время заниматься самообразованием. Понимаете, это уже другой учитель.

— Легко сказать — другой учитель!.. Ведь просто так он не превратится из старого, его нужно растить, воспитывать! Это такая далекая перспектива — другой учитель...

— А мы должны сегодня по максимуму ставить задачи и по максимуму их решать! Иначе не выживем,

погибнем, нам необходимо реализовать свою человеческую сущность. Мы нужны природе мыслящими, нас природа с надеждой растила как разумных, соединяющих усилия всего живого. В этом и есть предназначение человека — гармонизовать союз не только друг с другом, но и с природой. Мы должны чувствовать неполноценность свою, когда ходим по цветам, по траве. Летать нам надо! Я уверен, что жизнь все-таки будет идти путем утончения наших отношений, путем все более и более пристального проникновения в чудодейство сущего, во все живое — трава-то или дерево.

Ребенку это понять, по-моему, легче тогда, когда он наглядно видит с самых первых шагов людей создающих. Через их чудо он и себя познает. Если они на него посмотрели как на чудо, они увидят свое отражение в его глазах, он тоже будет смотреть так. Но кто первый посмотрит? Кто первый позовет, чтобы другой откликнулся? Старший. Учитель. Старший ученик. Вот и выстраиваются отношения. Нам необходимо целостное мировоззрение. Без него личности не вырастить.

— Михаил Петрович, а вот то, что сейчас происходит с ребятами, — волна всевозможных неформальных объединений, как по-вашему, это протест или, может, их суть?

— В какой-то степени это проявление сути. Но это не человеческая суть. Это ненормальность. Протест происходит оттого, что мы лишили возможности ребенка быть самим собой. А ему хочется быть значимым, производящим, а не потребляющим, ему нужно не листья переметать из одной кучи в другую, а заниматься государственным делом. Мы же его отодвигаем от этого, и он не понимает, что именно его не удовлетворяет, но протестует. Я ЕСТЬ! — кричит его душа, а мы не замечаем.

А отсутствие духовности, веры в идеалы? Почему мы об этом не говорим? Ведь той веры, какая должна была быть, нет. Мы только теперь начинаем оздоравливаться, приводить себя в чувство. И как важно сегодня до конца сказать правду! Как случилось, что мы вырастили барина, чинушу, который смотрел на народ с недостижимой высоты? Как могли это допустить?

Мы должны строить нашу, социалистическую школу немедленно. Хотя должны были ее строить позавчера. Если мы повернем всю систему народного образования на человека, первый результат будет ощущен сразу. Посмотрите, какое оживление вызвали первые шаги трудного поворота к перестройке. Да, будет тяжело, потому что сегодня у нас есть сомнения, есть опыт пережитого, а это уже было когда-то, были обещания, сколько было прекрасных постановлений!.. Значит, сегодня нам тяжелее вдвойне, потому что теперь перемены в обществе ложатся еще и на скептицизм, необходимо преодолеть и это.

А посмотрите, с каким почтением мы заглядываем через границу. Чуть ли не как к французам заглядывали российские дворяне в прошлом веке. Посмотрите, что мы сделали со своей культурой. Помню, как одна учительница, которую я в полемике спросил, для чего она заигрывает с «металлистами», когда нужно решительно выходить вместе с ними из этого состояния, ответила: нам надоел русский язык, русскими словами мы слишком долго лгали. Это учитель!..

— Но ваша школа, Михаил Петрович, с перерывами существовала в конце семидесятых, в восьмидесятых годах, в то время, когда мы скандировали свое благополучие на всех уровнях и во весь голос. Ваши ребята должны были задавать вам вопросы о том, что в учебнике написано одно, а развитый социализм, который провозгласили, был так далек от этих строк...

— Безусловно. И мы говорили им правду. Но мы никогда не сворачивали с оптимистического строительства

жизни. Мы готовили ребят к борьбе. Мы всегда были спокойны за наших детей. Наш выпускник знал, что его ждет в жизни. Он был готов к этому. Я вот, например, несмотря на долготную борьбу, не считаю себя несчастным человеком. Знаю, жизнь тяжела и всегда будет горечь поражений, но только тот гибнет, у кого слабые мышцы духа. У кого мышцы духа сильные, кто действительно подготовлен — не просто так, а путем погружения в жизнь, — тот выстоит. Мы вели своего ученика — но в жизнь, потом он сам шел — но в жизнь. Опасно тому, кто просидел в клетке классной комнаты.

— Сидя в клетке, он учился у школы системе отношений в жизни. И потом тихо проживал свою жизнь, никуда не совался, делал так, как изволят кто-то, и умирал, удовлетворенный счастливо прожитым временем...

— Это вы имеете в виду неадекватную личность.

— Но сколько таких выпустила наша школа!

— Да. В общем-то все, что мы имеем сегодня, — результат усредненного воспитания в школе. Это усеченные, урезанные личности. Но, несмотря ни на что, у нас все же была и есть литература, есть люди, которые сумели разобраться в происходящем. Все-таки мы сохранили здоровую перспективу, здоровый оптимизм. И если бы мы, имея такие мощнейшие потенциалы, использовали их, могли бы стать не только сверхдержавой — духовным полюсом человечества.

— Михаил Петрович, спрашивают ли перемены в стране непосредственно на вашей работе, вам легче стало жить с началом перестройки?

— Нет, не легче. Перестройка выплеснула на поверхность очень много мусора. Поднаторевшие на конъюнктуре чиновники, как никогда, оживились. Умело манипулируют цитатами, выучили положения съездов и продолжают удерживаться на поверхности. Более того, они активизировались! А что значит оставить власть у такого «перестроившегося»? Это значит дать возможность схватить перестройку за горло. Потому сегодня нам, как никогда, нужна инициатива. Не могу быть уверен в успехе до тех пор, пока мы не создадим гарантии, которые не позволят чиновнику, живущему во благо собственного желудка, быть сверху, решать судьбы.

— В чем же заключаются эти гарантии?

— В том, чтобы суд и окончательный голос принадлежал народу. В глубокой и настоящей демократизации общества. Мне непонятны некоторые наши эксперименты, о которых мы говорим так: в таком-то районе провели выборы, из двух кандидатов выбрали одного... При чем тут эксперимент? Это норма! Да еще вдохновенно рассказываем, что на таком-то собрании люди говорили правду. Вот открытие! Сам факт такой подачи, такая оценка несут в себе подспудно крамольную мысль, что, мол, еще неизвестно, приживется демократия или нет, посмотрим, как получится...

Получится, если будем твердо идти путем демократизации. Нам отступать некуда.

— А вам уже пришлось столкнуться с теми, кто «перестроил» лишь слова, но дело перестроить не в состоянии?

— Еще был в той же системе народного образования. Есть у нас, к примеру, заместитель министра просвещения Российской Федерации Косоножкин. И сейчас, когда все понимают необходимость творческого поиска новых систем народного образования, он умудряется по-прежнему рыком командовать, называет этот

поиск шарлатанством, обрушивается, используя трибуну, на те или иные новации педагогики.

Я считаю, что необходимо пересмотреть структуру управления народным образованием. С большой надеждой смотрю на наши научно-педагогические производственные объединения, где наука, практика соединены в один комплекс. Ведь чем в основном занимаются отделы народного образования? Инструктированием учителей. А нужна помощь в творческой работе. Нужны научные лаборатории, изучающие проблемы воспитания личности. Понимаете теперь, почему мне так сложно?

Вот вспомнил сейчас своего отца. Он видел, как нелегко мне, а ему хотелось, чтобы я жил долго. Я рано поседел. «Сынок, брось», — говорил он, — что ты можешь один? Я чувствовал, что отец не прав, но аргументов тогда еще не было. Это теперь есть аргументы. Правда, он уже этого не говорит, он сам другим стал. У меня, знаете, очень хорошие отношения с родителями. Я благодарен им за то, что они сумели в самые трудные периоды моей жизни стать советчиками, помогли выстоять...

Для меня вообще очень важна мысль о корнях наших. Где еще у нас серьезные упущения — так это в надуманной, искусственно раздуваемой проблеме взрослых и детей. Проблема отцов и детей не должна быть проблемой нашей социалистической системы, нашей социалистической школы. Нам нужно ее решать, а не создавать. Мы должны помнить, что диапазон возраста, в который погружается ребенок, должен быть значительным — дедушка, бабушка, мама, папа. Жить без стариков, без сотрудничества с мудростью старших — значит создавать серьезные проблемы в будущем. Нам необходимо это помнить.

— Михаил Петрович, а про Павлина Морозова вы в своей школе ребятам никогда не говорили?

— Говорил. Я говорил, что это всегда трагедия. По-моему, это не героизм.

— А вы не помните историю, кто первым назвал героем Павлика Морозова?

— Не знаю. Думаю, это время — тридцатые годы. Мы тогда любили противопоставлять, любили, чтобы человек отрекался: отрекись от любимой, от матери — спасешь себя.

Без корней жить невозможно. Нельзя отсечь у дерева корни и говорить о его будущем. Нельзя! Нужно искать пути сотрудничества.

Спросите у меня, как бы я отнесся к проступку моей дочери. Отвечу: я всегда на ее стороне. Странно! Всегда! Вижу, что ей плохо, значит, плохо мне. И мы с ней вместе будем выходить из этого плохого. Но встать в сторону и отчитывать ее — какая ты нехорошая! — я никогда не буду.

Хочу, чтобы всегда на стороне ученика был учитель, чтобы, встав вот на этот огонь жизни, пройти вместе. Наша такая доля — пройти вместе.

Вы знаете, о чем я думаю? Может быть, это будет главным достижением нашего времени — то состояние общества, когда мы перестанем ози- раться. Пусть мы будем оглядываться назад, но не ози- раться. Когда пишешь или говоришь, озираясь, то перестаешь быть самим собой, зажимаешь свое горло, перекрываешь течение мысли и начинаешь лгать, становишься серостью и ничтожеством. Вот мы и ходим, порой чужие друг около друга. И надо выстроить так наши отношения и в обществе, и в школе тем более, чтобы не схватила за горло та среда, в которой человек пытается состояться. Ведь все-таки гений — это тот, кто был самим собой. Люди по природе честны. Я верю, что человек добр изначально, мы выпестованы такими природой. Эту природу и должна сберечь школа.

Беседовала Евгения ДОЦУК.

Фото Евгения УСПЕНСКОГО

НЕ УСПОКОИТСЯ ДУША

Владимир
ПОПОВ

Дождями хлещет и вьюгами вьет стихия и вольная воля...
Опять надо мною плывет и плывет архангельский голос Поморья.

И стонет под ветром сухая трава, как чья-то судьба горевая...
Летит и летит дальний голос: «И-ван!»
Вдали отзывается: «Ма-рья!»

Звенит и звенит над землею роса.
Пылает рассвета полоска.
И песня скворца, словно скрип колеса в несмазанной старой повозке.

И дышит огонь мне в лицо горячо.
И поле сливается с небом.
И ангел-хранитель за правым плечом.
И бес-искуситель за левым.

КОЧЕГАРЫ

Рев огня и клубы пара —
словно черти ужин варят...
Два бывалых кочегара
в кочегарке кочегарят.

И от пота конопаты...
Тяжелы в конце недели:
две совковые лопаты,
лом по кличке «понедельник».

Вот на улицу выходят —
отдыхают на морозе:
один — бывший пароходник,
другой — бывший паровозник.

Над землею полнолуние...
Перекинулись словами
кочегары, словно луны,
с подпаленными бровями.

А огонь то еле светит,
то взметнется-запылает...
А один — все едет, едет.
А другой — все уплывает.

Живописная группа
на фоне разрушенной церкви:
сад футболок цветных
и толпа загорелых колен,
где мохнатые камни
повиты кустарником цепким,
где соседствуют близко
молчащая вечность и тлен.

Каждый звук отражается, длится,
плывет высоко.
Краски росписей
полупрозрачны и скупы.
Вот распалась толпа.
И уходит во веки веков
живописная церковь
на фоне разрушенной группы.

ХЛЕБНИКОМ

Чье там тело везут
на разбитой хромой колыхаге?
Солью хлеб посыпают,
вино самогонное пьют.
Чье там тело они
подобрали в студенном овраге
и теперь, матерясь,
это тело везут и везут?

А над ними стоит
нелюдимое небо и злое.

За плечами
Владимира Попова
нелегкая трудовая жизнь.
Валил лес
на Крайнем Севере,
плавал матросом
тралового флота,
работал автослесарем.
Более десяти лет занимался
в литстудии
при «Трехгорной мануфактуре»
на Красной Пресне.
Два года назад
в Москве вышла
его первая книга,
по-настоящему зрелая,
отмеченная весомостью смысла
и изяществом стиля.
Для поэзии Попова
характерно
органическое слияние
поэтической мысли
об истории
и о нашей современности,
лирическая исповедальность
не заслоняет в его стихах
образы других людей,
которых поэт понимает
и любит.

А под ними дорога —
глухая дорога лежит.
И телега скрипит,
и угрюмо поют эти двое:
этот парень носатый
и этот хрипчатый мужик.

И уже над землей
начинает неслышно смеркаться.
Чье там тело везут
с запрокинутым длинным лицом?
И свисает рука,
и за обод цепляются пальцы,
словно мертвый желает
ухватить колесо.

1946 ГОД

В подмосковной электричке,
где рассерженный народ,
по вагонам ходит нищий,
песню нудную поет.

Он идет дорогой длинной,
и рука его пуста,
словно он сошел с картины,
из сурового холста.

Он идет худой и страшный,
с пустотой вместо глаз,
словно Питер Брейгель Старший
отпустил его на час.

Как посланник черной ночи,
он идет через века...
Я украл четыре строчки
у слепого старика:

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

— Умер батюшка-родитель.
Умерла моя родня.
Ради бога, пощадите,
люди добрые, меня.

Волшебной музыкой сонета
замолит мир свои грехи...
Опять читаю до рассвета
италианские стихи.

Но что мне Рим с его стихами,
но что мне мир уснувших нег,
когда я видел Дивий камень,
с прямой стрелой на спине...

Заросший мхом, листвою увитый,
давным-давно, который век,
лежит тот камень, как убитый
во Диком поле человек.

И поздней ночью, утром ранним
его покой хранит земля...
Пусть живут Отчизны камни
и воды древние ея.

ПОЛЫНЬ

Махая дланью в перстнях,
как затуманенным кастетом,
сидит старуха на костях
в тени фамильного портрета.

Дым сигарет стоит — не тает.
Портьеры темные глухи...
Скрипучим голосом читает
седой Ахматовой стихи.

А в летней яростной полыни
осенней горести следы...
Я ей принес букет полыни
и подорожной лебеды.

Листочки трогает рукою,
глядит, как будто сквозь года...
— Полынь! А что это такое?
Я не встречала никогда.

Я замечаю каждый год
под сенью шелестящих арок
неторопливый переход
от безмятежности к пожарам.

То вспыхнет тут, то вспыхнет там —
ползет к домам, сараям, пряслам,
по побережью и кустам
огнями — розовым и красным.

Прощай-прощай! Зальюсь слезами.
Лицом на землю, на огонь.
Детеныш-змея переползает
мою уснувшую ладонь.

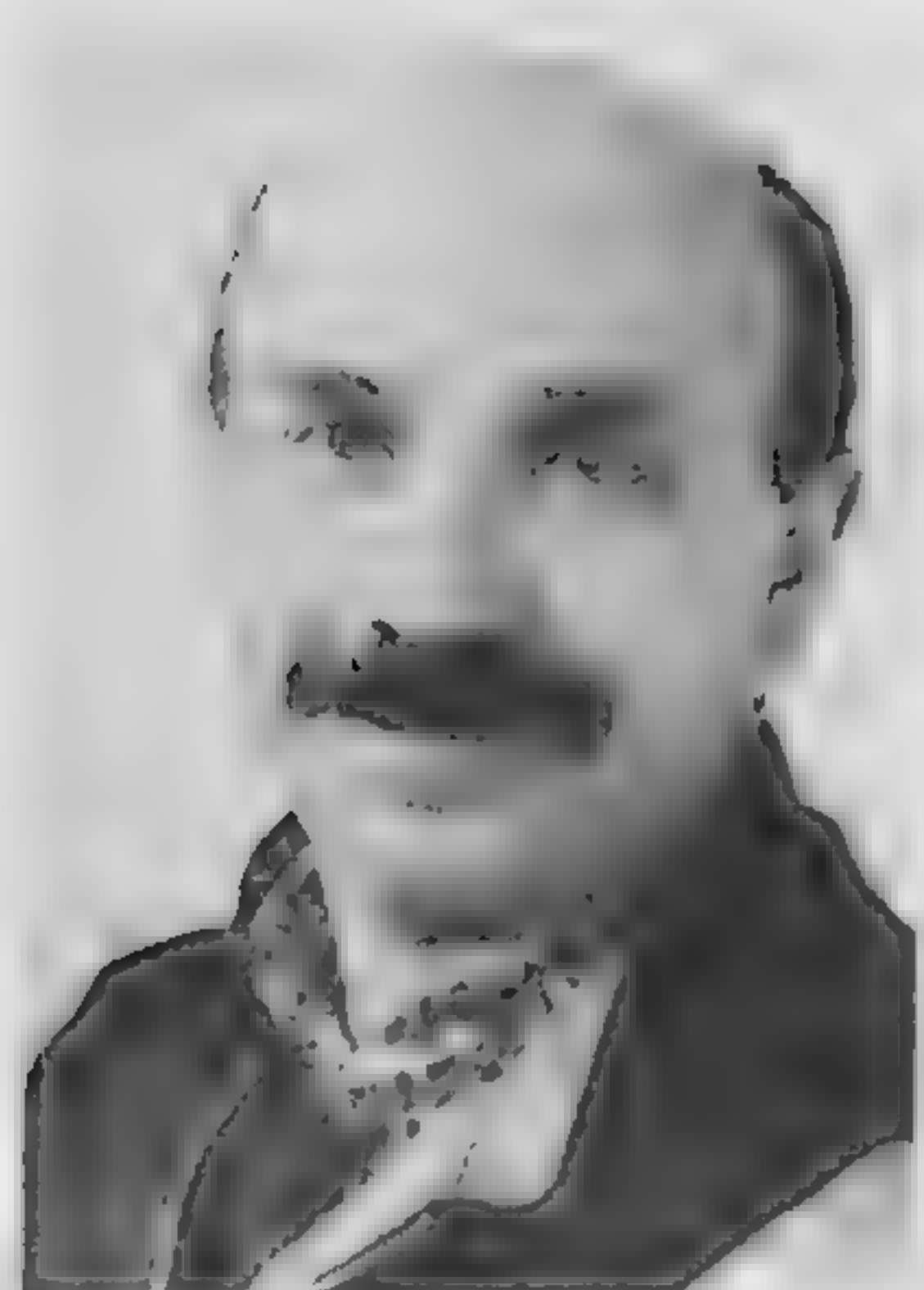
Крик журавлиный долгий-долгий
я провожаю не дыша,
пока оранжевым и желтым
не успокоится душа.

ГОРОДСКАЯ НОЧЬ

Ложится ночь на край карниза
необозримой синевой.
Листва, подсвеченная снизу,
сверкает каплей дождевой.

Всю ночь звезда на карауле
над головой моей стоит.
Стоит июль, как в поле улей,
медовой тяжестью налит.

Глухие шепоты и звуки
из бездн космоса летят...
А город спит, раскинув руки,
как неразумное дитя.

Анатолий
МАКАРОВ

что человек поставлен на высокий пост вовсе не для того, чтобы граждане наблюдали, как он светится от счастья. Иван Суренович уж на что мужик был понимающий, жизнь любил во всех проявлениях, в ханжестве не упрекнешь, но и тот развел руками: пора кончать это французское кино, тоже мне, нашлись «мужчина и женщина»! И кончили собственными силами, пока до инстанции не дошло. Серега инженером на судоремонтный вернулся, а красавицу в какую-то многотиражку трудоустроили, умные люди говорили, что еще легко отделались.

Вот почему сына своего Павел Федорович старался уберечь от такой безумной, всем на свете пренебрегающей любви. У него насчет Марата планы были вполне определенные. Самому Павлу Федоровичу за рубежом поработать не пришлось — бывать бывал неоднократно: то профсоюзную делегацию возглавлял, еще когда в южном городе жительствова, то спортивную, по нынешней своей линии, но на постоянную заграничную не тянул, сам это сознавал. Понятно, когда он тридцать лет назад едва-едва нащупывал в комсомоле свою тропу, не только что перспектив таких не светило, но даже и разговоров не возникало. Целина тогда звала, а не Женева. Еще пели тогда «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна...» от души, с ознобом волнения, с вызовом, но совершенно умозрительно, поскольку Африка в те годы существовала разве что в сказках про Айболита. Это лет так че-

свете, кроме певца Валерия Леонтьева и еще какого-то киноактера, с которыми она мечтала познакомиться. Разумеется, на прямой, хотя и в меру тактичный вопрос, что ей известно о личных увлечениях старшего брата, эта дуреха фыркнула презрительно и передернула плечами, давая понять тем самым, что объект Маратовых интересов настолько далек от прельстительного мира ее собственных грез, что ей даже и вспоминать-то о нем неинтересно. Такая заносчивость укрепила Павла Федоровича в худших его подозрениях, и он прикрикнул на дочь, потребовав от нее не спесивых ужимок, а точной информации.

— Да можешь не дрожать за своего наследника! — прервала отца Карина. — Отшла вашего Маратика его медсестра!

Павел Федорович ощутил внутренний сбой от того, что дочь так точно распознала истинную причину его беспокойства — при ней на эти деликатные темы он избегал высказываться откровенно, но одновременно и почти обрадовался своему глубокому пониманию жизни. С кем еще мог связаться Марат в пеших своих странствиях, кроме медсестры? Сообщение о том, что невдомая эта представительница младшего медицинского персонала дала сыну отставку, вроде должно было урезонить отцовские опасения, Павел Федорович, однако, юношеским размолам, также, как и любви до гроба, верил мало.

Понятно, вот так вот прямо Павел Федорович остерегся охарактеризовать сыну предмет его

РАССКАЗ

СВЯЗЬ В ТРАПЕ

Павел Федорович про себя не на шутку опасался, что Марат всерьез влюбится. «Влипнет» — так это он называл. Из этого не следует, что Павел Федорович был каким-либо принципиальным противником высоких, романтических чувств, ничуть не бывало, он, например, от души любил лирические песни и в оперетту на «Сильву» или «Марицу» выбирался не реже трех-четырех раз в год. Просто немалый житейский и главным образом служебный опыт подсказывал ему, что с большой страстью непременно связаны необдуманные поступки и пренебрежение собственной пользой. Ни того, ни другого своему сыну он, естественно, не желал. И без того нет-нет да и возникала у него перед внутренним взором картина катастрофы, которую потерпел некогда заикающийся его друг Сережка Комиссаренко. Какая карьера светила человеку! В тридцать пять уже зампредгорисполкома в большом южном городе, где они с Павлом Федоровичем вместе вкалывали, популярный среди народа да и начальством ценный работник, красавец, светлая голова, спортсмен в недавнем прошлом! Чего ему не хватало? Если этого самого, то есть возможности расслабиться иной раз, ради бога, но острожно, устраиваются же умные люди. Так нет, приспичило ему влюбиться, да еще так, чтобы весь город видел. А началось-то все с пустяка: приехали из местного телевидения записывать интервью, что-то такое о жилищном строительстве или, наоборот, о сохранении памятников, и была среди телевизионщиков комментаторша, года два как из Ленинграда по распределению прислали, прогремела на всю область острыми выступлениями; знали бы, чем все это кончится, давно прищемили бы ей хвост. А то, чуть что, солидные люди перед ней головы клонили: благодарим, Евгения Марковна, за принципиальную критику. Конечно, красивой женщине во всем снисхождение, какой-нибудь газетный зубр, коллега этой самой смазливой Евгении Марковны, вспоет сто раз на пороге ответственного кабинета, перед секретаршей пластаться начнет, а эта «неистовая репортерша» бурей врывается в самые заповедные пределы и держала себя там на равных с кем угодно. Плоды этого равенства скоро обнаружились. Город был хоть и большой, но провинциальный, тайное становилось явным на третий день. А эти не больно-то и таились. Везде вдвоем. Приятно было на них смотреть, черт возьми, но ведь это и было хуже всего. Потому

рез десяток вдруг выяснилось, что в Африку очень даже недурно поехать по линии помощи слаборазвитым странам. А уж потом такие возможности замаячили, что какая там Африка... Павел Федорович за рюмкой в тесном приятельском кругу, блаженно расслабившись, признавался: «Хотелось бы, конечно, поработать за рубежом, не скрою, крепко хотелось бы...»

Одно время Павел Федорович заподозрил в поведении сына что-то необычное, тот вроде возвращаться стал позднее обычного и в походы какие-то немыслимые взял привычку налаживать, с палатками, со спальными мешками. Павел Федорович и сам когда-то не прочь был пошататься с туристской шарагой по лесу, костерок разложить, но ведь это в какие времена было: самый роскошный транспорт — допотопный велосипед, из одежды самое завидное — лыжный костюм из лохматой сизой байки на все сезоны. Теперь-то возможности другие, хочешь в Домбай, хочешь в Дагомыс, все в наших руках. Там между делом и партия может сложиться подходящая. Павел Федорович усмехался всякий раз, когда произносил про себя это старорежимное, деликатное понятие, хорошо, черт возьми, выражались предки, точно, а главное, думали правильно. Именно партия, то есть нечто предполагающее всесторонний трезвый учет различных интересов, в том числе и родственных, а не любовь с первого взгляда, какая закручивает человека похлестке нынешней дискотекы. А в этих самых походах с ночевками в мешках под елью и с песнями под гитару все располагало как раз к такой любви, бездомной, нерасчетливой, непутевой, а уж интересы близких вообще не ставящей ни во что. Да и что за близкие могут оказаться у девушки, привыкшей ночевать в палатке да на вокзальных скамьях, — мелкие служащие в лучшем случае, народ без претензий. Было, было подозрение, что Марат неспроста ввязался в эти свои туристские шатания, его самого Павел Федорович расспрашивать не решался, зная, как скрытен сын и обидчив. С женой на эту тему разговаривать было бесполезно, она, хоть и защитила диссертацию в своем южном городе на тему о художественном воспитании подростков, к современным ребятам тонкого подхода не имела вовсе. Пришлось подъехать к дочери, Карине, эта десятиклассница, как назло, переживала порыв первой юношеской гордыни и малооправданного высокомерия, окружающие казались ей убогими и ничтожными личностями, учителя, соученики, родственники, соседи, прохожие, все на

увлечений. Зачем дразнить гусей? Он начал обидно, в проверенном уже тоне откровенного мужского разговора, тон этот не обидит парня, а может, и польстит ему.

— Я тебе нотаций не читаю, не талдычу тебе: делай так, так не делай! Я тебя думать призываю. Размышлять! Дорогу ты себе выбрал ответственную, замечательную дорогу, — Павел Федорович и сам не ожидал от себя такого искреннего чувства, — так решай сам, стоит ли на ней мешать самому себе.

Марат по обыкновению отмодался, и тем не менее Павел Федорович сам испытывал удовлетворение от своих слов. Так бывает: может, и не достигли твои аргументы желанной цели, но то, как ты их высказал, облегчает тебе душу. Что в итоге почти равно попаданию в цель. К тому же, напоминая сыну о предназначенной ему дороге, Павел Федорович безотчетно подумал о себе и потому не на шутку разволновался. Черт возьми, рановато он родился, подзатыльник бы папаше с мамашей с этим делом лет этак на пяток, а то и на десяток. Тогда бы в самую точку. Поспел бы к самому развороту культурных и прочих связей, будто к отходу «Красной стрелы». А то поздержался на старте: в Минске на низовой работе мотался, пока не получил приличного назначения на юг, да и там, честно говоря, пересидел. В столицу-то перебрался поздновато, уже сорока с хвостиком от роду. Правда, в те времена особо юных-то и не жаловали. Должность в Москве получил хоть и не самого первого ранга, однако для тех, кто понимает, вполне приличную: председатель Центрального совета известного спортивного общества. Не подвели старые комсомольские связи. Связи его вообще никогда не подводили. Потому что чему-чему, а умению их налаживать он обучился с первых своих шатких шагов по ведущей вверх тропе. Не забывал ни одного человека, с которым сводила судьба не только что по непосредственному делу, но и на каком-нибудь третьестепенном семинаре или же чисто декоративном, ни к чему не обязывающем юбилейном заседании. Вот эти-то собрания Павел Федорович мастер был проводить: слеты, форумы, юбилеи, совещания. Президиум, свет прожекторов, камеры областного телевидения; в такие минуты Павел Федорович испытывал прилив неизъяснимых горячих волн, не их ли поэты именуют вдохновением?

Надо думать, на каком-нибудь из таких торжественных вечеров и заметил Павла Федоровича Иван Суренович. Наверное, еще у помощника

осведомился как бы между делом, тоном вовсе незначительным: что это, мол, за парень на трибуне, прямо как с плаката сошел? Тут уж спасибо Степану, недаром были они с Павлом Федоровичем хорошими приятелями, дал ему исчерпывающую характеристику. Причем тоном совершенно объективным — в этом-то все искусство, — ничем не выдавая своей личной симпатии к взятому на заметку товарищу.

А Иван Суренович, взяв человека на заметку, никогда не упускал его из виду. Павел Федорович очень скоро смог в этом убедиться. Настоящее его выдвижение тогда и началось. В члены городского бюро его кооптировали, избрали в областной совет профсоюзов, возглавлял он некоторое время даже ту самую студию телевидения, посредством которой пострадал некогда его закадычный друг Серега Комиссаренко. Историю эту, надо сказать, Павел Федорович зарубил у себя на носу и потому всех этих разбитных телевизионщиц-дикторш, редакторш, художниц с русалочьими распущенными волосами держал на дистанции, ни одну из них с глазу на глаз в кабинете не принимал, непременно кто-либо из посторонних вертелся тут же. Потому и не задержался он, к счастью, на этой взрывоопасной должности, двинулся на повышение в аппарат.

Кроме внешности в жанре замечательного артиста, часто играющего в кино современных руководителей, Павел Федорович четко знал за собой еще одно достоинство: умение быть дове-

ренным лицом. Проще говоря, каменно молчать про то, о чем тебя известили. Даже если на особую конфиденциальности сообщенного и не настаивали. Ему и так было ясно, без просьб и предостережений, — ничто из того, что обсуждается или хотя бы вскользь высказывается на определенном уровне, даже в виде неясного намека, не должно проникнуть за стены кабинета или конференц-зала, если нет особого на то распоряжения. Эта привычка «темнить», как непочтительно выражались порой подчиненные из молодых, настолько въелась Павлу Федоровичу в плоть и кровь, что ни на один самый невинный, но прямо поставленный вопрос он не отвечал сразу по существу, невольно начинал обиняком и с приветливейшей улыбкой на устах топтался вокруг да около.

Переводом в столицу Павел Федорович был тоже обязан Ивану Суреновичу. Не только связям его, но и не сравнимой ни с чем деликатности. Ведь ни разу даже разговора ни о чем таком между ними не возникало, Павел Федорович своей мечты обосноваться на московской орбите и вздохом не позволил бы себе выдать, а Иван Суренович на подобную возможность даже в шутку не намекал. И только когда ошеломленный сделанным из Москвы конкретным предложением Павел Федорович, с удовольствием робея, пришел к нему в кабинет за советом, усмехнулся с чуть ощутимой подначкой: «Что ж, мы давно предполагали, что Москва вами заинтересуется...»

Марат некоторое время продолжал хмуриться, за семейным столом сидел бука букой, по субботам и воскресеньям из дому ни ногой, часами пролеживал на тахте и даже магнитофон не врубал, без которого прежде не брался за учебники. Короче, страдал. Жена, специалистка по художественному воспитанию подростков, о личных неурядицах сына не имела никакого представления, все норовила отправить его к врачам на обследование. Дочь, заслушав материнские причитания с академическими ссылками на достижения современной науки, саркастически ухмылялась. И даже Павел Федорович не мог удержаться от подковырки:

— Ну что ты его врачами донимаешь, он и так у нас пострадал по медицинской части...

— Как, каким образом? Почему я ничего не знаю? — Жена даже переполошилась, оставалась типичным педагогом-теоретиком, к тому же заведующей сектором в каком-то чрезвычайно важном НИИ по эстетическому, гуманитарному и прочему развитию.

— Да это к вашей проблематике не относится, — отшучивался Павел Федорович.

Он был рад сыновним страданиям, это свидетельствовало о том, что медичка его и впрямь отшила. Дочь подтверждала эту версию, насмешливо сплетничала о том, что неверная возлюбленная брата молодыми людьми не слишком дорожит, даже и теми, что из хороших семей, маменькиными сынками их считает, а волнуют ее по-настоящему зрелые, сами всего в жизни добившиеся мужчины...

Весной, когда Павел Федорович вернулся из поездки по Средней Азии, где проводил семинары по идеологическому воспитанию тренерского состава, жена обрадовала его сообщением: у Марата, кажется, вновь роман. Мыслями Павел Федорович был еще там, среди нежного цветения миндаля, так что информацию супруги он не сразу оценил по достоинству. Почти что мимо ушей пропустил, как умел пропускать многие, не имеющие для него значения жалобы и рассуждения, сохраняя при этом на лице мину глубокого уважительного внимания.

Опомнился, когда шофер вез его домой вдоль бульваров, еще оголенных и местами не очищен-

Рисунок
Левона ХАЧАТРЯНА

ных от почерневшего спрессованного снега, но уже шумных, оживленных, продутых апрельским шальным ветром.

— Весна, щепка на щепку лезет...— Так не сдержанный на язык водитель комментировал обстановку на бульваре, и Павел Федорович внезапно с тревогой подумал о сыне.

Бог его знает, с кем он снова связался. По обычаю того же Ивана Суреновича, который не упускал случая пообщаться с простым народом, Павел Федорович непременно успевал перекинуться парой слов с лифтершей. Так вот от нее известно было, что в окрестности их новых, по индивидуальному проекту построенных домов азяла себе привычку гулять разбитные девичьи, озабоченные целью познакомиться со здешними молодыми людьми. Вообще-то девиц можно было понять: прогуливаясь мимо торжественных, медью и благородным деревом отделанных подъездов, заглядывая в окна, уютно озаренные торшерами и современными светильниками, они воображали себе жизнь, подобную той, что пленяла душу Павла Федоровича в театре оперетты. Однако увидеть в собственном доме героиню «Моей прекрасной леди» Павел Федорович вовсе не рассчитывал. В его планы это не входило.

Все последующие дни ломал себе голову, как бы заново, не травмируя сына, подъехать к нему по поводу его личной жизни. Даже с помощником своим советовался, Николаем Дмитриевичем: тот — мужик тертый, из нынешних, молодежавый, модный, всегда галстуки шефу доставлял, то пошире, то поуже, то попестрее, то поскромнее, — обещал разведать, что к чему. И ведь разведать, да так, что мнительный Марат ничего не заподозрил. Встретились будто случайно, в «Олимпийском» на показательных выступлениях фигуристов Марат с девушкой, зовут Света, очень милая, надо сказать, вкус у него есть, не отнимешь, поболтали о том о сем, потом Николай Дмитриевич пригласил молодых людей за кулисы познакомиться с чемпионами, как-никак трудимся на спортивной ниве. Там и выяснилось между делом, что фамилия Светы Алонина и что учится она в архитектурном институте. Ну, а остальное, понятно, дело техники. Нетрудно было разузнать, что Степан Александрович Алонин известный архитектор, директор огромного института, возводящего города на всех широтах Советского Союза. Депутат Моссовета, это уж как положено. И туда, помощник как бы пересек чуть лукавым своим взглядом государственную границу, выезжает нередко, то конгресс, то по общественной линии, а то и по долгу сотрудничества. Если нужно об успеваемости Маратовой избранницы навести справки, то это не проблема...

«Избранницы!» — усмехнулся Павел Федорович, поблагодарив помощника за блестящее выполнение деликатной миссии, у них ведь, у теперешних ребят, семь пятниц на неделе. И смотря на это дело проще. Не то что в наше время: тронул — женись!.. Павел Федорович рассмеялся с чистым сердцем, вспоминая о суровости былой морали, словно о преодоленных трудностях. А в груди потеплело, недурно бы и впрямь, черт возьми, обвенчать Марата с этой самой Светланой. Он еще раз рассмеялся, удивившись тому, что пришло ему на ум это старомодное, торжественное понятие «обвенчать». Оно пахло неведомым ему ладаном, но в то же время проскальзывало в самом его звучании нечто бравурное и звонкое, что так любил Павел Федорович в классической оперетте из жизни богатых, беззаботных людей.

Венчание, то есть свадьбу, конечно же, назначили на осень. По народной традиции, как выразилась супруга Павла Федоровича, занимаясь художественным воспитанием подрастающего поколения, она отдавала должное благотворному влиянию некоторых дедовских обычаев. Светлана сделала в их доме своим человеком, всем прищлась по душе своею совершенною взрослой деловитостью, четким сознанием того, чего она хочет в жизни.

— Это именно такая жена, которая нужна моему братцу. — Павел Федорович за последние годы впервые согласился с дочерью.

Марат был парень работающий и усидчивый, но вот твердости, уверенности в себе ему не хватало, мямлей вдруг обнаруживал он себя там, где совсем не следовало. А в этой девочке, в этом будущем архитекторе чувствовалась струна, раз и навсегда натянутая сознательным усилием воли и определившая собой все ее существо. Мы такими не были, размышлял, глядя на нее, Павел Федорович, в нас мешковатость до сих пор о себе знать дает, сто раз взопреем, прежде чем на поступок решимся, со всеми выше- и нижестоящими посоветуемся, сомнениями себя изведем, как бы не проиграть больше, чем надеешься выиграть, а эти — прраз! — и переступили заветную

черту, с полным сознанием своего права и с нежеланием томиться у жизни в приемной.

С родителями невесты отношения тоже наладились, тут уж Павел Федорович мобилизовал весь свой немалый опыт организатора всевозможных торжеств, подразумевающих общение вовсе не знакомых и чужих друг другу людей, модель была та же самая, что при встрече какой-либо делегации, только что на личном семейном уровне. Это было вроде бы и проще, с одной стороны, однако, с другой — требовало больше искусства, тонкости, теплоты, задушевности... Этому тоже Павлу Федоровичу при случае было не занимать, понаблюдал, слава богу, как принимает Иван Суренович приезжающих деятелей искусства, делегации из других областей, представителей центральной прессы, наконец. Добрых слов не жалел, на угощения и комплименты гостям не скупился, почти что воспевал их, благодарил судьбу за то, что удостоился чести сидеть рядом с такими людьми, и, чем больше теряли они представление о реальности, тем очевиднее их презирал. Великая школа, ничего не скажешь. Не бойся унижаться — вот как в двух словах сформулировал бы основной ее завет Павел Федорович, если бы кто его попросил, не бойся, не щади своего самолюбия, отыграешься. Именно у того, кто больше всех потворствовал твоему унижению. Короче, с отцом будущей невестки они сошлись, Степан Александрович Алонин ему приглянулся, а нравились Павлу Федоровичу всевозможные люди, соответствующие определенному уровню.

На первом же родительском совете решили построить молодым кооператив. Откровенно говоря, Павел Федорович имел некоторые основания надеяться, что выхлопочет сыну с невесткой государственную квартиру, но благоразумно смолчал, чтобы не хвастаться раньше времени и не сглазить.

— Пока же, — улыбнулся мудро отец невесты, — они, разумеется, будут жить у нас.

— Почему же, — от души удивился Павел Федорович, — у нас ведь как будто бы площадь попросторнее, четыре комнаты, да и по обычаю негоже мужу идти в дом жены.

— Ну разве что по обычаю, — уступил Степан Александрович, но тут же пригласил будущих родственников без стеснения пользоваться дачей на Никольной горе.

Свадьбу договорились устраивать совместными усилиями, не очень помпезную, рассуждал отец невесты, не потому, что жалко денег, уж для единственной-то дочери, поверьте, что нет, а просто по соображениям вкуса. Павел Федорович понимал кивал, ему нравились аргументация. А про себя думал: ну ладно, уж это я возьму на себя. Эту свадьбу он не мог отдать в чужие руки, слишком многое он на нее собирался поставить. И не нужна ему была честная половина расходов со стороны новых родственников, или свойственников, как прежде говорили, любые его затраты в случае удачи должны были окупиться. Удача же грезилась в возможности соединить, собрать вместе, повязать путами симпатий и взаимной необходимости самых разных людей определенного уровня, с какими к этому моменту свела его жизнь.

Ну, разумеется, приглашены были друзья из южного города. Те, чью поддержку Павел Федорович ощущал и поныне, что позволяло ему и в столичных сферах держаться с необходимым достоинством. Профессор из местного университета, председатель колхоза-миллионера, главный редактор кинохроники, заведомо печати. Особая тонкость требовалась для приглашения Ивана Суреновича, ведь ее при желании и неопознательной дерзостью можно было посчитать, та кой человек в принципе и знать-то ничего о семейных торжествах бывшего своего подчиненного не должен, занимая ныне в Москве несравненно высокое положение. Но в том-то и дело, что Иван Суренович мог обидеться как раз и в том случае, если его не пригласить. Виду, само собой, не подаст, но при случае усмехнется грустно: так, мол, и так, совсем зазнались, никакого уважения к старым друзьям... Ивану Суреновичу Павлу Федорович позвонил по вертушке из кабинета доброго знакомого, тоже, понятное дело, приглашенного в качестве самого что ни на есть почетного гостя. Иван Суренович свойски поинтересовался: ты на даче-то в каких местах? В Загорянке? Так я к тебе в субботу подъеду...

И подъехал сам лично, правда, не в ближайшую субботу, а в следующую, дача была казенная, кругом все свои, так и зырили из-за заборов, впервые на этой вполне захолустной улице появилась такая машина.

— Сына, говорят, женишь? — определил Иван Суренович все заранее обдуманые дипломатические подходы и зачины, в сощуренных его глазах

лучилось так идущее ему откровенное лукавство, даже хитрость, пожалуй, какую он не считал нужным скрывать.

Павел Федорович развел руками, поражаясь такой осведомленности и не скрывая того, насколько лестно быть ее объектом. А потом, не дожидаясь наводящих вопросов, словно на выездной комиссии, выложил одним духом все данные: кто невеста, кто родители, какие перспективы с жильем для молодоженов.

Иван Суренович слушал внимательно, как и в прошлые годы, когда докладывали ему о ходе уборки в области, это вообще была характернейшая деталь его стиля — ничего не упустить, все принимать во внимание, не перебивать, пока рассказчик сам не выговорится до дна.

— Хорошо, что предупредил заранее, — прервал он тем не менее Павла Федоровича не слишком корректно, — в октябре я в Англии с делегацией, но к вашему событию, бог даст, ворочусь.

С этими словами Иван Суренович поднялся, давая понять, что краткий его визит закончен и что выходных для него не существует, на очереди другие дела и другие встречи. Павел Федорович проводил гостя до калитки, вновь с удовольствием ощущая на себе заинтересованные, а может, и завистливые взгляды соседей. Иван Суренович еще немного постоял с ним у ворот, прежде чем сесть в машину, словно для того именно, чтобы дать Павлу Федоровичу возможность от души наслаждаться внезапным его торжеством. А на прощание произнес, окинув взглядом казенный коттедж, в котором Павел Федорович с семьей занимал лишь половину:

— Скромно живешь.

И, как всегда, трудно было уяснить, то ли одобряет он этот факт, то ли сочувствует ему.

Конкретными организационными вопросами грядущего торжества занялся помощник, лучшего человека в этом смысле трудно было сыскать во всей стране, однако Павел Федорович даже ему не смог передоверить некоторых, особо щепетильных замыслов. Потому что творчества, черт возьми, не передоверишь. С помощью того же помощника разыскал двух главных в их системе остряков, некогда, в достославные времена сочинявших и ставивших «капустники», чуть ли не капитанов знаменитых студенческих команд КВН, и попросил их заглянуть к нему в обеденный перерыв.

Сели без чинов, за круглым низким столиком в углу кабинета, секретарша подала чай, несколько удивляясь несolidности посетителей и тому, что шеф держится с ними чересчур уж по-свойски, запросто. А Павел Федорович, когда строгая секретарша вышла, с бесшабашным видом — эх, была не была! — достал из встроенного шкафа початую бутылку коньяка и три рюмки. Юмористы, переглянувшись, засмущались.

— Ну вот что, ребята, — совсем уж по-дружески произнес Павел Федорович и даже за плечи обоих приобнял, — выручайте, на вас вся надежда! Сына женю, в кои-то веки бывает. Ну и хочется, чтобы свадьба запомнилась не одними шашлыками да кольцами. Понимаете меня? Сообразите что-нибудь такое веселое, удалое, гостей повеселить... За тамаду я спокоен, друг мой с юга прилетит специально, златоуст! Хотя в ООН посылай, между прочим, профессор философии в местном университете. Но удивить хочется... Возьмитесь, а? Типа «веселых и находчивых»... Лозунги там разные юмористические, эпиграммы... я вам и темы подготовил. — Павел Федорович раскрыл лежавшую на столе красивую папку с фирменным тиснением внешнеторгового объединения. — Вот смотрите, тества протернуть можно за любовь к автомобилю, пожелать ему скорого строительства гаража, третий год бьется; свекрови защититься еще раз, она у нас в докторе метит, вот так-то, братцы, не лыком шита... Ну, жениху, как положено, успехов в учебе, больше целеустремленности в жизни. Невесте сами понимаете, чего пожелать... На свадьбе можно немножко этакое... в рамках, конечно. Известные люди будут среди гостей, можно сказать, знаменитые спортсмены, артисты, живописцы, их тоже неплохо упомянуть в стихах, но только тщательно, сами понимаете, в высшей степени деликатно. Ну уж, а меня, грешного, — Павел Федорович вновь улыбнулся, — на ваше усмотрение... Если заслуживаю, не щадите и меня!

Остроумцы на этот раз потупились, не переглянувшись, и хмыкнули как-то уж совсем через силу. Павел Федорович уразумел это по-своему и выложил прямо, без экивоков, что, уважая творческий труд, предоставляет обоим авторам по два дня отгула. И вообще, тут решительность тона уступила у Павла Федоровича место некоторой многозначительной туманности, я добрых услуг не забываю...

Согласились на том, что Рязанцев составит сце-

нарий торжества, а Гойзман, как признанный профсоюзный поэт, напишет дружеские эпиграммы.

Все складывалось так хорошо, что необходимо было ожидать неприятностей. Это вздохнула жена, которая при всех своих степенях в области художественного воспитания подростков оставалась суеверным человеком. Сам-то Павел Федорович на предрассудки плевать хотел, он как раз верил, что раз все идет хорошо, то должно идти все лучше. Не подкачали южные дружки, прислали с верными гонцами и вина, и фруктов, и вообще всего, чего нужно молодым людям наших дней, как всегда, южное снабжение могло дать столичному сто очков вперед. Помощник превзошел самого себя, в «Праге» у него обнаружился знакомый метр Сергей Иванович, специалист международного класса, обещал устроить свадьбу почище дипломатических приемов.

И вот тут случился прокол. Дочь Карина, которую, вероятно, раздражала неосознанно вся эта суета по поводу свадьбы брата, звонки, визиты, приезд посыльных с дарами, поездки в магазины, не имеющие к ней решительно никакого отношения, сделалась более капризной, чем когда бы то ни было. Павел Федорович злился, но значения этому не придавал, в конце концов девчонка привыкла быть пупом земли и теперь заурядно ревнует. Но от одной ее фразы Павел Федорович остолбенел.

— А вы знаете, что ваш жених каждую ночь своей медсестре названивает? — мстительно выкрикнула дочь, и у Павла Федоровича заняла лопатка. Марат и впрямь после двенадцати утаскивал телефон в свою комнату, никто этому не удивлялся, считалось, что жениху с невестой полагаются поворковать на сон грядущий. А он вот, значит, с кем ворковал! Да какое уж тут воркование, небось, выяснял отношения накануне «рокового» шага, страдал, намекал, не дай бог, каялся и обещал все на свете переиграть в последний момент! С него станется, с тихони проклятого, кто знает, какие страсти бурлят под внешней его флегматичностью, какие благородные чувства! Павел Федорович вдруг сообразил, что, в сущности, вовсе не знает сына, его устремлений, надежд, как это в старину говорилось, идеалов.

Первым импульсом было броситься к сыну, схватить его за грудки и тряхнуть, чтобы опомнился, как никогда, впрочем, его не тряхивал — не было повода. Потом пришло трезвое соображение: именно потому, что прежде к таким мерам не прибегал, теперь о них и думать не приходится. Марат только взъерепенится и, чем черт не шутит, додумается до такого поступка, который пока еще ему, может, и в голову не пришел. Вот медсестру эту, поганку, действительно стоило бы разыскать, внушить ей со всей строгостью, чтобы не сбивала порядочных ребят с пути истинного. Впрочем, и это праведное намерение по здравому размышлению показалось глуповатым, то-то и оно, что она их почти что составляет на этот самый благонравный путь. От расстройств Павел Федорович даже закурил, хотя не брал табака в рот лет двадцать как минимум. А теперь вот дымил неумело и думал о том, что уповать остается лишь на судьбу. Пронесет, так пронесет. А нет, так пропади оно все пропадом.

За неделю до свадьбы произошла неприятность, затмившая на мгновение все текущие страхи и дурные предчувствия. У себя в кабинете он, как всегда внимательно, просматривал утренние газеты, отмечая при этом, какую статью на досуге следует проработать с особым тщанием, статьи он именно прорабатывал, это была еще школа ранних пятидесятых, дополненная последующим

опытом улавливания интонации и особо важных абзацев. В этом номере подобных, настораживающих внимание статей подобралось больше чем обычно, потому-то с запозданием обратил он внимание на короткую официальную информацию, помещенную на второй странице с подчеркнутой деловой скромностью, едва ли не на полях проблемного экономического обзора. Когда Павел Федорович прочел эти несколько сухих однозначных строк, ему вдруг почудилось, что они разрослись до размеров громких предпраздничных призывов, заполонив собою всю площадь газетного листа. Речь шла об Иване Суреновиче.

Досада по поводу многих своих разом рухнувших планов пришла потом, сперва же потрясло недоумение, как это его угораздило не прослышать ни о чем таком раньше. Неужели все эти предсвадебные заботы и опасения до такой степени задурили ему голову? Или же вера в звезду Ивана Суреновича была в его душе столь благодарно незыблемой, что он даже не подумал ни разу о ее закате, как не допускаем мы до поры до времени возможности своего конца? Вот это, пожалуй, самое верное. Какие угодно под дверь просочившиеся слухи принимал к сведению Павел Федорович, предчувствуя, что пошатнется того и гляди тот или иной казавшийся неколебимым авторитет. Но вот в отношении Ивана Суреновича такая мысль даже в голову не приходила. Потому-то и ошеломило известие, как ошеломляет самоуверенного, привыкшего к победам боксера первый будто бы ненароком, будто бы по недоразумению пропущенный удар. Как председатель спортивного общества Павел Федорович уже знал, что пропустить стоит только раз...

Во всяком случае, никаких соболезнующих визитов и даже звонков он себе не позволил. Ни к чему это. Нехорошо, конечно, по первому впечатлению, можно и неблагодарной тварью оказаться в глазах стоящего человека, ничего, Иван Суренович, как никто другой, просчет ситуацию. Он осознает, что признательность некогда зависимых от него людей никуда не денется, не испарится, не увянет, она, может, даже окрепнет и наверняка покажет себя только со временем, когда утихнет смута и отстоится вода.

Таковыми рассуждениями успокаивал себя Павел Федорович, а сам уже подумывал ненароком о том, что пора прибавиться к другому берегу, раз тот, к которому его так искренне тянуло, оказался ненадежен. О том, что можно жить, ни к чему не прибавившись, не укрывшись ни под чью сень, он и подумать не мог. Такая позиция противоречила бы всему его опыту, его личному, накопленному, как принято теперь выражаться, в течение тридцати лет осмотрительного и умелого продвижения по единожды выбранному и четко определенному курсу. Какие отважные и дерзкие мореходы сопутствовали ему порой в его плаваньи, презирая опеку и зависимость, только где они теперь? Чего достигли? Какие открытия совершили? Вспоминать не хочется...

В тот день Павел Федорович, словно актер во время премьеры, был с головой погружен во все происходящее и тем не менее как бы видел себя и окружающих со стороны. Поскольку спектакль ему нравился, было такое чувство, что и сам он играет хорошо.

Свадьба нигде не дала сбой, «Чайка», украшенная обручальными кольцами, в сопровождении эскорта разноцветных «Жигулей» из Дворца бракосочетаний повезла молодых на Ленинские горы, там, на виду у Москвы, лежащей внизу в золотисто-голубоватой октябрьской дымке, молодые по примеру Герцена и Огарева, в этом бы-

ла идея сценария, не всем гостям, впрочем, внятная, дали друг другу клятву верности и любви. Потом кортеж прокатился по заповедным местам Москвы, немного излишне уделяя внимание монастырям и особнякам (по мнению Павла Федоровича, можно было бы и район новостроек посетить), поколесил по бульварам, засыпающим трамвайную колею шуршащими листьями, Павел Федорович с женой ехали вслед за «Чайкой» в служебной черной «Волге», за ними в утконосе новейших «Жигулей» двигались родители невесты, за рулем сам директор института, на изгибе бульвара становились видны остальные машины, длинный хвост экипажей, увешанных куклами и воздушными шарами, груженных немалыми, как потом оказалось, подарками.

В дверях «Праги» молодых встретил метрдотель Сергей Иванович, элегантный, седовласый, с мудрой улыбкой на устах, похожий на кого-то из английских премьер-министров былых времен, официантки усыпали путь жениха и невесты осенними цветами, гремела музыка, репортер из спортивной газеты, несмотря на возраст, удивлял публику резвостью, прибаутками и самоотверженностью, едва ли на огромной сияющей люстре он не повисал ради необычайного сенсационного ракурса.

А ведь было что снимать, черт возьми! Павел Федорович вдруг на мгновение увидел собравшихся глазами фотографа и от восхищения раззадорился, так хороша была сама собою сложившаяся картина. Пожалуй, и в посольстве обстановка не могла бы создаться более элегантной, с простительным хмельным тщеславием подумал Павел Федорович. И тотчас вспомнил о любимых своих спектаклях в театре оперетты, кто бы мог предсказать, что мечты реализуются так полно и с таким совершенством. Жених и невеста ничуть не уступали театральным героям, даже примадонна оперетты в меховой накидке, почтившая свадьбу своим присутствием, могла бы это признать. От невесты этого еще можно было ожидать, но Марат-то, Марат до чего хорош был в своем светлом парижском костюме! Откуда что взялось, манеры, обращение... Что творит с людьми атмосфера! Смех временами прокатывался по залу, не реже и не слабее, чем в оперетте, шуточки кэвээнщиков неотразимо оказывали себя.

Удовлетворенным взглядом победителя, которому ничего больше не нужно, он обвел зал и вдруг узнал Ивана Суреновича. Узнал не сразу, хотя Иван Суренович, как прежде, как всегда, был осанист и добротен, чуть старомодно элегантен. И все же это был совсем не тот человек, с которым месяц назад они пили чай на дачной веранде, на этого человека решительно никто не оборачивался, его, пожалуй, и в зал-то допустили после некоторых препирательств, гости перед ним не расступались, непочтительно задевая его локтями и не устаивая чересчур любезными извинениями.

Иван Суренович глядел с обычной своей хитрецей, сощурился и без того небольшие свои глаза, уверенность в себе его не покинула, ноги держали. И тем не менее это был человек, которого не узнавали, к которому очень надо было приглядеться, чтобы его узнать.

Ну зачем, зачем он пришел, что ему здесь надо? — без стеснения подумал Павел Федорович, чувствуя, как закипает в груди глухая досада. Что ему, с внуками не сидится, в самом деле, или в жэковском товарищеском суде? Неужели так сильна в нас сила инерции, что застит весь белый свет и лишает простейшего такта, не говоря уж о чувстве реальности? Ведь не из дому явился он теперь в «Прагу», а из другой эпохи, которая отшумела, отгремела, отгуляла свое, да так, что и вспоминать об этом не принято...

Знаменитый столичный Манеж — Центральный выставочный зал Министерства культуры СССР — привлекает сегодня публику интересной культурной программой. Вечера, дискуссии, творческие отчеты...

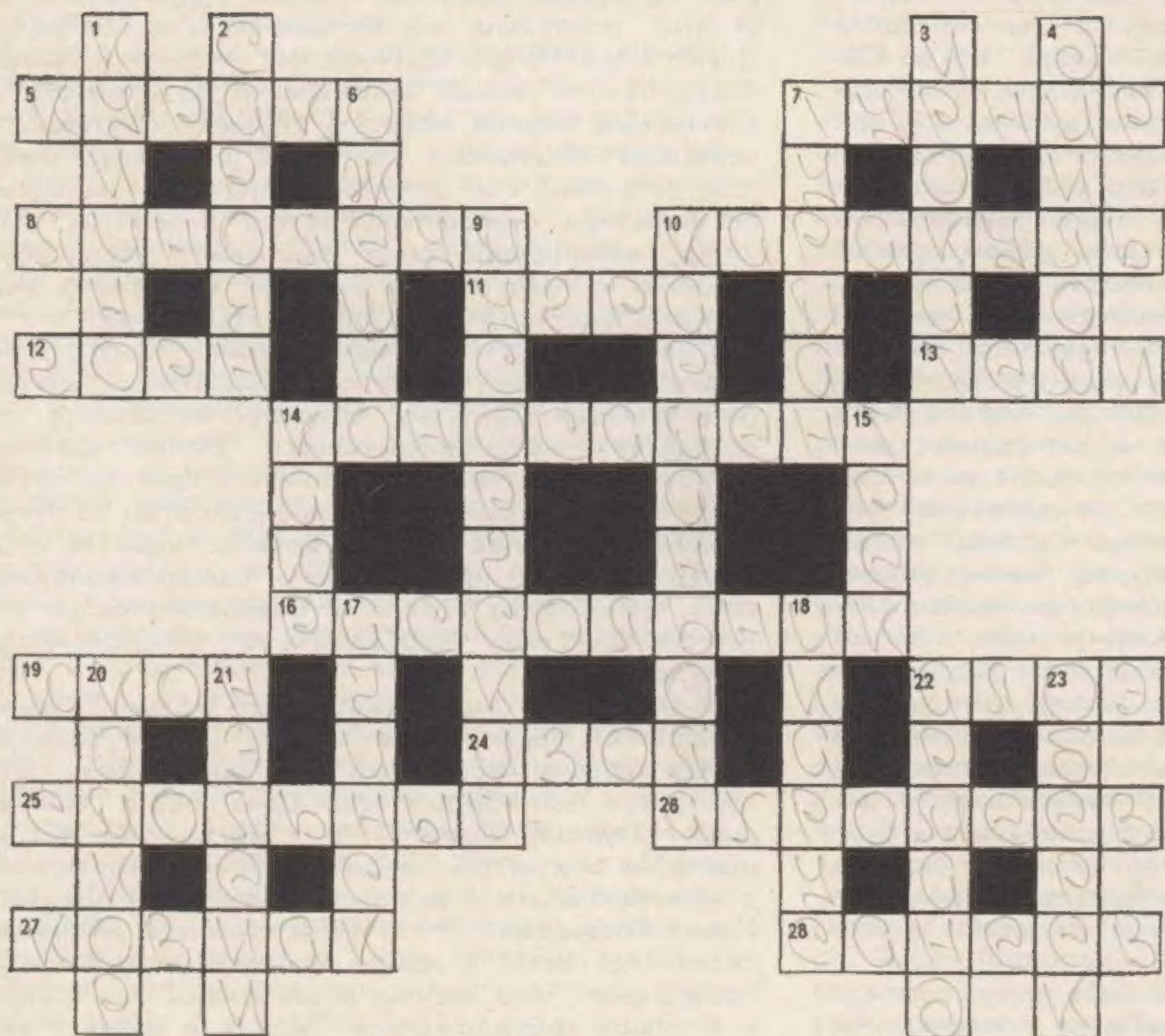
Вот и на встречу с сотрудниками, авторским коллективом журнала «Огонек» пришло много слушателей. Мы предложили собравшимся, что называется, поговорить по душам. В микрофон прямо из зала зрители задавали вопросы находившимся на сцене Евгению Евтушенко и Владимиру Ресептеру, Александру Иванову и Евгению Бачурину, Андрею Вознесенскому, Владимиру Енишерлову, Андрею Дементьеву... Собравшихся волновало освещение на страницах журнала проблем экономики и производства, литературы и искусства, исторического прошлого нашей Родины.

Но при этом весь разговор был как бы пронизан бессмертным именем Пушкина: в эти дни в Центральном выставочном зале проходила юбилейная пушкинская выставка.

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Metallurg, основатель школы русских доменщиков, участник революции 1905—1907 годов. 7. Спортивное соревнование по круговой системе. 8. Рулонный материал для покрытия полов. 10. Озеро на севере Памира. 11. Приток Волги. 12. Нижняя часть шахтной плавильной печи. 13. Степень быстроты движения, интенсивность развития. 14. Документ с условиями договора на морские перевозки грузов. 16. Разновидность супа. 19. Река в Канаде и на Аляске. 22. Декоративное и лекарственное южное растение. 24. Эластичный кровельный материал. 25. Историко-революционное здание в Ленинграде. 26. Маршал Советского Союза. 27. Командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза. 28. Советский спортсмен, трижды чемпион Олимпийских игр в тройном прыжке.

По вертикали: 1. Город в Новосибирской области. 2. Современный американский писатель. 3. Изделия металлургического производства. 4. Документ об окончании вуза. 6. Польская писательница. 7. Голубь особой породы. 9. Русский композитор, член «Могучей кучки». 10. Французская народная революционная песня. 14. Погонщик запряженных собак, оленей. 15. Сооружение для соревнований по мотоспорту. 17. Город в Красноярском крае. 18. Марка венгерских автобусов. 20. Звание высшего командного состава в Красной Армии. 21. Тенор, народный артист СССР. 22. Деятель международного революционного движения, руководительница I Международной женской коммунистической конференции. 23. Польский народный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 7. «Джамиле». 8. Аммофос. 9. Снегирь. 11. Светлов. 12. Клише. 13. Ствол. 15. Ртуть. 17. Тренинг. 19. Независимость. 22. Путевка. 25. Чудра. 27. Вклад. 28. Лекок. 29. Табидзе. 30. Углевод. 31. Шибеник. 32. Кварцит.

По вертикали: 1. Джонатан. 2. Филиал. 3. «Селькор». 4. Бассейн. 5. Омметр. 6. «Холостяк». 10. Гимнастерка. 14. Оркестр. 16. Третьяк. 17. Трапп. 18. Гроза. 20. Прунарию. 21. Оратория. 23. Уклейка. 24. Кукушка. 26. Арденны. 27. Валдай.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

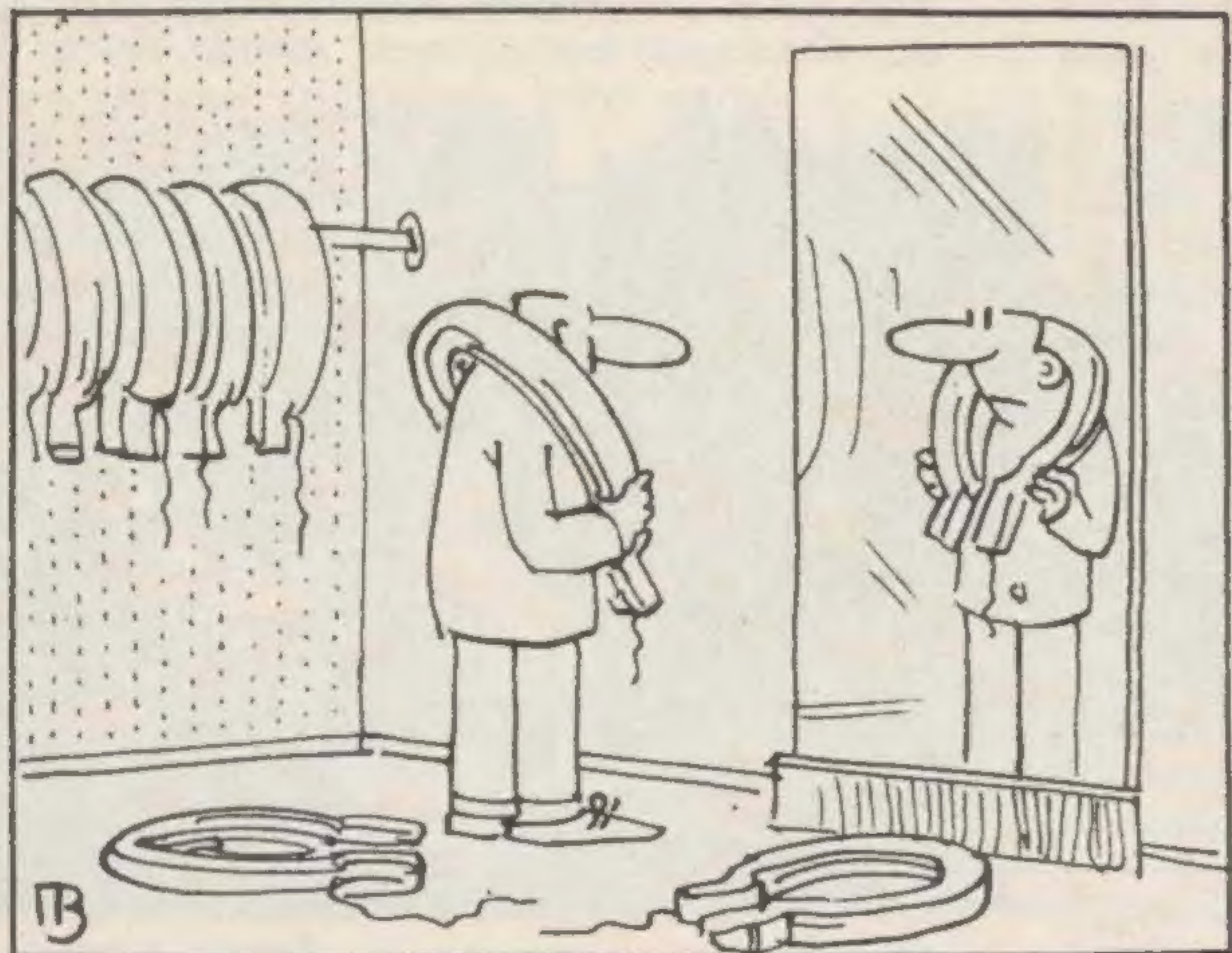

Рисунок Виталия ПЕСКОВА.

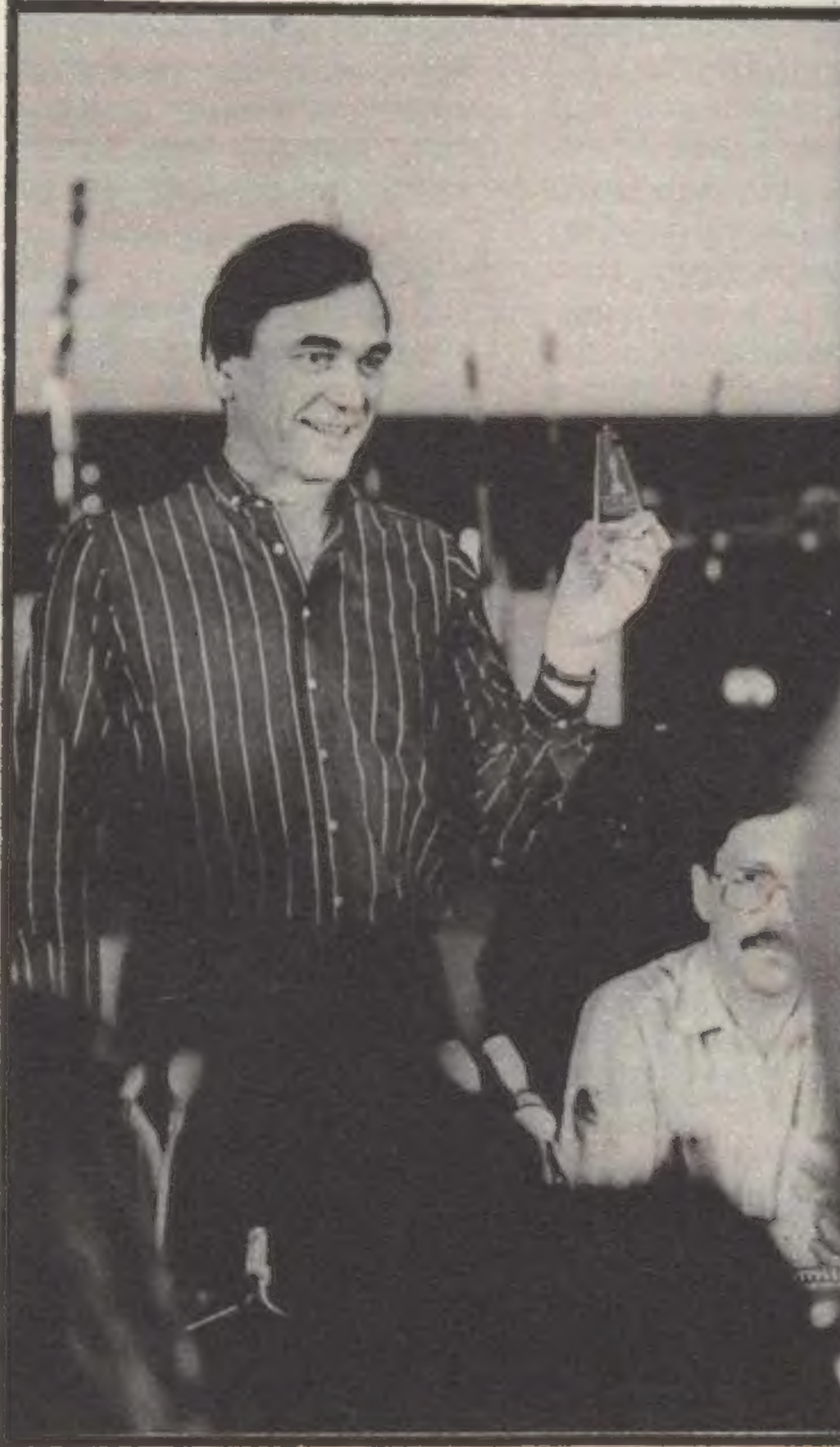
ВЗГЛЯД

Оказывается, Милош Форман — страстный болельщик московского «Спартака», вследствие чего однажды вечером он отправился в Лужники и очутился в плотной толпе. Спрашивали лишний билетик. Форман прочел афишу — и вместо футбола пошел в кино. Собственный фильм двенадцатилетней давности «Пролетая над гнездом кукушки» по-настоящему растрогал его. Потому что зал был полон, и реагировали советские зрители точно так же, как когда-то американцы, а значит, фильм живет и делает свое дело.

Все-таки мы еще не до конца осознали смысл совершающихся в кино перемен. Допустим, в том, что рано или поздно увидим «Ностальгию» и «Жертвоприношение», мы не сомневались. Но вот представить, что дипломная работа Александра Сокурова «Одинокий голос человека», едва не уничтоженная по распоряжению агитковского начальства, будет демонстрироваться на Московском международном кинофестивале, я, например, не мог. Какое грустное название: «Ретроспектива молодого кино». Впрочем, оно же и обнадеживает.

Даниэль Ольбрыхский рассказывает: узнав, что он собирается в Мо-

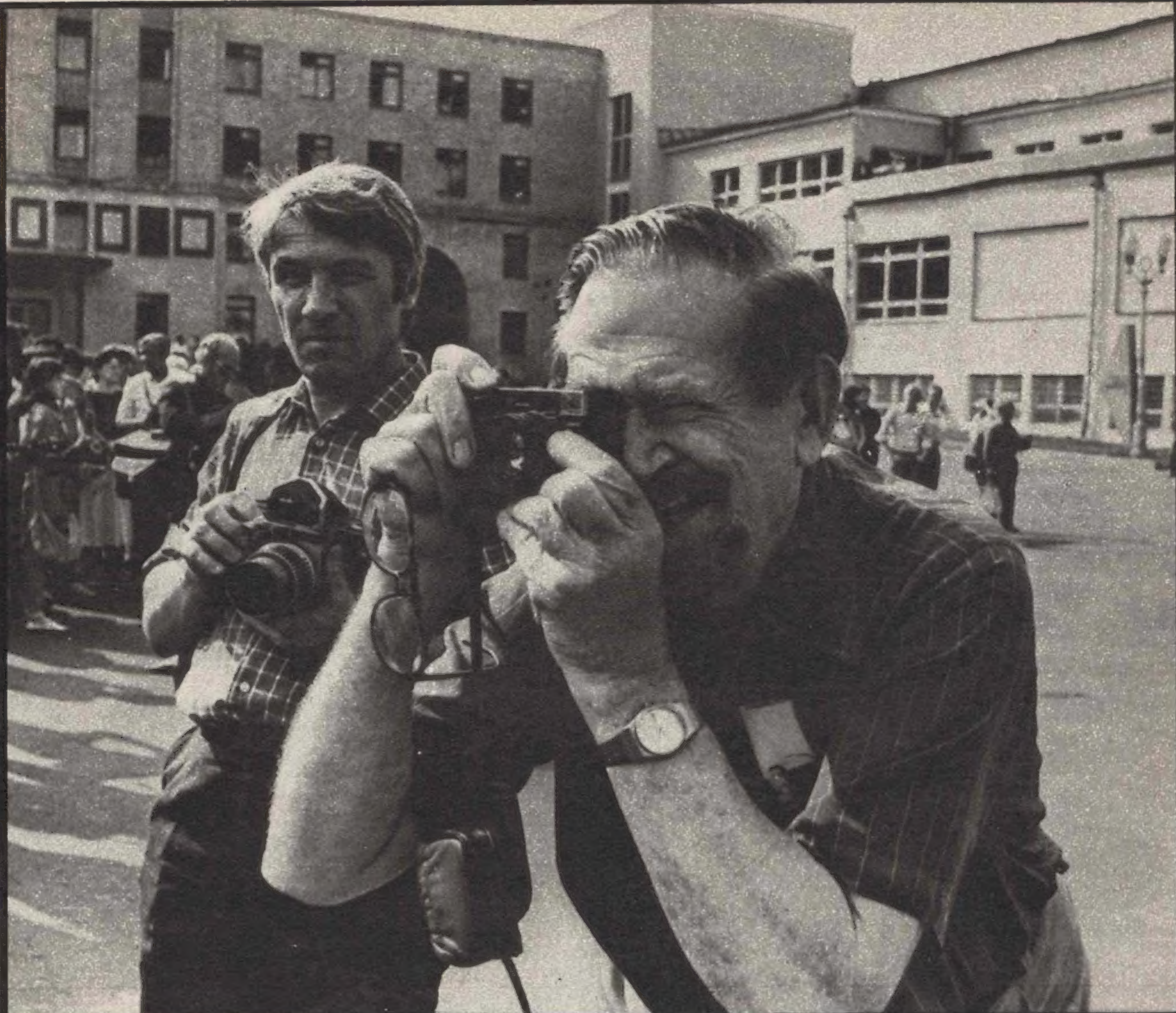

Элем Климов на открытии профессионального клуба кинематографистов.

скову, друзья перечислили ему фильмы, которые обязательно надо посмотреть. В число «полковников», так поляки называют тех, чьи фильмы «лежат на полке», попал и член жюри Кшиштоф Кесьлевский со своей картиной «Случай». Другой член жюри, венгерский режиссер Миклош Янчо, по его собственным словам, известен в нашей стране по «короткометражкам»: его картины в советском прокате были безнадежно сокращены. «Уверен, сейчас этого не случилось бы», — говорит Янчо.

В программе фестиваля действительно произошли разительные перемены к лучшему. Вспомним прошлый, четырнадцатый фестиваль, «Гвозди» которого были «Кабаре» и «Гибель богов» — фильмы хорошие, но старые. Сейчас москвичи имеют возможность увидеть то, что смотрит

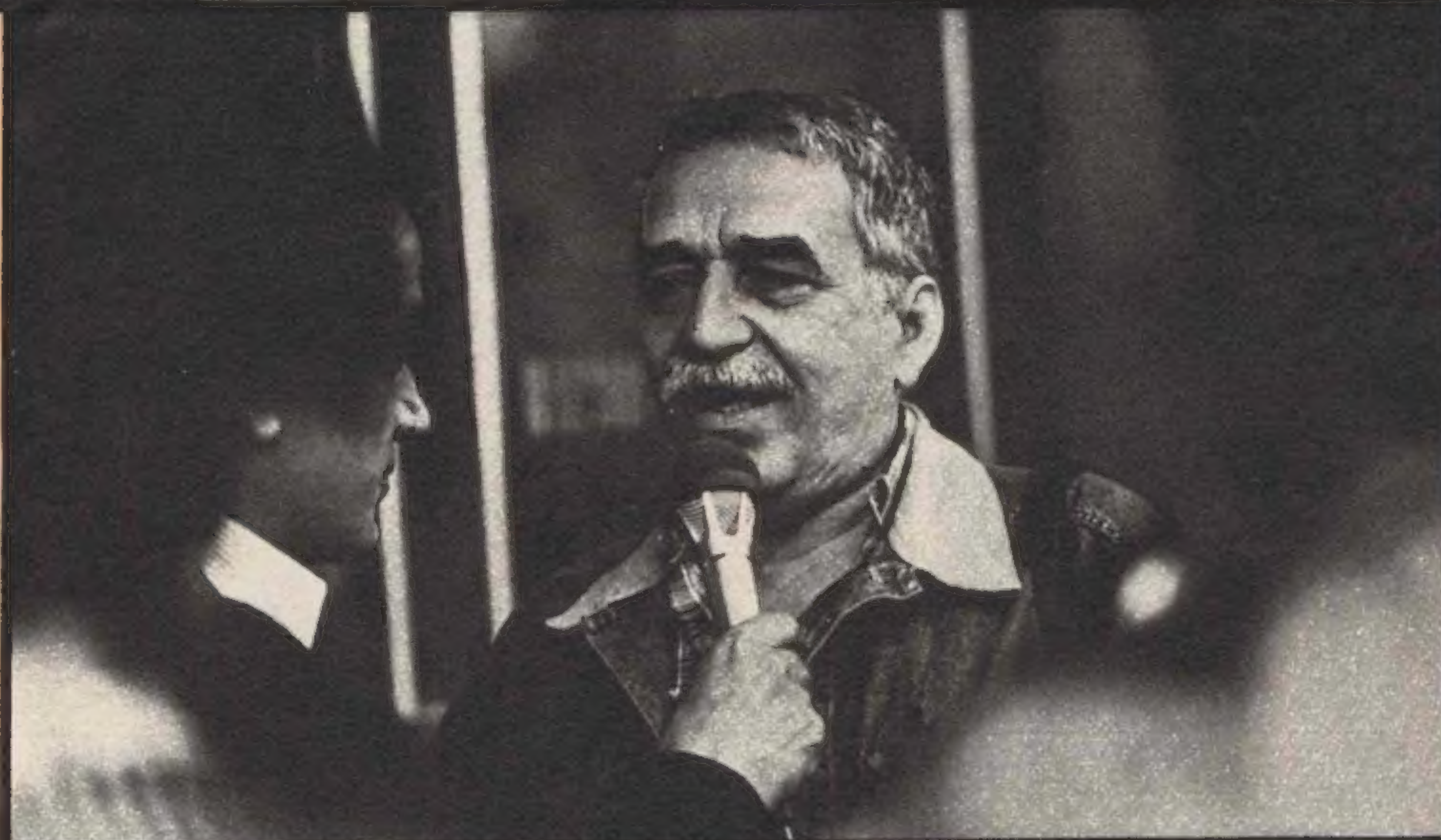
ДЫ

● Кинорежиссер
Эдмонд Аллисон
(Австралия)
в роли
фотолюбителя.

● Людмила Гурченко
и Ирина Мирошниченко.

● Габриель
Гарсиа Маркес
дает интервью...,
а Шаши Капур
автографы.

весь мир и о чем критики толком даже написать не успели. В организации перемены не бросаются в глаза; их чувствуют те, кому есть с чем сравнивать. Меньше «галочных» мероприятий — одним из них всегда был, скажем, симпозиум. Более раскованная атмосфера: гости теперь говорят не только то, что хотят услышать от них советские интервьюеры («Чешет как по писаному», — усмехались мы, вежливо кивая в ответ на поток стандартных комплиментов), но и то, что действительно думают. Ванесса Редгрейв, в свое время получившая, но отклонившая приглашение на один из наших фестивалей, участвовала теперь в острейшей дискуссии в профессиональном клубе кинематографистов и с большим энтузиазмом отзывалась о сегодняшних наших переменах.

В рамках кинофестиваля ведутся переговоры о совместных постановках; проектов как никогда много. Элем Климов совместно с «Коламбиа пикчерз» будет экранизировать «Мастера и Маргариту», бразильские кинематографисты изъявили желание сделать фильм об экспедиции в Бразилию в начале прошлого века русского академика Лангсдорфа. Стэнли Крамер будет ставить фильм о чернобыльских событиях.

И все-таки, как бы там газетчики ни описывали «будни фестиваля», читатель отлично знает: это праздник.

Вручат призы, уберут флаги, проводят гостей, и трепет останется в твоей душе до следующего фестиваля, который, конечно, будет лучше прежнего.

Владимир АБАРИНОВ,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Здесь все самое северное
в мире — тропинки, собаки
и этот указатель:

«Отсюда все дороги на юг.
До Москвы — 3834
километра»...

И даже загар у матроса
атомохода «Сибирь»
Владимира Козловского,
готовящего углубление
под ледовый якорь, тоже
самый северный.

25 мая бас атомохода «Сибирь»
возвестил о прибытии
на Северный полюс
новой советской экспедиции.
[См. в номере материал
«Арктический венец».]

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЁК

